

Homo sapiens, Homo legens

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ:
ГОД ТРЕТИЙ**

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям
Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ: ГОД ТРЕТИЙ

Материалы

**Всероссийской научно-практической конференции
«Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ:
влияние на круг чтения» (Москва, 19 ноября 2009 г.)**

**III Всероссийской научно-практической конференции
«Национальная программа поддержки и развития чтения:
итоги и перспективы» (Москва, 20 ноября 2009 г.)**

Москва
2010

УДК 028(082)
ББК 78.303я431
Н35

Издание подготовлено
Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества (МЦБС)
при поддержке Министерства культуры Российской Федерации
и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Редакторы-составители: Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова

Н35 **Национальная** программа поддержки и развития чтения: год третий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения» (Москва, 19 ноября 2009 г.) и III Всероссийской научно-практической конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы» (Москва, 20 ноября 2009 г.). — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2010. — 216 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения» (Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 19 ноября 2009 г.) и III Всероссийской научно-практической конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы» (Москва, «Президент-Отель», 20 ноября 2009 г.).

УДК 028(082)
ББК 78.303я431

ISBN 978-5-91515-034-7

© Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2010

Содержание

Предисловие	4
Всероссийская научно-практическая конференция «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения»	7
Открытие конференции	8
Тематическая дискуссия «Библиотеки: влияние на круг чтения»	22
Тематическая дискуссия «СМИ: влияние на круг чтения»	60
Тематическая дискуссия «Книгоиздание и книжная торговля: влияние на круг чтения»	89
III Всероссийская научно-практическая конференция «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы»	113
Открытие конференции	114
Доклад «Результаты общероссийского мониторинга региональной политики и деятельности библиотек в сфере поддержки и развития чтения» (Е. И. Кузьмин).....	124
Тематическая дискуссия «Образование и чтение».....	141
Тематическая дискуссия «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы».....	179
Участники дискуссий	209

Предисловие

В 2010 г. заканчивается первый этап реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в России, в ходе которого были предприняты усилия и инициативы в этой чрезвычайно важной для развития страны сфере. Заметны определенные позитивные сдвиги в целом ряде регионов. Проблема чтения начинает восприниматься более профессионально, нарабатывается опыт, по всей стране проводятся мероприятия, связанные с поддержкой книги и чтения; некоторые из них носят инновационный характер.

В настоящем сборнике представлены материалы двух крупнейших всероссийских форумов, на которых в разных ракурсах анализировались состояние, тенденции и итоги деятельности по продвижению чтения за 2009 г. Оба мероприятия были организованы Министерством культуры Российской Федерации, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества (МЦБС).

19 ноября 2009 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына при поддержке Министерства культуры Российской Федерации состоялась конференция «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения».

20 ноября 2009 г. в «Президент-Отеле» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям прошла III Всероссийская конференция «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы».

Обе конференции были связаны общей проблематикой и взаимно дополняли друг друга, на обеих был впервые использован формат тематических дискуссий. В каждой из них докладчиками выступили не только представители отраслей, определивших тему дискуссии, но и представители смежных сфер книжного дела, которые смогли поделиться «взглядом со стороны».

На конференции в Доме русского зарубежья состоялись три тематических дискуссии: «Библиотеки: влияние на круг чтения»; «СМИ: влияние на круг чтения»; «Книгоиздание и книжная торговля: влияние на круг чтения».

В ходе дискуссий освещался и обобщался опыт библиотек, издательств, книготорговых предприятий, а также средств массовой информации в сфере развития чтения, рассматривались вопросы развития профессиональных коммуникаций между этими институтами.

Конференция в «Президент-Отеле» открылась докладом по результатам общероссийского мониторинга региональной политики и деятельности библиотек в сфере поддержки и развития чтения, который проводился Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества в 2009 г. Затем состоялись две тематические дискуссии: «Образование и чтение»; «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги, проблемы и перспективы».

На первой из них рассматривались проблемы вовлечения системы образования в деятельность по реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, в том числе обсуждались меры, которые необходимо предпринять, с тем чтобы обеспечить условия для сохранения и развития русского языка, роста культурного и интеллектуального потенциала граждан. Вторая дискуссия традиционно была посвящена наиболее общим вопросам реализации Национальной программы.

Как и в предыдущие годы, участникам обоих форумов были предоставлены комплекты методических и информационно-аналитических материалов, раскрывающих причины возникновения проблем чтения, описывающих российский и зарубежный опыт их решения. В специально подготовленном к началу обеих конференций фундаментальном издании «Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации» содержатся подробные сведения о Национальной программе, предлагаются указания и рекомендации относительно того, что еще предстоит сделать для дальнейшего продвижения книги и чтения. Настоящими «сокровищницами идей» являются и сборники материалов всероссийских конференций по проблемам чтения, прошедших в 2007 и 2008 гг. Все эти издания подготовлены Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества при участии ведущих специалистов книжного дела страны.

Обе конференции прошли на самом высоком содержательном и организационном уровне. Их участниками стали ведущие эксперты российской книжной сферы – представители профильных федеральных министерств и ведомств, администраций субъектов Российской Федерации, ведущих общероссийских и профессиональных СМИ, учреждений культуры, образования, науки, издательств, организаций книжной торговли.

Статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации Е. Э. Чуковская в своем выступлении отметила, что Национальная программа развития чтения поддерживается всеми, кто способен понять и оценить ее актуальность и значимость, хотя, к

сожалению, многие по-прежнему чаще всего рассматривают чтение только как чтение художественной литературы. Очевидно, что данный стереотип необходимо преодолеть.

Заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям В. В. Григорьев в своем докладе подчеркнул, что без пропаганды и развития чтения невозможно создать конкурентоспособную нацию, и с гордостью отметил, что многие идеи, которые вошли в Национальную программу чтения, были озвучены в статье Президента Российской Федерации «Россия, вперед!» и в Послании Федеральному собранию Российской Федерации 2009 г., что наглядно демонстрирует, насколько важны принципы Программы для воспитания нового поколения россиян.

Все свидетельствует о том, что деятельность по поддержке чтения в России постепенно развивается. К сожалению, несмотря на все прикладываемые усилия, проблемы остаются. Показатели чтения падают. Однако это должно стать не поводом для разочарования как в собственной деятельности, так и в Национальной программе, а стимулом продолжать и активизировать работу, возможно, пересмотрев некоторые базовые принципы.

Многие из целей, поставленных на первом этапе реализации Национальной программы, достигнуты. Многие задачи выполнены. Проведен системный анализ текущего состояния развития чтения в России; формируются организационные, научно-методические и информационные предпосылки для дальнейшей реализации Программы; идет мобилизация и объединение наиболее активных и компетентных работников сферы управления и специалистов системы образования, библиотек, книжной индустрии и СМИ вокруг задачи укрепления инфраструктуры поддержки и развития чтения в России. В ноябре 2010 г. основные итоги нашей четырехлетней работы будут подводиться на IV Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы» и II Всероссийской конференции «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения», в преддверии которых и выходит этот сборник.

Ю. С. Пуля,
начальник Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Т. Л. Манилова,
заместитель начальника Департамента культурного наследия
и изобразительного искусства — начальник отдела библиотек и архивов
Министерства культуры Российской Федерации

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БИБЛИОТЕКИ, ИЗДАТЕЛЬСТВА,
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ И СМИ:
ВЛИЯНИЕ НА КРУГ ЧТЕНИЯ»**

19 ноября 2010 г.
Дом Русского зарубежья
имени Александра Солженицына

Открытие конференции

Е. И. Кузьмин

Уважаемые коллеги, мы начинаем нашу конференцию. Сначала я бы хотел вам сказать несколько слов, поясняющих общую идею. Собственно, многим она уже и так понятна после просмотра программы, но тем не менее.

Сегодня у нас не просто первый день двухдневной конференции, у нас сегодня первая самостоятельная конференция, которая проходит по заказу и при финансовой поддержке Министерства культуры России. Она называется «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения». А завтра в «Президент-Отеле» по традиции пройдет III Всероссийская конференция, которая и в предыдущие годы проходила примерно под тем же названием: «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы».

В этом году мы продолжаем экспериментировать с форматом конференции. В первый год конференция проходила как единое пленарное заседание, в прошлом году были тематические секции, где представители различных институтов поддержки и развития чтения обсуждали как свои собственные проблемы, так и общие проблемы, но исключительно глазами той или иной отрасли, а потом ведущие секций на общем пленарном заседании докладывали, что происходило на каждой из секций. В этом году мы решили применить такой модный сегодня в мире формат, как панельные дискуссии.

Сегодня у нас три панели. На первой панели будут представлять себя библиотекари, вернее, будет рассматриваться связанная с чтением «библиотечная» проблематика. На второй тематической дискуссии (что и есть в переводе на русский язык «панель») мы обсудим средства массовой информации и их влияние на круг чтения. Третья панель будет посвящена влиянию книжной индустрии, книгоиздания и книжной тор-

говли. После этого состоится концерт фортепианной музыки, он начнется в 17:30.

Завтра в «Президент-Отеле» будут две панели, самые, я бы сказал, сложные. Одной из них никогда не было. Как многие из вас знают и читали, одна из главных проблем — вовлечение системы образования в полномасштабную реализацию Национальной программы поддержки и развития чтения. Поэтому мы подготовили панельную дискуссию, которая будет называться не столь нахально — «Как вовлечь систему образования?», а академически, спокойно: «Образование и чтение». И последняя панель завтра будет посвящена общим проблемам и перспективам реализации Национальной программы. Это очень важная тема, потому что, с одной стороны, много деятельности, много достижений, с другой стороны — много проблем, много неясного. Вы знаете, что ситуация в сфере чтения ухудшается, несмотря на нашу возрастающую активность.

Я приветствую вас от имени Оргкомитета и с удовольствием передаю слово нашему большому другу — Екатерине Эдуардовне Чуковской, статс-секретарю — заместителю министра культуры Российской Федерации.

Е. Э. Чуковская

Спасибо, Евгений Иванович.

Вчера, когда мы обсуждали, что следует сказать от имени исполнительной власти в приветствии, Евгений Иванович просил упомянуть, кто именно поддерживает Программу. Об этом можно прочитать в программе конференции, и видно по списку участников и по тем добрым делам, которые уже были сделаны, что Программа действительно поддерживается всеми, кто способен понять, что она на самом деле нужна и важна. Министерство культуры тоже старается участвовать в этом, может быть, не настолько масштабно. В частности, подтверждение тому, что это направление принимается и понимается, — тот факт, что из трех направлений в Среднесрочной програм-

ме развития два так или иначе касаются чтения (это поддержка библиотек и продвижение русского языка). И в этом смысле мы, по-чиновничьи, правда, но пытаемся установить некие рамки, некие цели, чтобы достичь того же, что делаете вы все вместе с Евгением Ивановичем, в том числе на этой конференции. Кроме того, мы пытаемся проработать возможность расширения функций библиотек, заставить людей обратить внимание, посмотреть на них под другим углом зрения.

Евгений Иванович стоял у истоков программы центров доступа к правовой информации. Сегодня мы пытаемся эти центры расширить, сделав на их основе пункты электронного правительства. Сейчас это модная тема, и мы в этом смысле находимся в бесперспективной борьбе с почтами, потому что библиотек у нас не меньше, чем почт, и опыт такой работы уже есть. Мы надеемся, что человек, приходящий получить услугу от правительства, пройдет мимо книг и задумается о том, как можно использовать и их тоже.

В принципе, для нас, воспитанных на афоризмах «Книга — лучший подарок», «Книга — источник знаний» и т.д., сегодня одних лозунгов недостаточно. Уже говорилось, что все-таки многие еще узко смотрят на чтение только как на художественное чтение и обсуждают проблему того, что люди не читают художественную литературу, а ведь она составляет лишь 10%. В свое время заинтересовать студентов какими-то юридическими вопросами я смогла только после того, как на Новый год каждому из них подарила Уголовный кодекс в иллюстрациях (действительно, был такой опыт, и Налоговый кодекс тоже издавался в иллюстрациях). Вот это воспринимается гораздо лучше.

Кроме того, в беседе с Евгением Ивановичем я вспомнила, что в начале 90-х годов, когда каждая газета считала, что должна иметь какие-то периодические приложения, каждый день чему-то посвященные, у меня были знакомые в «Московской правде», которые хотели издавать модное в начале 90-х годов финансовое приложение. У них опыт оказался довольно скромным: через четыре номера все догадались, что про фи-

нансы они ничего не знают, и приложение закрыли. Но в первом номере (поскольку это были живые люди, довольно молодые в тот момент) на первой странице была фотография с подписью: главный редактор нового приложения ищет знакомые буквы в первом номере вверенной ему газеты. Тогда это казалось шуткой, а сейчас это, к сожалению, часто реальность. В материалах, которые сегодня представлены, мы находим массу всяческих опечаток, иногда даже смешных и очень обидных.

Сегодня в Министерство пришло очень много молодых людей. В общем-то, нашими зарплатами мало можно заинтересовать, поэтому особенно приятно, что молодежь интересуется этим направлением. Но возникает проблема. Грызлов говорил, что другой милиции у нас нет. Вот так и у нас в Министерстве культуры: нет другой молодежи, мы ее берем отовсюду, откуда она приходит. И я чувствую, что мне трудно бывает с ними общаться даже на непрофессиональные темы. Так, недавно, когда молодой сотрудник на очередную мою просьбу сделал по-своему, я закричала: «Мне надоело, как Кассандра, говорить вам: “Сделайте так и вот так”!» Он зашел в соседний кабинет и сказал: «Екатерина Эдуардовна назвала себя Афродитой и требует к себе какого-то особенного внимания».

Все это к тому, что то, чем занимается Евгений Иванович и чему посвящена конференция, — дело благородное, замечательное. И Министерство культуры настолько, насколько может по своим функциям и по своим скромным финансовым возможностям, будет это поддерживать. Я желаю успеха этой конференции. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Екатерина Эдуардовна.

Знаете, Екатерина Эдуардовна коснулась сейчас в своем выступлении того, как молодежь говорит, пишет и т.д. У вас в портфелях лежит сборник, который называется «Остановиться. Оглянуться...». Он замышлялся нами как сборник научно-

методических, научно-практических, аналитических, теоретических статей. Мы уже послали его в типографию, и вдруг в «Московском комсомольце» вышла заметка на первой полосе, после которой я получил в день, наверное, десять звонков: «Ты читал? Ты видел вообще, что там написано?» В этой заметке преподаватель журфака МГУ описывает тех, кого они набрали в этом году по результатам ЕГЭ, и отмечает: «Мы еще набрали лучших, потому что отсеивали за счет творческого конкурса. А уж кого набрал филфак, вообще страшно сказать». Мы забрали сборник из типографии, рискуя его не выпустить в срок до начала конференции, и добавили в самом начале эту заметку из «Московского комсомольца», специально чтобы «взорвать» такое академическое течение размышлений, которое мы хотели вам представить.

Заметка называется «Сто баллов по ЕГЭ — это “черезчур”». Приводится много примеров того, что сегодня происходит на проверочном диктанте на журфаке. Всего 13% из 200 принятых первокурсников сделали меньше 8 ошибок, остальные — по 20, 30, 55, 70. Самое интересное, что в этот же день я получил по электронной почте письмо от очень приятного молодого человека, который занимает пост в одном из самых высших органов власти. Он мне написал: «Уважаемый Евгений Иванович, у нас будет такое-то событие, очень важное, мы к нему выпускаем сборник. И если бы Вы успели написать статью, мы бы как раз ее напечатали». Знаете, как было написано им «как раз»? В одно слово: «кокрас».

А сейчас слово для приветствия предоставляется Александру Николаевичу Воропаеву, нашему другу, начальнику отдела книжных выставок и пропаганды чтения Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

А. Н. Воропаев

Добрый день, уважаемые коллеги. Уже четыре года отделяют нас от того памятного дня, когда под эгидой Роспечати началась разработка Национальной программы поддержки и

развития чтения. Чуть позже к ней присоединился Российский книжный союз, и наконец, осенью 2006 года родился документ, ставший на тот момент «прорывом» в нашей деятельности. На Петербургской книжной ярмарке в 2006 году Программа была принята, и через год мы подвели первые итоги ее реализации. Успех конференции 2007 года дал нам все основания для того, чтобы сделать такую конференцию ежегодной – и для того чтобы определить, в правильном ли направлении мы движемся, мы снова собрались для работы осенью 2008 года.

И вот уже в третий раз мы собираемся в таком серьезном, расширенном составе. Очень хорошо, что в этот раз проходят две конференции – одна здесь, в Доме Русского зарубежья, а завтрашняя – в «Президент-Отеле». Это усиливает наши возможности. Как вы знаете, Федеральное агентство по печати поддерживает целый ряд проектов по продвижению и развитию чтения, кроме того, мы проводим серию тематических мероприятий в рамках Года русского языка, Года семьи, Года молодежи, а в следующем году будет Год учителя.

Позвольте мне зачитать приветственное слово Михаила Вадимовича Сеславинского участникам нашей сегодняшней конференции. Сам он, к сожалению, присутствовать не сможет, но отметил, что поддержка мероприятий, направленных на пропаганду чтения, будет, безусловно, осуществляться и дальше. Он также просил выразить активу Межрегионального центра библиотечного сотрудничества свою благодарность в связи с тем, что конференция снова проходит на таком высоком уровне – достаточно взглянуть на материалы, которые были к ней подготовлены.

В приветствии руководителя Федерального агентства говорится: «Ежегодное осеннее подведение итогов реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в России стало доброй традицией и привлекает повышенное внимание представителей государственных, коммерческих и

общественных структур. Интерес к данному мероприятию заслуженно вызван важностью обсуждаемых вопросов и проблем, представительностью аудитории и многообразием предлагаемых решений. Нынешний год, как вы знаете, был непростым для всего российского книжного сообщества. Кризис чтения, который поразил наше общество еще в конце прошлого столетия, был усугублен в этом году кризисом в экономке, затронувшем, конечно же, и книжный рынок. Многие прогнозировали и снижение статистических показателей, и ухудшение показателей по чтению, которое мы наблюдали и ранее. Однако многие из этих мрачных прогнозов, к счастью, не сбылись. Казалось бы, должен был произойти спад, но издатели и книготорговцы, видя отток покупателей, начали активную пропаганду чтения, и, не побоюсь этого слова, кризис в какой-то степени сыграл нам на руку. Отрадно, что к нынешней конференции Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества вновь была подготовлена обширная подборка научно-методических, информационно-аналитических материалов, которая, уверен, даст толчок к развитию новых моделей пропаганды и продвижения культуры чтения как ключевого элемента образования и повышения интеллектуального потенциала нации. Надеюсь, что результаты работы конференций окажут положительное воздействие на развитие современных методик продвижения чтения и будут содействовать становлению активно читающей нации, скорейшему переходу России к обществу знания. Желаю конференциям успешной работы, а их участникам — профессиональных и творческих успехов».

От себя лично я хотел бы добавить, что для нас весьма важен тот факт, что конференцию поддерживает не только Роспечать, но и Министерство культуры. Нам очень необходимо такое взаимодействие, такое сотрудничество. Мы много говорим о разобщенности в нашей отрасли, разобщенности субъектов. Но когда два федеральных органа подчеркивают свое единство в решении данных вопросов, мне кажется, это идет только на благо всем нам. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Александр Николаевич. Я думаю, что от лица всех участников выражу благодарность Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям и Министерству культуры – моему родному министерству – за поддержку, за то, что там работают люди, которые понимают важность проблем чтения как системных проблем, от которых зависит развитие страны. Спасибо большое, Екатерина Эдуардовна, в вашем лице – министру культуры Александру Алексеевичу Авдееву, а в вашем лице, Александр Николаевич, не только Михаилу Вадимовичу Сеславинскому, но и, конечно же, Владимиру Викторовичу Григорьеву.

А сейчас слово для приветствия предоставляется Владимиру Николаевичу Зайцеву, президенту Российской библиотечной ассоциации и генеральному директору Российской национальной библиотеки.

В. Н. Зайцев

Спасибо большое. Я хотел бы приветствовать участников конференции от имени Российской библиотечной ассоциации и сказать, что «узкий круг революционеров» поддержки чтения во многом расширяется именно за счет РБА, потому что проблема чтения проходит красной нитью через деятельность Ассоциации, всех ее 33 секций и круглых столов. Еще в 2002 году была создана Секция по чтению, которая продвигает эту проблему, как может, через библиотеки самого разного уровня. Вообще Российская библиотечная ассоциация ставит своей целью, естественно, поддержку библиотечного профессионального движения во всех аспектах, одним из которых является приобщение к чтению. И кажется, иногда это нам удается в том смысле, что мы привлекаем внимание властных структур к проблемам библиотечного дела.

Можно, в частности, сказать о том, что действует, как вы знаете, Общественный комитет содействия развитию библиотек под председательством Грызлова. В январе этого года было заседание Комитета, посвященное муниципальным библиотекам, где, в том числе, было уделено внимание проблемам чтения. 3 декабря в Петербурге пройдет заседание этого Общественного комитета, на котором будут рассматриваться проблемы сохранности библиотечных фондов и книжных памятников. Буквально сегодня в 12 часов Комитет по культуре Государственной думы будет обсуждать проблемы реализации закона об обязательном экземпляре для библиотек. Вы, очевидно, знаете, что вопрос о развитии библиотечного дела поднимался на заседании коллегии Министерства культуры и намечено рассмотрение этого вопроса на заседании Правительства.

Я думаю, такая «раскачка» этой библиотечной проблемы вкупе с чтением позволяет поддерживать постоянное внимание к библиотекам и чтению, и РБА по мере возможности поощряет различные начинания. В настоящее время мы впервые объявили всероссийский конкурс «Продвижение книги и чтения средствами визуальной культуры». Мы получаем многочисленные заявки на участие в конкурсе, и итоги его будут подводиться на Всероссийском библиотечном конгрессе, который состоится в мае следующего года в Томске. Мы стараемся не замыкаться на столицах, и, хотя Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества в Москве является штаб-квартирой деятельности по пропаганде и поддержке чтения, стремимся к тому, чтобы это движение развивалось в различных регионах нашей страны. Поэтому хочу пожелать успехов двум конференциям сразу — это интересный ход, который, как сказал Александр Николаевич, усиливает наше влияние на проблемы чтения. Надеюсь, что это даст свои ощутимые результаты. Еще раз желаю успехов в работе конференций и приглашаю к участию в мероприятиях Российской библиотечной ассоциации. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Владимир Николаевич. Мы выражаем наилучшие пожелания всем членам РБА.

Уважаемые коллеги, я хотел бы зачитать телеграмму, которая только что пришла в адрес участников конференции от председателя Комиссии Совета Федерации по культуре Александра Дзасохова.

«Уважаемый Евгений Иванович, дорогие друзья, сердечно приветствую вас и поздравляю с началом работы всероссийских конференций по проблемам поддержки и развития чтения. Хочу особо отметить актуальность и важность заявленных тем конференций. Они крайне нуждаются в широком обсуждении профессиональным сообществом. А обобщение участниками конференций накопленного опыта, определение новых путей реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, я уверен, будет способствовать закреплению ценностей, способных изменить наше общество, которое должно стать обществом умных, свободных и ответственных людей. В недавнем послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации поставлена задача: вместо прошлой построить настоящую Россию – современную, устремленную в будущее, молодую нацию. Сделать это невозможно без современной библиотечной сети, информационных технологий, и прежде всего в провинции, без дальнейшего развития издательского дела и соответствующей государственной поддержки. Комиссия Совета Федерации по культуре будет всемерно способствовать предпринимаемым усилиям, в том числе общественными организациями и объединениями, в развитии чтения, сохранении русского языка. От всей души желаю организаторам и участникам конференций успешной и плодотворной работы. Председатель Комиссии Совета Федерации по культуре А. Дзасохов».

И сейчас в заключение церемонии открытия я с удовольствием предоставляю слово хозяину этого Дома, глубокоуважаемому Виктору Александровичу Москвину, Книжнику с большой буквы.

В. А. Москвин

Спасибо, Евгений Иванович.

Дорогие коллеги, я очень рад, что очередная конференция проходит здесь, в Доме Русского зарубежья имени А. И. Солженицина. Я хотел бы несколько слов сказать о Доме, поскольку, помимо наших друзей, которые здесь часто бывают, вижу и людей, пришедших к нам в первый раз.

Конференция называется «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения». Мы, пожалуй, подходим под все четыре категории.

Наш Дом возник в 1990 году. В Библиотеке иностранной литературы прошла выставка издательства УМКА-Press, старейшего издательства русского зарубежья, и в итоге родилось издательство «Русский путь». А в 1995 году благодаря деятельности издательства, фактически на его базе, была создана Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» как учреждение культуры на бюджетном финансировании, поскольку у Библиотеки три учредителя: Правительство Москвы, Русский общественный фонд Александра Солженицина и парижское издательство УМКА-Press. А вот в этом году мы изменили устав и теперь являемся государственным учреждением культуры под названием «Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицина», которое полностью финансируется государством, но сохранило всех трех учредителей. То есть мы по своему юридическому статусу несколько необычная структура, и, если кому-то наш опыт интересен, мы с удовольствием им поделимся.

Почему мы называемся «Домом»? Мы — это музей (мы сменили типологию, из библиотеки стали музеем, но с сохранением библиотечных функций), библиотека, архив, издательство «Русский путь», киностудия с таким же названием и довольно большой по московским меркам книжный магазин. Кроме того, мы уже много лет тиражируем старейший журнал

русского зарубежья «Вестник русского христианского движения», который выходит с 1925 года в Париже. Если говорить о распространении книг, то наш Дом занимается этой работой уже много лет при поддержке Федерального агентства по печати (я хотел бы, пользуясь случаем, поблагодарить Агентство за такую помощь и поддержку).

Поскольку здесь есть руководители библиотек, то я хотел бы обратить внимание вот на какой момент — может быть, он будет интересен. Мы получаем очень много книг из разных стран мира, в частности из США мы получили за последние годы 7 морских контейнеров с книгами и архивами. Понятное дело, что среди книг все больше и больше дублетов, и у нас сейчас довольно большой фонд дублетных экземпляров. Это книги русского зарубежья, сами по себе редкие. И эти книги мы с удовольствием передаем другим библиотекам страны. Поэтому, если есть интерес к получению книг русского зарубежья, мы готовы оказать содействие.

Я хотел бы пожелать участникам конференции плодотворной работы и пригласить следующую конференцию опять в наш Дом.

Е. И. Кузьмин

Спасибо.

Уважаемые коллеги, как сказано в предисловии к программе, в нашей конференции принимают участие представители всех институтов поддержки и развития чтения: работники библиотек (причем разных типов), книгоиздатели, книготорговцы, журналисты и специалисты из сферы образования. Вот передо мной в первом ряду сидят два руководителя Российского книжного союза, два его вице-президента — Надежда Ивановна Михайлова и Нина Сергеевна Литвинец. Мы их приветствуем.

Здесь также присутствуют люди, которые, возможно, напрямую не связаны с книгой, с продвижением чтения, но душа у них за чтение болит. Очень приятно видеть в этом зале Ирину Иринеовну Миронову, вице-президента Информационно-правового консорциума «Кодекс». Здесь есть крупные ученые (мы счастливы, что они с нами вместе занимаются проблемами поддержки и развития чтения), в частности Эльна Александровна Орлова — наш выдающийся философ, культурный антрополог, внесшая большой вклад в разработку всех научно-методических рекомендаций для разных институтов поддержки и развития чтения относительно того, как реализовывать Национальную программу — как делать не «что-то вообще в сфере чтения», а именно в русле Программы.

В пакетах участников есть сборник, специально подготовленный к этой конференции, который имеет символическое название «Остановиться. Оглянуться...» — я о нем уже упоминал. Это призыв сделать небольшую паузу и подумать (собственно говоря, этому посвящены и все остальные наши книги, и все наши семинары и конференции), то ли мы делаем; в достаточных ли объемах делаем; на кого рассчитана наша деятельность; какой она имеет эффект в обществе; если имеет, то в каких социальных слоях; кто наши союзники, кто наши партнеры, с кем мы взаимодействуем хорошо, с кем взаимодействие практически еще не началось; кого мы не успели вовлечь в эту деятельность, которой нет и никогда не должно быть конца. И наконец, здесь представлены материалы II Всероссийской конференции по проблемам чтения. Есть на выставке и материалы I конференции, их можно взять.

Я считаю, что вот данные два сборника (и по результатам конференций этого года тоже выйдет такой материал) — это настоящий «клондайк мыслей», коротко и емко сформулированных (в отличие от больших пространственных докладов — там иногда, пока до сути дойдешь, уже забываешь, про что ты читаешь). Здесь просто россыпь, рудник, в котором все есть: и золото, и бриллианты, ну и руда, конечно. Но, кроме того, это единоразовый срез общественного мнения по проблеме чтения. Причем это мнение сформулировано не людьми с ули-

цы, которые не имеют права на профессиональное суждение и просто что-то говорят на общебытовом уровне. Это мысли вслух людей, которые находятся внутри ситуации, которые так или иначе посвятили свою жизнь данной проблематике и живо реагируют на высказывания друг друга, живо что-то говорят. Я иногда с наслаждением беру эти сборники и перечитываю, и мне безумно жаль, что все это опубликовано тиражом лишь 1000 экземпляров.

Вообще говоря, я приглашаю профессиональную прессу, которая сейчас начала проявлять к данной проблематике большой интерес (я имею в виду не только библиотечную прессу, но и неблиотечную, такую как журнал «Университетская книга», журнал «Книжная индустрия»): давайте будем фрагментами это как-то публиковать, найдем какие-то журналистские формы и какие-то кусочки (из этих книг, из сегодняшней стенограммы) будем печатать, не дожидаясь больших статей, больших интервью — их всегда трудно писать, это долгий процесс, и сложно бывает всех уговорить.

На этом я хотел бы завершить пленарную часть и перейти, собственно говоря, к панельной дискуссии.

Тематическая дискуссия «Библиотеки: влияние на круг чтения»

Е. И. Кузьмин

Дорогие коллеги, модератором выступлю я. Мы планировали, что это будет делать Татьяна Львовна Манилова, но она бесконечно занята — через два дня сдают в Правительство доклад, посвященный одному из проектов, который называется «Библиотеки».

Итак, я благодарю всех выступивших на открытии и приглашаю сюда Ирину Александровну Добрынину, директора Национальной библиотеки Республики Карелия; Любовь Александровну Казаченкову, главного редактора журнала «Современная библиотека»; Галину Александровну Кисловскую, директора Российской государственной детской библиотеки; Елену Владиславовну Линдеман, заместителя генерального директора Государственной публичной научно-технической библиотеки; Марину Владимировну Новикову, заместителя генерального директора Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека», и Ирину Александровну Урмину, научного сотрудника Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры.

Идея, с которой мы выходим на эту конференцию, обсуждалась подолгу практически с каждым участником панели. Мы постарались уйти от формы докладов и применить такой вот принцип. Сначала каждый из участников этой дискуссии по 7–8 минут (а может, если почувствует прилив вдохновения, и 10 минут, мы не будем останавливать) выскажется на заявленные темы и на подтемы, которые я предложу. Потом из зала кто-то может дополнить выступление и поделиться своими мыслями. Затем мы предоставим возможность задать вопросы докладчикам, возможно, между выступающими завяжется дискуссия. И в самый разгар дискуссии мы ее остано-

вим и пойдем на кофе-брейк. После этого у нас по плану вторая дискуссия. Она пройдет в таком же порядке, но закончится обедом. Потом будет третья дискуссия, по завершении которой состоится концерт.

Итак, сейчас я очень коротко расскажу о каждом из выступающих. Почему, собственно говоря, из большого количества достойных, умных и замечательных людей, друзей, мы пригласили данный конкретный состав?

Мы хотели, чтобы это были не только библиотеки московские, но и библиотеки региональные. Мы пригласили директора Национальной библиотеки Карелии Ирину Александровну Добрынину по нескольким причинам. Во-первых, это очень хорошая библиотека. Во-вторых, Карелия принадлежит к северным регионам, а это регионы более читающие по сравнению с югом. Вообще, знаете, где читают? На севере и на западе. А на юге и на востоке танцуют, поют, пляшут, едят. Кроме того, меня очень привлекает в Ирине Александровне, с одной стороны, то, что она оратор, с другой – она давно работает в библиотеке, будучи человеком, который развивал там информационные технологии. Ирина Александровна, сколько лет вы директор?

И. А. Добрынина

Директор – шесть.

Е. И. Кузьмин

Шесть лет. Такой вот срок – знаете, не много и не мало. Кроме того, Ирина Александровна по образованию математик, что весьма ценно.

Второй человек – это Любовь Александровна Казаченкова, хорошо вам известная как журналист – яркий, интересный, проработавший много лет сначала в журнале «Библиотека»,

потом в издательстве «ГРАНД-ФАИР», издатель многих серьезных книг по библиотечной проблематике. Она была, с одной стороны, внутри библиотечного мира, с другой – всегда наблюдала его «извне» и видела в нем какие-то вещи, которые не были заметны многим из тех, кто всю жизнь провел только в библиотеках.

Галина Александровна Кисловская. Я всегда говорю, что это один из самых больших эрудитов в области новых тенденций развития библиотечного дела, что она бесконечно предана библиотечному делу. Мне известны в библиотечном мире всего два человека, которые зарубежную профессиональную литературу читали всю жизнь так истово и много. И я очень мало знаю людей, которые были бы так же эрудированы во всех сферах и подсферах библиотечной жизни во всем мире.

Елена Владиславовна Линдеман, заместитель директора Государственной публичной научно-технической библиотеки. Тоже имеет опыт работы с читателями, но не с художественной литературой, а с научно-технической – важнейшей литературой. Кроме того, Елена Владиславовна много лет работала в Москве, занималась автоматизацией в ЦБС «Люблино», у нее тоже такой бинокулярный взгляд на эту проблематику. Тоже не библиотекарь по образованию?

Е. В. Линдеман

Химик.

Е. И. Кузьмин

Знаете, это как в Америке. Там же все по первому образованию не библиотекари. Там библиотекари по второму образованию. Вот и мы библиотекари по второй профессии.

Марина Владимировна Новикова, заместитель директора Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека». Собствен-

но, они с Марией Александровной Веденяпиной начинали в России эту деятельность в поддержку чтения, когда большинство людей задавались вопросом: зачем это нужно? Тогда миф о самой читающей стране еще процветал, многие себя им успокаивали. Я, честно говоря, даже не верил в успех этой деятельности, но думал: «Надо как-то помогать, пускай это в тлеющем состоянии, на бреющем полете, но как-то держится». Вы — родоначальники, поэтому, Марина Владимировна, я вас пригласил, и большое вам спасибо, что вы согласились.

И сравнительно новый человек для этой аудитории — Ирина Александровна Урмина, научный сотрудник Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры, руководитель нового проекта, который мы запустили в прошлом году. Проект называется «Оценка социальной эффективности деятельности библиотек в поддержку и развитие чтения». Вот что-то делается, а как все-таки понять, эффективно это было или нет, для кого и для чего эффективно? Мир не знает, как эти вещи делать. Поэтому мы предприняли такой пилот-проект и надеемся, что он будет развиваться — при государственной поддержке или без нее, но мы точно не будем его бросать, потому что без этого во многом работаем вслепую.

Таков блистательный состав участников панели. Я горжусь тем, что вы приняли приглашение, согласились, приехали. И давайте мы с вами начнем.

Первый вопрос Ирине Александровне Добрыниной.

Ирина Александровна, известно, что Национальная библиотека Республики Карелия делает много. Я в ней несколько раз был, мне она очень нравится. Мы вас поздравляем с тем, что она расширяется, достраивается. Довольны ли вы как директор библиотеки тем, что вы делаете в сфере чтения? Какую вы сами себе ставите оценку? Какую оценку вам ставят мысленно окружающие вас люди: ваше начальство, ваши журналисты? Представим, что вас поставили бы руководить не библиотекой, а центром чтения и сказали: «Вот ничем не

занимаешься — ни автоматизацией, ни финансами, ни законодательной деятельностью, ни режимом, ни трудовыми отношениями, ни разруливанием конфликтов внутри коллектива, только сидишь и думаешь, как бы продвинуть чтение, чтобы читало больше народу в регионе, чтоб читали более качественные тексты». С чего начать, чтобы изменить ситуацию, изменить деятельность, добавить что-то новое по сравнению с тем, что традиционно делается?

И. А. Добрынина

Евгений Иванович, деятельность директора многогранна. Вас интересует оценка деятельности в целом или именно по продвижению чтения?

Е. И. Кузьмин

По продвижению чтения. Про каталогизацию я знаю достаточно.

И. А. Добрынина

Хорошо, хотя, помимо каталогизации, есть и некие другие вещи.

На самом деле я считаю, что библиотеки на сегодняшний день, наверное, недостаточно подготовлены для решения этой сложной задачи. Есть, безусловно, проблемы кадровые, потому что традиционно в библиотеках не все, кто занимается продвижением чтения, реально понимают современную молодежную аудиторию, понимают потребности специалистов и умеют работать с ними качественно и интересно.

Надо сказать о тех двух моментах, которые мы заметили за последние годы. Было много попыток поиска каких-то точек роста, каких-то проектов, идей, моментов, которые по-насто-

ящему эффективны. Проводились фестивали, проводились конкурсы, различные масштабные акции, и все-таки на сегодняшний день нам, безусловно, очень сложно конкурировать с такой средой, как телевидение и Интернет. Но какая выявляется закономерность? Появляется очень высокий интерес к чтению, когда именно не в кино, а в телевизионном прокате выходят постановки, сериалы, фильмы — «Идиот», «Мастер и Маргарита», «Война и мир». Как бы мы ни критиковали эти постановки, они вызвали необычайный всплеск интереса, причем у совершенно разной аудитории. И речь идет не только о том, что люди приходят и читают именно эти произведения, появляется интерес и к историческим фактам, и к литературоведению, к другой литературе: «А что еще можно почитать такого рода?»

Второе — это тот проект, который мы запустили — проект «Библиобус». Сегодня говорят о том, что люди читают мало, что люди не заинтересованы в книгах. Когда мы реализовали пилотный проект в одном муниципальном районе, у нас не осталось ни одного населенного пункта (даже если там проживает 20 человек), куда бы библиобус не приезжал. Выяснилось, что читают практически все. Надо развивать инфраструктуру чтения, развивать эти подвижные мобильные системы. И естественно, они должны быть оснащены современной литературой.

Чего, на мой взгляд, не хватает? Не хватает лоббирования этой тематики на уровне государства и государственного протекционизма. Когда я спрашиваю своего ребенка (11 класс): «Скажи, пожалуйста, у вас дети читают?», она говорит: «Да, они читают». Но бедность школьных библиотек приводит к тому, что ребенок читает меньше. Сегодняшний молодой человек, если бы были прекрасно оснащенные школьные библиотеки, читал бы больше. Но бегать в поисках книги по публичным, городским библиотекам в силу огромной занятости — это подготовка к экзаменам, досуг, это, естественно, спорт — ему тоже трудно. То есть опять встает проблема государственной поддержки, протекционизма, развития инфраструктуры.

Я, наверное, никогда в жизни не стала бы руководить центром чтения. Я считаю, что не готова заниматься этой темой, и это не мой масштаб, честно говоря. Но я готова поддерживать эту тему и развивать ее.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Ирина Александровна.

Я всегда говорю о том, что проблема чтения в нашей стране является отражением и следствием глобального социокультурного кризиса, потери интереса к письменному тексту. Аудиовизуальная и электронная культура доминирует сегодня, это такой легкий, бездумный способ усвоения, поглощения какой-то информации. Конечно, чтению как серьезному виду интеллектуальной деятельности в век всеобщей усталости, особенно усталости населения России, трудно конкурировать с желанием отдохнуть, развлечься. Но по сравнению с миром у нас проблема очень сильно отягощена где-то слабостью, где-то развалом, где-то недостаточной развитостью инфраструктуры поддержки и развития чтения. У библиотек мало денег, не хватает на фонды, они еще не сильно компьютеризированы, не развито у нас содержание русскоязычного Интернета, мало приближено к потребностям людей, особенно интеллектуальных, которые алчут знания. Книжная торговля находится в каком-то зачаточном состоянии, потому что все советское не вписалось в рынок, а новая книготорговля — это очень сложная вещь, которая упирается в покупательную способность населения. У маленьких магазинов должны быть мощные компьютерные системы, чтобы они не прогорели, а где взять деньги, как их окупить? Мы постоянно об этом слышим, об этом читаем, и здесь, в этой аудитории, наверное, можно сказать об этом: библиотекари считают, что библиотеки — это основа книжной культуры, а я вообще-то считаю, что книжный магазин — основа книжной культуры, потому что без магазинов не будет издательств. Не будет издательств — про какие библиотеки можно

говорить? Но не понимают у нас руководящие люди на местах важности взаимодействия этих институтов, важности того, чтобы все они были приведены в действие, важности того, чтобы всевозможная литература была доступна всем, пропагандировалась бы и читалась.

Сейчас я хочу попросить Елену Владиславовну продолжить эту тему, отойдя от привычного стереотипа разговора на библиотечных конференциях (у нас сегодня не библиотечная конференция, у нас мультисекторальная конференция), уйдя от проблематики художественной литературы. Вам не обязательно клясться в любви к книге, к духовности, к нравственности.

Е. В. Линдеман

Хорошо.

Я хочу цифрами подтвердить то, что вы сказали о недооценке книжных магазинов. На самом деле большая часть книг, которые попадают в наши дома, идет именно из книжных магазинов. Опросы ВЦИОМ 2009 года показывают: 51% людей читающих берут книги у знакомых. А знакомые взяли где? В книжном.

Примером для меня служит молодежь: мой собственный сын и достаточно большое количество его друзей, которые раз в месяц, наверное, иногда раз в полтора месяца выбирают в свой любимый книжный магазин «Москва». Идут они туда после 23 часов, с двумя рюкзаками и 5–6 тысячами рублей, берут книги, которые хотят, и дальше по очереди читают. Те книги, которые компании не нравятся, они потом отдают библиотеке, остальные оставляют у себя дома или у своих друзей. Это продолжается много лет, ребенок большой, зарабатывают они с друзьями достаточно, чтобы покупать хорошие книги и задорого — как профессиональную научно-техническую литературу, так и художественную. И мне кажется, что

книжные магазины вполне себя оправдывают в плане содействия библиотекам, которые, к сожалению, в настоящее время литературу получают с большим опозданием.

В этом году мы, несколько библиотекарей, представителей печати (здесь очень много людей, которые объединились в разговорах на интернет-сайтах, в социальных сетях), сообщая провели некий опрос читателей. Спрашивали: где вы берете книги? Что вы читаете? Ходите ли вы в библиотеку? Знаете, на что они жалуются, почему они в библиотеку (не в научно-техническую, а в обычную) не идут? Говорят: «Книги в библиотеку приходят поздно. Мои друзья, у которых есть деньги, уже купили эту книгу и прочли». А к тому моменту, когда эта книга поступила в библиотеку (и слава богу, если деньги есть!), когда ее обработали и поставили в фонд, она уже неактуальна для разговора, для обсуждения в кругу своих. В этом случае библиотека оказывается уже не нужна.

И есть еще один отрицательный момент, опять же в отзывах. Библиотеки иногда пользуются своей властью над новой книгой. Библиотека берет с читателя 2–3 рубля (кто-то говорит про 10 рублей) за то, чтобы оставить ему новую книгу. На самом деле это бред, конечно, но, к сожалению, в регионах такое существует. Библиотеки сами себя таким образом дискредитируют. Фактически в этом случае существует официальный фонд библиотеки, и неофициальный, который куплен за деньги читателей. И они их тоже выдают, продолжают накапливать деньги, создают второй фонд для читателей новых книг. Вот об этом говорят люди, которые с нами откровенно общаются в Сети.

Теперь я перейду к научно-технической литературе. Читать научно-техническую литературу продолжают. Кризис чтения попал на 2004–2005 годы. Мы (и я лично) с этим столкнулись, когда готовили какие-то юбилейные мероприятия нашей библиотеки и начали вытаскивать исторические данные за последние 50 лет. Построили график и выстроили две кривые, которые показывают книговыдачу и финансирование российской науки. Они совпали. Полностью. Значит, если мы

финансируем российскую науку, ученые, естественно, приходят к нам работать и заниматься, искать новые сведения. Если не финансируем — они к нам не приходят. И библиотека тут ни при чем. Мы как получали свой обязательный экземпляр российских изданий, так и получаем. Комплектуем только иностранную литературу под вкусы, скажем так, тех читателей, которые к нам приходят.

Буквально несколько дней назад у нас были доклады в Ершово. И мне очень хотелось услышать цифры о финансировании науки в этом году, потому что, когда мы приехали туда, у нас уже была прикидка, что сокращение финансирования составило от 18 до 24%. Мы это видим по количеству читателей и книговыдаче. Нам назвали предварительную цифру по этому году — 20%. Все подтверждается.

Однако в нашу библиотеку приходят ведь не только научные работники, но и студенты. Студенты каких вузов? Что они хотят читать, что они хотят увидеть у нас? К сожалению, реформа образования в наших высших учебных заведениях, в университетах очень плохо сказывается на том, что читают студенты. Конечно, они приходят что-то искать в Интернете — те, у кого дома Интернета нет. Ну, заодно, может быть, пару журнальчиков посмотреть, может, какие-то цитатки взять из электронных изданий (опять же быстренько скопировали себе на флэшку, ушли и быстро написали). Чего они не хотят делать, так это логически мыслить. Мы сами убрали логику. Причем на это жалуются преподаватели технических наук, жалуются преподаватели экономики. Мы ведь каким образом знания проверяем? Дали тесты, три готовых ответа — галочку поставьте. Можно не думать. Мы просто убрали творческую личность из университетов и фактически не выпускаем творчески мыслящих молодых научных сотрудников, которые должны двигать нашу науку. Нет их! Как будто мало того, что мы 40-50-летних в науке практически уничтожили. У нас сейчас большая часть творческих людей уехали за границу, остальные ушли в торговлю, кто-то дома занимается своими частными делами. Кто руководит наукой в научно-технических институтах, которые выжили? Средний возраст — выше 60 лет, так же, как у преподавателей в вузах. Не происходит пе-

редачи опыта в российской науке. Нет опыта, не научили, молодые не пользуются этой информацией так, как должно, так, как нужно. И библиотека должна заниматься решением данной проблемы.

В этом году мы проводили некое исследование — стандартный сбор данных по анкетам, по статистике сайтов. Я не буду рассказывать обо всем, но хотелось бы дать два очень неожиданных результата, которые мы получили. С одной стороны, в научно-технических библиотеках есть так называемые «информаторы». Это люди, отвечающие за сбор информации для научного института, за то, что научный институт получит в качестве толчка для научной мысли, для разработок. Они приходят к нам каждую неделю, смотрят новые поступления... и забывают о том, что у нас сейчас практически 60% научных журналов — в электронном виде. Мы начали понимать, что читают-то они только бумажные журналы, а электронные не смотрят. А для нас очень важно не «метрополки» занимать, а комплектовать фонд именно в электронном виде. Когда мы провели исследование, выяснилось, что из тех, кого мы называем информаторами, только 16% умеют работать на компьютере. И только 13% пользуются электронными изданиями, которые они в принципе должны еженедельно просматривать в наших фондах. Эти цифры у нас появились два года назад. За два года мы сделали все возможное: отводили за ручку к компьютеру, давали какие-то сведения, «информашки». В этом году цифры для нас оказались очень радостными — 85% из этой же группы работают за компьютером и 62% пользуются электронными изданиями. Я думаю, что еще за пару лет мы эти показатели доведем до 100%.

Все это значит, что мы должны работать со своим читателем, работать по-человечески, а не думать, что к нам пришел «просто клиент». Это люди, с которыми мы должны разговаривать и общаться, потому что у каждого свой характер.

И есть еще один очень интересный результат. Мы рассматривали тематику изданий, которые читают разные категории пользователей — доктора наук, академики, профессора, кан-

дидаты наук, студенты, аспиранты и так далее. Рассматривали с точки зрения смены технологических периодов развития науки в нашей стране.

Если вы возьмете литературу по развитию макроэкономики в России, то увидите, что выделяются некие периоды. Мы сейчас находимся на границе между 5-м и 6-м технологическими периодами. Так вот, наши профессора, преподаватели вузов учат студентов по той тематике, которая относится к пятому, то есть прошлому, периоду. Студенты пишут курсовые работы, дипломы по старой тематике, по старым научным направлениям. Науку двигают только кандидаты наук. Они работают в той области, которая является самой новой, самой перспективной, и в тех направлениях, которые были обозначены как основные направления развития науки и в докладе Президента, и в других документах Правительства в этом году. Так что мы должны очень активно работать именно с кандидатами наук (их у нас достаточно много, это 35% наших читателей), для того чтобы понять, какую литературу им необходимо добавлять. А для того чтобы работать, мы должны создать некий микроклимат в библиотеке, который очень необходим. Я всегда говорю своим коллегам, что, если к вам пришли гости, вы всегда видите, уютно им у вас или нет, удобно ли им разговаривать с вами в комнате, на кухне — неважно где. Главное, чтобы была атмосфера открытости, чтобы ваши гости были спокойны, откровенны. Мы то же самое должны создавать для своих читателей. И не имеет значения, крупная это научно-техническая библиотека или маленькая ЦБС. Нам необходимо создать доверительное отношение и понимание того, что же читатели хотят найти и как мы можем помочь — а помогать мы должны всеми возможными способами.

И, наверное, последний пример, который я приведу. У нас есть очень сложный фонд. К сожалению, когда выселили полтора миллиона экземпляров фонда со Славянки, они были запакованы, законсервированы много лет, среди них осталось очень много хороших книг. Пришел читатель, который собирался уезжать в Германию, ему ну просто позарез через две недели нужна книга, а она находится там, законсервирован-

ная. Мы долго думали, каким образом достать, потом сказали: «Мы вам книгу доставим через 10 дней. Устроит?» Он говорит: «Ну, перед отлетом... Конечно, устроит». Знаете, откуда мы ее достали? Из Германии. Нам легче было получить книгу из Германии, чем из своих мешков (потому что в России эта книга была одна на все библиотеки).

Нам нужно искать новые пути. И мы сейчас начали говорить еще об одном направлении в работе библиотеки — об информационной логистике. О том, как максимально быстро и дешево обеспечить читателя информацией.

Вот, пожалуй, все, что я хотела сказать. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Елена Владиславовна. Я думаю, что все эти рассказы для каждого, даже профессионала, несли очень много нового. Я наблюдал за реакцией Надежды Ивановны Михайловой: «Как это библиотекари прячут под прилавок, какой второй фонд пошел?» Ну что поделаться, бизнес начался. В 80-е годы книжная торговля и торговля вообще приучили нас, что все хорошее — под прилавком. Сейчас некоммерческий сектор перенял технологии, которые были изобретены бизнесом. Печально, что так происходит.

По поводу пользования Интернетом. Вы знаете, я столкнулся с колоссальными трудностями, набирая секцию по образованию. Я разговаривал с огромным количеством людей из сферы образования, занимающих руководящие посты. Я предлагал им отправить что-то по электронной почте. Представляете, они не знают адреса своей электронной почты, они не живут в Интернете. Но что сегодня происходит, если ты не живешь в Сети? Трудно вообще себе представить, что же это за жизнь, ведь от этого зависит то, с каким количеством людей ты коммуницируешь, к чему ты имеешь доступ и как быстро ты в состоянии решить те или иные вопросы. Сейчас люди в сфере образования везде говорят о внедрении ИКТ,

рапортууют про невероятные успехи, не понимая при этом, о чем речь. Говорят, что в России строят информационное общество, кабели прокладывают, спутники запускают, мобильную телефонию внедряют – у нас это все развито невероятно. Но каково качество контента? Для чего это все, все эти провода, спутники, все это цифровое телевидение? Ведь деградация идет от примитивного контента, который ставят люди, не пользующиеся всеми этими информационным технологиями. Они поручают руководство созданием контента тем, кто ничего не понимает ни в технологиях, ни в контенте, ни в том, как он создается, и т.д.

А теперь я бы хотел, чтобы высказалась Галина Александровна Кисловская, «юный» директор...

Г. А. Кисловская

...почти «юной» библиотеки. Я, правда, не знаю, какой мне конкретно вопрос адресован.

Е. И. Кузьмин

Вопрос про детские библиотеки. Мы гордимся тем, что у нас в стране есть детские библиотеки, мы их очень ценим. Вы руководите сейчас Российской государственной детской библиотекой. Я ее очень люблю, я в нее приезжал, со старым директором, покойной Лидией Михайловной Жарковой, многократно пили чай, обсуждали библиотечные проблемы, политические вопросы, она меня учила уму-разуму. Я у нее очень много почерпнул.

Конечно, мы видели, что эта библиотека архитектурно уже не сильно соответствует принципам организации библиотечного пространства для детей в странах, которые мы называем развитыми. При этом сами выдающиеся американские библиотекари высказывали две точки зрения. Первая: ну что это за детская библиотека? Это какое-то министерство, судя по

тому, что тут комната для первого класса, для второго, для третьего. С другой стороны, я от очень уважаемых мною американских библиотекарей, идеологической, философской верхушки слышал: «У вас очень хорошая библиотека, просто замечательная. У нас нет таких библиотек, чтобы для каждого возраста была своя комнатка».

Г. А. Кисловская

Вопрос действительно очень спорный. Сколько людей, столько мнений. Я на стороне как раз тех библиотекарей, которые говорят, что это «министерство». И если бы я была единственной в этом своем понимании действительности, я, может быть, и не рискнула бы высказать это мнение. Но на самом деле мы, сотрудники РГДБ, спрашиваем — и должны спрашивать — не столько библиотекарей, сколько детей и их родителей, которые приходят в библиотеку, удобно ли деление пространства на пространство для младших и старших. Их это устраивает, но не до конца. Во-первых, есть «продвинутые» младшие, которые хотят почитать книги для старших, а во-вторых, есть старшие, которым приятно полистать красочные книги для малышей. И поэтому зонирование необходимо, но зоны обслуживания детей разного возраста не должны быть разделены глухими стенами. В нашей жизни многое поменялось с момента строительства большинства библиотек, и нашей в частности. Приходить в библиотеку, где пространство ограничено дверями, монументальными стенами, и ступать по мраморным полам, наверно, не слишком приятно для современных детей, мам и пап и не слишком стимулирует желание почитать в библиотеке. Но не только проблема физического пространства обуславливает качество чтения. Я на 100% убеждена, что самая большая проблема в продвижении чтения — нехватка умных библиотекарей.

Мы с присутствующей здесь Валерией Дмитриевной Стельмах когда-то работали в Программе культуры Фонда Сороса, куда поступали многочисленные заявки детских

библиотекарей. И мы от этих заявок, честно говоря, приходили в уныние. Было скучно от однотипности бесконечных конкурсов на тему «Читайка-угадайка». Тогда мне это казалось безумно примитивным, и, честно говоря, на двадцатой заявке я уже просто не знала, куда деваться. Но знаете, придя работать в детскую библиотеку, я поняла, что была во многом не права. Я глубоко убеждена, что во взрослой библиотеке читатель обезличен. Там тон задают технологии, индустрии знания, информатизация. Мы, детские библиотеки, тоже должны, конечно, информатизироваться, но наше главное отличие от взрослых библиотек в том, что в детских библиотеках идет действительно чеканная, индивидуальная работа с ребенком и с родителем. А для такой работы очень нужен умный библиотекарь. И как раз он – умный и чуткий – способен привлечь ребенка (и родителя) к чтению, преодолев многие обстоятельства.

Препятствия к чтению в библиотеке многочисленны! Вот вернемся к нашей библиотеке. Москва – огромный мегаполис. Какой нормальный родитель в условиях криминальной обстановки разрешит ребенку самостоятельно отправиться в библиотеку? В условиях кризиса большинство детей фактически предоставлены самим себе, потому что родители, не помня себя, ищут работу и им точно не до хождений в библиотеку. А сами дети ограничены в своих передвижениях в силу возраста и обстановки в Москве. Я понимаю, что жизнь в мегаполисе – это, конечно, своя песня. Но для нас, для крупной федеральной библиотеки, это действительно проблема.

Давайте вспомним такой небольшой сюжет из детства. Как вы записывались в детскую библиотеку? Я, например, приходила и говорила: «Я хочу читать». А теперь мне нужно привести папу, маму, нужны паспорта взрослых, которые будут гарантировать сохранность фондов. Про сохранность нужно говорить отдельно, потому что это еще одна репона в использовании библиотечного пространства. Конечно, мы не можем отменить жесткие правила записи читателя, но, согла-

ситесь, если ребенок вдруг пришел с улицы (идет и видит — библиотека), а ему говорят: «Давай-ка принеси документы родителей», он повернется и уйдет, скорее всего, навсегда. Опять вспомним, кстати, про умных библиотекарей, которых мало. Один библиотекарь так откажет, что ребенок забудет дорогу в библиотеку, а другой найдет подходящие слова, даже при формальном отказе.

Еще одна, как мне кажется, очень серьезная тема — это качество той детской литературы, которая приходит в библиотеки. Точнее говоря, не приходит. Все знают, наверное, что у нас в стране ежегодно выходит 123 или 124 тысячи экземпляров книг. Всего 8% этого книжного «вала» — детская литература, причем около 30% из этого количества — раскраски, чистописание и т.д. И всего около 7,5 тысяч, как считают наши библиографы (а детская библиотека отвечает за отраслевой сегмент детской библиографии), можно отнести к детским книгам. Но даже среди них процент новых имен крайне мал! В этом году мы выявили всего 45 новых имен. Это не значит, конечно, что они все самые лучшие. Но в данном случае нас интересует сам факт обновляемости имен в детской литературе. Как свидетельствуют цифры — это тоже проблема. Еще совсем недавно мы уповали на литературные премии, такие как «Заветная мечта», «Алые паруса», которые давали возможность выявить действительно хороших, замечательных авторов, но кризис поставил точку в этих начинаниях. Однако даже прошлые победители не доходили до детской библиотеки в селе или в малом городе. Действительно, РГДБ находится в очень привилегированном положении, у нас достаточно средств на комплектование, мы можем ходить в любые магазины Москвы. Поэтому проблема отсутствия интереса к посещению и, соответственно, к чтению в РГДБ, может быть, не в качестве фонда, а в качестве наших сервисов и особого статуса мегаполиса.

Но вот как обстоят дела в детских библиотеках на периферии?

Я недавно разговаривала с одной девушкой из сельской библиотеки в Тульской области. Она сказала, что библиоте-

ка получает в год 3—4 детских книги. Ну как на этом можно вырастить читателя? Вспомним послание Президента, в котором говорится о ставке на талантливых, открытых прогрессу людей. Но с чего начнется-то все это? Начнется с чтения детской книги. А у нас такие проблемы с доступностью детской книги в масштабах страны! Когда-то даже говорили (и в этом есть правда) о кризисе в сегменте детской книги. Он продолжается. Он продолжается как таковой, продолжается в части распространения и, например, в части детской критики.

Кто у нас занимается детской критикой? Маша Порядина, наша сотрудница, и Ксения Молдавская. Про Алексея Копейкина нужно сказать отдельно, поскольку он наш, РГДБэшный. В действительности тот замечательный критический, библиографический, рекомендательный указатель, который РГДБ делает уже многие-многие годы, — это фактически единственный ресурс, который ориентирует родителей и детей на поле «А что читать-то?». Часто и библиотекарь не знает, что нужно покупать и рекомендовать ребенку, не говоря уже о родителях. Кстати сказать, издать вот этот самый библиографический указатель в печатном виде, а не только пропагандировать и предоставлять к нему доступ в Интернете, стоит всего 200 тысяч рублей в год. Мы подсчитали, что такой красивый проект, который действительно бы продвигал качественное чтение, обошелся бы родной стране всего в 200 тысяч рублей. Мне бы очень хотелось перевести разговор о продвижении чтения в детской среде в практическое русло — что делать? И, например, один из ответов будет таким: опубликовать и распространить наш «БиблиоГид». Конечно, это не единственный ресурс, есть еще каталог, который издает «ГРАНД-ФАИР», просто каждый кулик свое болото хвалит (и это тоже, наверное, правильно).

А теперь о детской периодике. Мы чаще говорим о книгах, а детская периодика — это отдельная тема, и ситуация там, может быть, даже более тяжелая. Худо-бедно существуют такие старые, но «вечно молодые» журналы и газеты, ко-

торые мы все читали — «Мурзилка», «Костер», «Пионер», «Пионерская правда». А вот хорошие новые журналы «Чиж и еж», «Кукумбер» — на грани закрытия. Я помню, в Геленджике в этом году в решениях творческой лаборатории детских библиотек России был прописан призыв, адресованный детским библиотекарям, с тем, чтобы они подписывались на журнал «Кукумбер». При этом развелось огромное количество коммерческих изданий со всякими слониками, розовыми платяницами и рюшечками, журналов, которые создают клиповое сознание, ведь в них, кроме картинки и подписи, ничего нет. Неужели эти журналы в состоянии продвигать качественное чтение?

Пользуясь случаем, хочу рассказать одну историю, которая меня потрясла до глубины души. С одной стороны, она смешная, с другой — очень грустная. Я ехала в сентябре в электричке, сидели рядом со мной две девушки, судя по всему, первокурсницы какого-то гуманитарного вуза. Одна другой пересказывала лекцию по истории Древней Руси. Это надо было слышать! На примитивном уровне (возвращаясь к проблеме клипового сознания, бедности речи и отсутствия хороших детских книг) она рассказывала о древлянах, о Киевской Руси и вспомнила про Рюрика. И когда она назвала имя этого великого князя, а вторая спросила: «Че, так и зовут?», мне стало обидно за Рюрика, наше прошлое и настоящее. Я не могла, конечно, в этот разговор не вступить, задав вопрос о том, какие книги по истории России они читали. И опять я напоминаю сидящим здесь об умной детской библиотекарше, которая не встретила на пути этих девушек и не продвинула в свое время познавательную литературу. Надо сказать, что в сегменте детской литературы опять же 75% художественной и всего 25% — научно-познавательной. И что сказать про инновационную экономику в свете этих цифр и реалий?

В общем, мои предложения — это: а) продвигать качество чтения; б) работать над имиджем библиотекаря. Кстати, недавно канал «Культура» показал фильм «Breakfast at Tiffany's». Тем, кто проводит игры по воспитанию библиотекаря и отно-

шению к читателю, я рекомендую просто взять оттуда фрагмент. Там сравнивается отношение менеджеров Tiffany's и библиотекари в публичной Нью-Йоркской библиотеке. Это все про нас. Так что в сухом остатке — новый библиотекарь и новые хорошие книги. И Интернет, конечно, но я уже не буду об этом говорить, потому что Интернет — это попытка компенсировать в каком-то смысле те деформации, которые существуют на книжном рынке. Мы как детская библиотека должны заниматься качеством Интернета, что и собираемся делать. Мы задумали и осуществляем новый проект «Российская детская электронная библиотека» и собираемся создавать группу экспертов по оценке качества детских сайтов.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Галина Александровна.

Прошу, Надежда Ивановна Михайлова.

Н. И. Михайлова

Если говорить о том, какое количество названий детской литературы появляется ежегодно на полках книжных магазинов, то около 8 тысяч названий находится в самом крупном отделе детской литературы в «Московском доме книги».

Вы говорите о том, что научно-познавательных книг мало. Могу сказать, что мне всегда было досадно (и досадно до сих пор), что почему-то мы не очень тесно работаем с Детской библиотекой. Рядом с Детской библиотекой сейчас находится магазин «Студент», а раньше это был «Московский дом книги». И мы очень надеялись, что сотрудничество будет развиваться более активно, именно учитывая наше соседство.

Я хотела сказать, что на фоне кризиса отрадно растут объемы продаж именно детской литературы. Падает все: профессиональная литература, экономическая, не падает столь катастрофически художественная литература, учебная и детская – впервые за последние 10 лет. Это совершенно точно. И действительно очень не хватает новых авторов, пишущих о детских проблемах. То, как в этом секторе растут объемы, напрямую связано с количеством познавательной литературы. Интерес у детей есть, но этой литературы на рынке представлено очень мало.

Г. А. Кисловская

Еще раз возвращаясь к вопросу качества. Я молодая бабушка. Я регулярно хожу в детские магазины. Знаете, когда я в первый раз пришла покупать детские книжки, я раскрыла глаза, думаю: «Вот я возьму это, это и это». Накупила. Прихожу через полгода – то же самое. Ну, в лучшем случае обложка поменялась. Если уж еще лучше – иллюстрации иные. А вообще-то говоря, это все какие-то перепевы одних и тех же авторов, сюжетов.

Н. И. Михайлова

Именно об этом я и говорю. Мы ведь тоже аналитику проводим, какие-то выводы делаем. Нужна государственная программа поддержки авторов и издателей, которые создают книги для детей. Это очень трудный сектор, очень узкий, потому что рассчитан на определенную возрастную группу. И если не будет такой поддержки, ассортимент будет снижаться.

Г. А. Кисловская

Действительно, коммерция делает жизнь на этом книжном рынке. Она правит бал. И бороться с этим можно только одним путем – государственный протекционизм.

Е. И. Кузьмин

Олег Бородин (многим здесь известный) рассказывал мне, что когда-то брал интервью у Урмаса Отта. Это было лет 10 назад. Он задал ему вопрос: «Вот мы совершенно ничего не знаем о том, что происходит в Эстонии. Раньше мы знали, что есть выдающийся певец Георг Отс, а кто сейчас в Эстонии поет?» На это Урмас Отт сказал: «Да никто не поет. Вы понимаете, Георг Отс рождается раз в 100 лет, может быть, раз в 300 лет. Ну, подождем еще 200 лет, возможно, у нас появится новый Георг Отс».

Мне кажется, сейчас такой период, когда нет безумно талантливых детских писателей, которые были в конце XIX — начале XX веков. Совсем недавно я разговаривал с одним очень умным и очень образованным, очень интересующимся литературой человеком — министром культуры одного из сибирских регионов. У него маленький ребенок — 7–8 лет. Он говорит: «Я, как только зайду в книжный магазин, сразу вижу, что моему ребенку будет неинтересно все, что сегодня пишется и продается».

Тот же Олег Бородин мне недавно рассказывал о том, что ему его дети поручили заниматься внучкой. Внучке, которая перешла в 3 класс, на лето дали задание — выучить «Мифы и легенды Древней Греции». Он говорит: «Есть замечательная книжка Куна, но я ее открыл и понял: никогда в жизни девочка не в состоянии это освоить». И он придумал способ. Сначала взял все самые забавные вещи, связанные с героями, — Одиссей, Золотое руно. И рассказывал ей сказки. А по ходу сказок появлялись какие-то боги. И он заставлял ее записывать в тетраточку и учить: «богиня такая-то, покровительница того-то, дочка того-то». И вот так вот рассказал все истории, а параллельно она исписала всю тетрадку этими богами. А потом они перешли к первой части Куна, где описываются происхождение Земли и происхождение богов. И для нее это все легло на подготовленную почву. Она как-то зашла в темный сарай и сказала: «Темно, как в царстве Аида».

Даже имеющиеся на сегодняшний день книги нужно переосмыслить, понять, как их подать. Для этого нужны талантливые люди. К сожалению, это как в науке, где никто не занимается популяризацией — потому что безумно сложно и никем не оплачивается. Так же и для детей нужны пересказы уже имеющейся литературы заново. Ведь Алексей Толстой известную итальянскую сказку пересказал — и получилось в 100 раз лучше, чем оригинал.

Г. А. Кисловская

Можно последний комментарий, Евгений Иванович? Очень, жаль, что здесь нет Татьяны Львовны, потому что, цепляясь за вот этот сюжет с Олегом Бородиным, я хотела бы рассказать о страшной действительности, в которую загнаны детские библиотеки. Это статистика — бесконечные плановые показатели, которыми они обрастают каждый год и которые лишают библиотекаря возможности работать с ребенком индивидуально. Я, в общем, не против показателей. И, придя в РГДБ, я поняла, что как раз с этим надо поработать. Но надо же понять, какие показатели в области продвижения чтения нас волнуют. Сейчас книг меньше — какие бы там ни говорили красивые слова про то, что кризис на нас не повлияет, и взрослых книг меньше, и детских, а главное — и денег в библиотеках уже нет. Вот смотрите: новых книг нет — читателей меньше. Это толчок к тому, чтобы наши учредители говорили: «Ах, к вам не ходят? Давайте-ка мы вас прикроем». Нас прикрыли, оптимизировали, сократили сеть, а куда дальше? Какой-то порочный круг. Мне кажется, что в отношении некоторых типов библиотек и показатели должны разрабатываться иные, они не могут быть одинаковыми и для научной библиотеки, и для детской публичной, и еще для какой-то.

Е. И. Кузьмин

Галина Александровна, спасибо большое.

У нас осталось 18 минут. Мы добавим еще 5 минут. Заметьте, выступили три библиотечных руководителя, и остались

три оппонента, сторонних наблюдателя, доброжелательных критика.

Сейчас я хочу предоставить слово Любови Александровне Казаченковой, главному редактору нового журнала «Современная библиотека», а в прошлом заместителю главного редактора старого журнала «Библиотека». Мы очень хорошо описываем существующее положение вещей — оно малорадостное. И я хотел бы услышать, не только какие шаги можно сделать, чтобы из этого болота выбираться самому, но и советы, как это сделать другим.

Л. А. Казаченкова

Евгений Иванович, я, конечно, не гуру.

Е. И. Кузьмин

Ну что ж, нет у нас гуру!

Л. А. Казаченкова

Я таких советов дать не могу, но вернусь к теме панельной дискуссии — влияние на круг чтения. Я очень люблю библиотеки, с этим вирусом живу в профессиональной деятельности уже 24 года. Но, дорогие мои, простите, я могу вам сказать, что вы не влияете на круг чтения современного человека. Объясню по пунктам.

Во-первых, ваш режим работы неудобен. Среднее поколение потеряно для библиотек, оно занимается зарабатыванием денег (в кризис или не в кризис — неважно) и не успевает даже квитанцию оплатить в сберкассе, не говоря уже о том, чтобы прийти в библиотеку и потратить время на выбор любимой книги.

Во-вторых, книги приходят с таким опозданием, что уже становятся неактуальными, а куда-то не приходят вовсе. Вот недавно закончился I Всероссийский съезд сельских библиотечарей России, организатором которого выступили Министерство культуры, Некоммерческий фонд «Пушкинская библиотека», администрация Брянской области и Брянская областная универсальная научная библиотека имени Ф. И. Тютчева. Во всех районах области прошли тематические круглые столы. В одной совершенно замечательной библиотеке (не буду говорить, в каком районе) глава села сделал все возможное, чтобы в этом году поменять кровлю и провести, наконец, газовое отопление — более 40% сельских библиотек находятся на печном и углевом отоплении! Он был счастлив и показывал, какой ремонт он сделал в библиотеке. Хорошая библиотека, светлая, замечательная. А я к книгам, конечно. Вот стенд — «Новые книги». Нет там новых книг. Я как издатель.... куда смотрю? На выходные данные. Так вот там: 2007 год и совсем мало 2008 года. Понятно, что ремонт съел все средства у администрации, что сделано огромное дело: теперь люди находятся в теплом и удобном помещении; но тут, как ни крути, книг нет.

Третий вывод: все библиотеки — за очень редким исключением — ориентируются на того читателя, который в них ходит. И все мероприятия, которые проводятся (совершенно замечательные литературные вечера, поэтические гостиные, еще что-то), ориентированы на того, кто уже пришел. Это бесперспективно, потому что библиотека — социальный институт. От того, насколько востребованы в обществе услуги, которые она предлагает, от того, насколько социум задействован в мероприятиях библиотеки, зависит оценка эффективности ее деятельности вообще и того, за что государство дает деньги этому учреждению.

Почему так происходит? Потому что нет притока свежих сил (это, конечно, наблюдение со стороны)! Опять же, не везде и не всегда, но в основном. Отрасль стареет! Библиотека использует стандартные формы, привычные. Категорически не хватает креатива, творчества, какого-то мозгового

штурма. Я приведу конкретный пример. Вот Карелия. Несколько совершенно удивительных примеров, которые родились не за счет большого количества полученных библиотекой денег, а благодаря творческой мысли библиотекаря. Первый пример — Беломорск. Город, живущий за счет порта, трудный в экономическом плане регион. Молодежь в два часа ночи оккупирует винные магазины и пьет, потому что работы нет. Молодой парень, руководитель городской библиотеки, решил, что надо что-то менять. Он подтянул рэперов города Беломорска и устроил рядом с библиотекой фестиваль этой музыки. В первый год, как он сказал, до книг дело не дошло, а вот во второй фестиваль уже шел по программе, которая включала не только соревнование рэперов, но и книжные выставки, и запись музыкального диска. На первый фестиваль администрация не обратила никакого внимания, обратила внимание только милиция, естественно. На второй же фестиваль программа ЦГБ получила поддержку администрации, которая теперь говорит: «Какая тебе нужна помощь?» Это первый вариант. Второй. Шуя, маленький поселок, книг не хватает. Что делает библиотека? Родители или дедушки-бабушки рассказывают своим внукам сказки, дети приходят в библиотеку и вместе с бабушками-дедушками и библиотекарями записывают красиво (для мелкой моторики пальцев это тоже полезно), рисуют иллюстрации, переплетают — и эти книжки встают в фонд для следующих детей.

Да, на безрыбье и рак рыба. Да, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Но увлекается население. И можно привести еще огромное количество таких примеров. Коллегам тоже есть что сказать, поэтому ограничусь одним примером, который меня по-хорошему удивил (это как раз по поводу нехватки креатива в библиотеках). Накануне моего отъезда на съезд в Брянск я была в гостях у друзей. Мы с подругой разговаривали, и я увидела у ее дочки стопку заламинированных карточек. Спрашиваю: «Это что такое?» Подруга отвечает: «Представляешь, что моя Алиска со своим другом придумали. Ей 17, ее другу 22. Они учатся и работают, как и

большинство детей. Они купили машину для ламинирования, печатают на принтере 2–3 четверостишия из стихотворений классиков – Хармс, Блок, Пушкин, Маяковский и т.д., – ламинируют и эти карточки раскладывают в пабах, кафе, на дискотеках, под лестницами, где обитает молодежь». На вопрос «Зачем?» я получила такой ответ: «Надоела эта попса! Она везде, невозможно же жить, дышать!»

Говорят, что молодежь не читает. Читает, просто им негде и не с кем это обсуждать. Они сидят в сетях. То, что читают мой сын и его друзья, такую глубокую философию, я в их возрасте не читала. А вот это вот самый настоящий протест. Потом они решили, что им надо выходить на еще более широкую аудиторию. Они сделали сайт – он так и называется *Stihvkarmane.ru*. И что вы думаете? Буквально через 2 недели после того, как сайт появился, – обвал писем из всех регионов. Ими немедленно заинтересовались «Известия» (это к разговору о том, что печатают общероссийские СМИ о чтении). И сейчас ребятам многие регионы уже предлагают свои программы и говорят: «Давайте мы будем печатать, вы скажите, что вы хотите». Очевидна кардинальная нехватка креативного мышления, знания, как все эти новые формы продвигать. И конечно, читательский спрос, читательский интерес надо опережать и искать тех, кто не ходит в библиотеку, а предпочитает взять книгу у знакомых. Вот мне так кажется. А ребята, ламинируя карточки самостоятельно, за свой счет, совсем не хотят никакой шумихи, потому что именно шумиха сопровождает ту бездарную попсу, против которой они решили бороться своими методами.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Любовь Александровна.

Марина Владимировна Новикова, прошу Вас.

М. В. Новикова

Я разделяю точку зрения Любви Александровны, но хочу сказать следующее. Нужны креативные идеи, их действительно не хватает, однако я не считаю, что в библиотеках этих идей нет. Просто, согласитесь, у нас очень много библиотек, и у них очень разные возможности. Сегодня в начале дискуссии мы говорили о том, что большую роль в продвижении чтения могут играть магазины. Да, наверное, но они так работают только в Москве, в Санкт-Петербурге, в областных центрах. А дальше-то? Когда мы приезжаем в глубинку, там чаще всего магазинов нет, и библиотека остается единственным местом, в котором что-либо происходит и куда хоть какие-то новые книги поступают. Если и есть маленький магазин или книжный ларек, то его ассортимент крайне скуден, а о какой-либо содержательной работе по продвижению чтения речи вообще не идет. Кроме того, благодаря нашему законодательству бедная библиотека, получив свои гроши, вынуждена в этом ларьке покупать то, что диктует торговец, который каким-то случайным образом появился в регионе со случайным набором книг. Это совершенно ужасная ситуация, когда региональные мелкие лоточники привозят только книги на потребу дня, дешевое чтиво, а администрация заставляет библиотеку в очень короткие сроки израсходовать выделенные средства. В результате, с одной стороны чиновник библиотеку прессингует по срокам, а с другой «коммерсант» заставляет скупать то, что у него есть в наличии, потому что это ему выгодно, и ни о каком содержании он просто не задумывается.

Конечно, замечательно все это обсуждать на примерах крупных городов, в которых масса возможностей для реализации ярких, запоминающихся проектов. Но у нас большая страна, 36 тысяч библиотек находятся в сельской местности, и там картина совсем не такая оптимистичная. Однако вопреки сложившейся ситуации именно в глубинке появляются те творческие инициативы, о которых говорила Любовь Александровна.

Здесь присутствуют коллеги из региональных центров чтения, которые тоже могли бы рассказать о многочисленных инициативах по продвижению чтения у себя в регионе. Я думаю, многие знают о том, что, когда в 2001 году фонд «Пушкинская библиотека» приступил к реализации программы «Чтение», мы ставили перед собой задачу создать реально действующую сеть при библиотеках, на которую можно было бы опираться, чтобы инициировать творческие инновационные проекты не только для читателей библиотек, но и для людей, которые никогда не ходят в библиотеку. Проекты, которые позволили бы библиотекам выйти за рамки своих стен, расширить круг общения с местным сообществом. Центры чтения задумывались как организационно-методические и координационные структуры, объединяющие усилия всех ведомств и творческих сил региона для пропаганды чтения и воспитания читательской культуры, разработки концепций, программ, технологий деятельности, подготовки специалистов и обучения привлеченных к этому людей. Именно в этом направлении они сегодня и развиваются. Одно из главных направлений деятельности центров — непосредственное участие в разработке программ по поддержке и развитию чтения, которые включаются в региональные программы развития сферы культуры, отражаются в программах развития библиотечного дела в регионе, являются частью годовых планов работы библиотек. В Москве и Санкт-Петербурге приняты и действуют такие программы, созданы их проекты в Калининграде и Брянске, ведется работа в Ульяновске, Архангельске и других регионах. Несколько лет осуществляется целевая ведомственная программа Министерства культуры Республики Хакасия «Читающая Хакасия» и т.д. В целом в последнее время наблюдается переход от разовых акций библиотек к программной деятельности, к масштабным региональным читательским кампаниям, требующим объединения всех структур и поддержки администраций.

По большому счету можно спорить о том, насколько эффективно используются возможности сетевого взаимодействия. Это тема для отдельной дискуссии. Но сам факт того,

что с 2002 года, когда были созданы первые центры чтения, эта сеть существует, расширяется, работает, все время выдает библиотечному сообществу новые идеи, свидетельствует о том, что сеть эта жизнеспособна.

Библиотека не всегда стремится официально открывать у себя центр чтения, определяя его статус в нормативных документах. Нередко в библиотеках просто работают креативные люди, которые иницируют программы, направленные на привлечение читателей. Примеров масса, из-за ограниченности во времени не буду их перечислять, но используются действительно самые различные формы – современные интернет-конференции, флэшмобы, блоги. Библиотеки всячески пытаются привлечь читателей, которые, может быть, сами никогда к ним не придут.

Первой с неформалами начала работать Тверская областная библиотека, при которой с 2002 года существует центр чтения и книги. Они устроили рок-фестиваль в областной библиотеке! Это был пример совершенно инновационный и немыслимый для того времени, а сейчас идею подхватывают и развивают многие регионы. Кто-то, наверное, узнает о таких инициативах в СМИ, через Интернет, кто-то интуитивно доходит до понимания того, что с этим сообществом можно и нужно работать.

Я считаю, нельзя делать обобщения, что все библиотеки некреативны. Их слишком много, и все работают по-разному. Конечно, библиотеки зажаты в определенные рамки, из которых им очень-очень трудно выпрыгнуть. И я вижу задачу людей, которые заинтересованы в развитии программ продвижения и развития чтения у нас в стране, в том, чтобы создавать некие образцы, модели и их тиражировать как в библиотечном сообществе, так и в книжном. Эту задачу пытаются выполнять и Фонд «Пушкинская библиотека».

Для этого в 2009 году при нашем Фонде был создан Координационный совет региональных центров книги и чтения. Эта инициатива Фонда, Секции по чтению РБА, Центра кни-

ги и чтения Тверской ОУНБ имени А. М. Горького опиралась на неоднократно озвученную библиотекарями необходимость координации и кооперации для обеспечения успешной работы по продвижению чтения. Полноценной коммуникационной площадкой Координационного совета стал портал «Чтение 21» (<http://www.chtenie-21.ru>). На портале в разделе «Координационный совет» размещены положение о совете, отчет за 2009 год и план на будущий год, «Информационный бюллетень», ссылки на сайты региональных центров чтения.

И конечно, уже говорилось, что для успешной реализации Национальной программы поддержки и развития чтения в отдаленных регионах должны быть доступны новые книги, необходимо модернизировать сельские библиотеки. Об этом думают и Министерство культуры Российской Федерации, и Федеральное агентство по печати, которые финансируют много проектов – самых разных. Я считаю достаточно удачным проект «Большая книга – встречи в провинции», который Фонд ведет уже третий год при поддержке Федерального агентства по печати. В рамках этого проекта в регионы выезжают писатели – лауреаты и номинанты Национальной литературной премии «Большая книга». В различных городах и населенных пунктах проходят книжные выставки, дискуссии в литературных клубах и объединениях, встречи писателей с читателями библиотек, преподавателями, студентами.

Я считаю, что на поддержку и развитие чтения работает и проект «Модельные сельские библиотеки», который возник, в том числе, благодаря инициативе Евгения Ивановича Кузьмина, когда он еще работал в Министерстве культуры. Он сумел доказать, что проект этот необходим, и в его рамках большое количество хороших, нужных, умных книг появляется на селе. И новая инициатива Минкультуры России – это создание мобильной системы обслуживания населенных пунктов, не имеющих библиотек. В рамках этого проекта создаются мобильные комплексы информационно-библиотечного об-

служивания (передвижные библиотеки) с новыми фондами, спутниковым интернет-терминалом, современными информационными ресурсами, которые должны обслуживать отдаленные села. Новые технологии позволяют жителям отдаленных регионов оперативно получать информацию о книжных новинках, литературных премиях, знакомиться с писателями и учеными и т.д. Этот новый проект начался только в текущем году, и я считаю, что он будет способствовать развитию чтения у нас в стране.

Е. И. Кузьмин

Марина Владимировна, спасибо.

Перед тем как передать слово последнему участнику, Ирине Александровне Урминой, я хотел бы привлечь ваше внимание к тому, что при всем безумно интересном содержании сегодняшней дискуссии мы практически ничего не услышали о разных социальных группах, в том числе о качестве чтения высокообразованных людей, людей, которые руководят нашей жизнью в регионах, на местах, руководят заводами, фабриками, страной, ветвями власти.

И мы практически не говорили о том, что проекты должны носить строго адресный характер и продвигать конкретные виды и типы изданий. У нас не звучали словосочетания «историческая литература», «философская литература», «мемуаристика»... Я сейчас слушал и ловил себя на мысли, что все равно идет разговор о массовом читателе, о публичной библиотеке, о современной художественной книге, которая в библиотеку опаздывает, а когда приходит, уже никому не нужна, ее все прочитали. Но ведь есть огромное количество литературы, которая не стареет, или нет какой-то безумной срочности в том, чтобы первым прочитать тот или иной роман массового писателя.

Не была озвучена необходимость говорить адресно о конкретных социальных группах, слоях населения, о конкретных

видах, типах и жанрах литературы, видах печатной продукции (ведь не было разговора о литературно-художественных, общественно-политических журналах, которые определяли чтение, о том, что сегодня мы живем в реальности, созданной авторами литературно-художественных и общественно-политических журналов конца 80-х годов — что тогда писалось, то мы сегодня и имеем). А Национальная программа чтения строго указывает, что надо говорить и про это.

Оценка социальной эффективности деятельности в поддержке чтения — это проект, который мы только начали. Это, между прочим, требование Министерства финансов и Министерства экономики — никакие программы не могут быть приняты как ведомственные федеральные целевые, если нет показателей социальной эффективности.

Ирина Александровна Урмина, пожалуйста, Вам слово, и на этом мы завершим первую панель.

И. А. Урмина

Спасибо. Надеюсь, что перед тем, как пойти на кофе-брейк, вы обратите внимание на мои слова. Дело в том, что, выслушав все предыдущие выступления, я поняла, что вы (я имею в виду тех, кто работает в библиотечной сфере), видимо, представляете собой наиболее компетентный слой нашего общества. Когда Евгений Иванович решил все-таки на основании концептуальных позиций Национальной программы заняться и тем, чем завершаются все проекты, — эффективностью, показателями, — естественно, было трудно понять, как это сделать. Опираясь на то, что в Национальной программе однозначно определено — показатели социальной эффективности, — можно было предположить (и это действительно оказалось так), что сами программные документы мало поняты даже в библиотечной сфере, которая, казалось бы, должна обладать самым главным подходом — концептуальным. Выяснилось, что действительно чудесные люди, глубоко

мыслящие, энтузиасты своего дела, не оценивают то, что делают, с точки зрения полезности, прежде всего — полезности для общества.

Дело в том, что в Национальной программе определены базовые показатели социальной эффективности. Эльна Александровна Орлова написала основную концепцию и подготовила программные документы с Евгением Ивановичем и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества. Это тоже очень большие энтузиасты своего дела, взвалившие на себя необыкновенно серьезную задачу — выявление того, чем может быть интересна эта отрасль — именно отрасль — и для кого: для себя, для общества, для читателей. В Программе выделены три критерия: социальная значимость, социальная полезность и социальная привлекательность. Когда мы разработали анкету (а это действительно должна была быть анкета, опрос чисто социологического характера), то выяснилось, насколько разные подходы должны быть к библиотекам, в насколько разных сферах жизни они функционируют. И та самая креативность, тот творческий подход, которые вы проявляете каждый в своей библиотеке, тоже должны быть разными. Очевидно, что ваша точка зрения настолько отличается от того, что видят общество, государство и, наконец, сами люди, которые работают в библиотеках, что абсолютно точно необходимо продолжить исследования. Я не знаю, каким способом. Вряд ли поможет государство, заставляющее вас отчитываться по определенным показателям, которые вам не нравятся, потому что, несомненно, не отражают самое главное — вашу специфику.

Наша страна вообще на энтузиастах держится, а в библиотечной сфере однозначно профессиональный энтузиазм накладывается на энтузиазм индивидуальный. А это совершенно разные вещи. Насколько вы должны работать в том поле, которое сейчас так привлекательно в сфере образования, — поле компетенций, определенных в новых федеральных государственных образовательных стандартах? Я призываю вас: да, конечно, это трудно, но вы должны приучить даже сферу образования к верной профессиональной терминологии.

Я преподаю в высших учебных заведениях и вижу, как тяжело воспринимает сфера образования современную культуру. С одной стороны, не признает, с другой — обучает современную молодежь. А они — другие. Посмотрите, что творится в Интернете. Это практически тот самый «некомпетентный» подход к формированию содержания, но именно в этом поле вся молодежь черпает какие-то крохи чужих знаний, которые выдает за свои. Вы знаете, как это делается. Другой вопрос: кто отвечает за содержание, за контент, как говорит Евгений Иванович, и за самое, с моей точки зрения, главное — за достоверность этой информации.

Поверьте, им это очень надо. Они, к сожалению, с одной стороны — «дремучие» (я имею в виду ту молодежь, которая у нас получает образование в вузах гуманитарного направления, а не в технических — там более точные науки, которые, скажем так, в меньшей степени можно замусорить словами). И здесь играет большую роль именно ваша значимость — я же не зря говорю про значимость, полезность и привлекательность. Привлекательность для всех тех слоев и социальных групп, с которыми вы работаете (они все разные), — это понятно. Но вот полезность и значимость вами не всегда поняты верно с социальной точки зрения. И вот поэтому такая разница в том, что происходит в вашей сфере, и в том, что происходит в сфере образования, которая от вас очень отделена. Они как-то не соединяются, хотя соединимы, без сомнения.

Вы формируете круг чтения. Пусть говорят: «Нет, библиотеки круг чтения не формируют». Формируют, однозначно. Объясню как. Списки литературы, которую рекомендуют для чтения, как правило, принимаются как нечто абсолютно верное. Никто не задумывается о том, как сформирован этот список и кто его формировал. В сфере образования его просто принимают как данность и пользуются им. Кто будет в этом случае модератором, фасилитатором или, с моей точки зрения, культурным наставником? Поверьте, только вы. Потому что только вы компетентны в потоке информации — не научной, не специализированной, которая необходима в

разных профессиональных сферах, а именно социально значимой информации. Только библиотекари. Как вы можете это делать? Получив, может быть, даже какую-то определенную переподготовку в сфере Интернета, потому что вы, без сомнения, должны владеть современными технологиями.

Так получилось, что я уже почти 20 лет в этой сфере. Я вижу, как развивался Интернет, еще с тех времен, когда в Москве был открыт один из первых популярных сайтов, который назывался «Белый медведь». В то время я значительно проще находила информацию по ключевым словам. Если сейчас я попытаюсь набрать несколько ключевых слов, то получу удивительное разнообразие абсолютно недостоверной информации! Хорошо, что я как-то могу ориентироваться в этом информационном пространстве. Но молодое поколение в нем не ориентируется совершенно. Любимцы маленьких детей (если говорим о детях) — это «Смешарики». Что это такое? Это же постоянный конфликт. Если вы бабушки, дедушки, родители, вы прекрасно знаете об этом, но дети верят только этой информации.

К вам в библиотеку они приходят действительно с родителями, но это веление времени. Жесточайший контроль — требование общества. Разве не так? Этот контроль присутствует вокруг. Это — окружение. Другой вопрос, что окружение, без сомнения, — разное. И вот на это, видимо, и должна быть направлена дальнейшая работа по определению социальной эффективности библиотек. Наша Москва — это одно социальное окружение, маленький город — другое, маленькая сельская библиотека (которая является, по сути, культурным центром) — третье. Там можно решать другие проблемы. В городе нас пытаются приучить к чтению — то нам песни поют, то плакаты вывешивают, то еще что-то. Но никто не объясняет, про что это и зачем. И те, кто проходят мимо, эту информацию не замечают. Почему у нас место не уступают в метро, сколько бы мы не говорили? Потому что не понимают — зачем. В нашем государстве другие законы. На Западе, сами знаете, пенсионерам предлагают освободить рабочие места, и это связано с определенными социальными благами. У нас

этого нет, но кто будет это объяснять? И нужно ли это? Вот это, наверное, только вы можете объяснить молодому поколению. Вы совершенно правильно сказали, что они не знают, к кому обратиться. И я вам предлагаю выступить модераторами, фасилитаторами и культурными наставниками. Спасибо за внимание.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Ирина Александровна.

Я хочу, чтобы было понятно про социальную эффективность. Это довольно сложный концепт, его наши экономисты и финансисты понимают совершенно по-своему — сколько денег останется и где деньги прирастут. У нас совершенно другая вещь, и поэтому я вам предлагаю прочитать в этом сборнике все-таки не короткое живое выступление Ирины Александровны, а стройное изложение того, что такое социальная эффективность и по какому пути нам дальше строить свои исследования, чтобы уметь и самим себя оценивать, и доказывать что-то тем, кто выделяет деньги.

Реплика из зала

Дело в том, что говорят: библиотека виновата в том, что читает наш студент или школьник, по каким материалам пишет он реферат или курсовую работу. Вы знаете, отвечает за это преподаватель, который примет работу или не примет. Я как преподаватель могу сказать, что давно принимаю работы только в электронном виде и проверяю фразами, откуда взято, где скопировано. И отдаю на переработку. Вот тогда они читают статьи, они делают собственные выводы и учатся хоть как-то анализировать литературу, а не использовать те готовые рефераты и курсовые работы, которые можно скопировать. Мне кажется, за это отвечает преподаватель, а не библиотекарь.

И. А. Урмина

Прошу извинить, я просто хочу объяснить, что не говорила о библиотекарях. Я говорила о библиотечной сфере, о том, что вы можете повлиять на этот список литературы. И я не говорила о тех специальных направлениях, темах, курсах, на которые вы, как библиотекари, можете повлиять. Поверьте, я сама читаю достаточно много и отношусь к этому еще более критично. Я открыто говорю студентам: «Дорогие, мне ваши рефераты, слитые из Интернета, вообще не нужны, я даже проверять не буду. Мне важно, чтобы вы понимали, зачем вы пришли сюда и почему эту дисциплину изучаете». Инновационный подход? Наверное. Но не многие преподаватели так делают.

Е. И. Кузьмин

Спасибо.

Благодарю всех участников за выступления. Думаю, всем было очень интересно и полезно — мне в первую очередь.

Тематическая дискуссия «СМИ: влияние на круг чтения»

Е. И. Кузьмин

Сейчас мы начинаем вторую дискуссию сегодняшней конференции – «СМИ и их влияние на круг чтения». Я счастлив, что эту дискуссию согласилась провести мой большой друг, бесконечно уважаемый мною человек, Ядвига Брониславовна Юферова, заместитель главного редактора одной из лучших наших газет (я ее большее всего люблю) – правительственной «Российской газеты». Ядвига Брониславовна собрала вокруг себя замечательных, честных, высокопрофессиональных журналистов, и для нас большая честь, что сегодня она выступает здесь в роли модератора.

К сожалению, Наталия Зоркая, которая внесла огромный вклад в исследование Центра Юрия Левады, посвященное чтению, и является нашим ближайшим партнером – очень надежным и никогда не подводившим, – слегла с тяжелейшим гриппом. И Ясен Николаевич Засурский только что позвонил и сказал, что в силу некоторых обстоятельств, к сожалению, не сможет присутствовать.

Ядвига Брониславовна, вам слово.

Я. Б. Юферова

Евгений Иванович, спасибо. Это правильная любовь, к тому же взаимная. Мы много лет знакомы, и Женю я, работая и в «Комсомольской правде», и в «Известиях», и в «Труде», с удовольствием называла главным библиотекарем России. Куда ни приедем – в Челябинскую область, в Мурманскую, – всегда он находит библиотекаря, которого называет по имени-отчеству, интересуется, как его близкие, чем пополнился фонд. У власти, у прессы (по крайней мере, я могу судить с

точки зрения прессы) есть очень хороший представитель и защитник интересов библиотекаря. Он мне раз в году звонит и напоминает: «Когда будете писать большие политические статьи, помните, что Россия была принята в состав Большой восьмерки именно в библиотеке, в Денвере, в штате Колорадо, там состоялось судьбоносное решение».

Мы помним о труде библиотекаря, помним о книге, потому что наша профессия тоже состоит из букв и слов, и мы подвержены влиянию всего того, что происходит в мире — не только рынка, не только вкусов, не только технологий. Я довольно оптимистично смотрю на эти процессы при всех драматических формулировках, потому что худо-бедно 100 тысяч наименований — это ежегодный отчет последних лет в родном Отечестве. При всех столах о том, что нас не читают, что тиражи катастрофически уменьшаются, что люди уходят смотреть в Интернет, у нас сейчас в России зарегистрировано около 60 тысяч газет, журналов и альманахов. Ну, некоторые регистрируют издания как подарки для любимых женщин и подруг, но большинство из них — это действующие журналы.

Этот рынок очень интересен. И, чтобы поддержать библиотекаря, книгу, любовь к чтению, мы должны быть живы сами. Я так думаю, что журналистика, при всех родовых проблемах, в очень сложное время, когда политику подменяют политтехнологии, нашу профессию — пиар, все равно остается. Возникает ощущение (по тому, как это происходит у наших коллег в других странах, например, во Франции, где желтая пресса практически вытеснена с передовой), что сегмент серьезных качественных изданий вернется на свое место. И не будет, наверное, тех драматических времен — они останутся все же для истории, — когда в районной библиотеке в Рязанской области в конце 90-х годов было всего две газеты — «СПИД-Инфо» (потому что это всем интересно тогда было) и «Правда Жириновского», которая распространялась бесплатно.

Я надеюсь, что сейчас практически у каждой библиотеки возможностей больше. И надеюсь, что во многих библиотеках есть «Российская газета», потому что все законы вступают в

силу со дня опубликования в нашей газете. «Российская газета» была одним из партнеров по разработке Национальной программы чтения. Мы задавали вопросы о том, что читает политическая элита, что читают люди мыслящие. В 2005–2006 годах, когда Программа разрабатывалась и принималась, мы очень активно, серьезно старались будировать общественное мнение. Мы с Борисом Натановичем Пастернаком, директором замечательного издательства «Время», обменивались сегодня мыслями. Конечно же, во многом вкусы общества (по крайней мере, качественно читающего сегмента) зависят от того, какие акценты расставляет современная критика. Профессиональные критики, вообще говоря, люди не сервилитские, не обслуживающие — это большая редкость сегодня. Чтобы я поверил тебе, тому, что ты рекомендуешь читать, я должен знать, что твоя рекомендация безукоризненна. Я счастлива, что имею честь работать с редактором отдела «Культура» Павлом Басинским. Павел — литературный критик, писатель, который в серии «ЖЗЛ» выпустил роман о Горьком, один из тех пяти литературных критиков, которых еще Александр Исаевич Солженицын отобрал для жюри своей премии. Поэтому хочется надеяться, что Евгений Иванович мне как представителю «Российской газеты» дал роль модератора правильно.

Я хочу закончить на этом вступительное слово. Мы с коллегами продолжим разговор, и Елена Николаевна Бейлина, главный редактор журнала «Университетская книга», наверное, откроет дискуссию.

Е. Н. Бейлина

Спасибо большое. Спасибо, Евгений Иванович, за то, что пригласили выступить. Сразу хочу сказать, что буду говорить от имени профессиональных отраслевых коммерческих журналов (не государственных, потому что наша отрасль существенно разделяет понятия государственного журнала, который

финансируется, дотируется, и журнала коммерческого). С одной стороны, мы абсолютно независимы в суждениях, в темах, мнениях, мы гораздо мобильнее с точки зрения принятия решения о том, что публиковать, как работать с нашей аудиторией. С другой стороны, мы на сегодняшний день сталкиваемся абсолютно со всеми сложностями еще в большей степени, может быть, чем библиотеки. И по программам чтения собственных журналов, и по продвижению порой сталкиваемся с проблемами, которые от нас в принципе вообще не зависят.

Когда я узнала тему данной панели, то на самом деле немного даже расстроилась за наши профессиональные СМИ. Уж кто-кто, а вот как раз профессиональные периодические издания проблемы чтения, книгораспространения, книги и работы наших библиотек, по-моему, обсуждали всегда. Может быть, не тем языком, может быть, не настолько все понятно было изложено, но обсуждение книги и того, что происходит в регионах и библиотеках, велось. Другой вопрос — почему сейчас мы стали уделять этому больше внимания. На самом деле нас стали замечать. Как бы обидно это ни звучало, профессиональные СМИ воспринимали очень сложно. Я хочу сказать следующее. Это, пожалуй, единственный и первый случай (и за это вам, Евгений Иванович, тоже спасибо), когда нас приглашают на мероприятие, не требуя оплаты. По сей день, для того чтобы коммерческое издание, даже отраслевое, выступало на каких-то форумах, конференциях, мы иногда должны оплачивать свое выступление. Коллеги подтвердят: мы платили регистрационные взносы, оплачивали ведение круглых столов. Это абсолютно нормальная практика, потому что это рассматривалось как реклама коммерческого журнала. Так что огромное спасибо за то, что даже в названии конференции СМИ (профессиональные СМИ тем более) стали замечать, для нас это серьезный показатель.

Что профессиональные СМИ стали делать для этого? Несмотря на то, что мы были разобщены, пошло объединение. Мы стали пытаться решать наши проблемы вместе. Да, нас мало, да, нас не замечают. Но мы пытаемся объединяться в

коалиции, обращать на себя внимание и, может быть, доносить информацию и о себе, и о том, что мы обсуждаем на страницах журналов.

Теперь, что касается непосредственно чтения и того, почему мы стали этой проблемой заниматься. Во-первых, ситуация с чтением действительно катастрофическая. Причем дело даже не в том, что не читает конечная аудитория — молодежь, студенты и т.д. (мы проводили исследования и убедились, что и студенты, и молодежь 17–18 лет читают и сидят в библиотеках, но это связано с их профессиональной деятельностью). Мы столкнулись с тем, что не читают даже профессионалы книжного дела. Жизнь нас заставила диверсифицировать бизнес, мы стали заниматься профессиональными изданиями для библиотекарей, для журналистов, для книгovedов (я говорю о нашей переводной серии «Электронные ресурсы в библиотеках и образовании»). Не читают эту литературу вообще! Я общалась со многими библиотекарями, и мне говорили: «Да, наверное, это все надо, но как-то не доходят руки».

Мы стали развивать интерактивные формы общения — круглые столы на страницах журнала, короткие вопросы, короткие ответы, мнения людей. Вы знаете, это, пожалуй, самая сложная рубрика в нашем журнале, потому что обратной связи нет. Иногда они боятся говорить. Наша библиотечная аудитория — это люди, скажем так, подневольные, которые не всегда могут сказать правду. Если мы напечатаем то, что они говорят в кулуарах, то это будет неправильно воспринято в регионе — директором или представителями администрации. Мне многие об этом говорили. Вызвать людей на разговор о каких-то иных темах, помимо финансовых, практически невозможно.

Существует также проблема финансирования, проблема приобретения. Библиотека не может сама по желанию купить издания. Это аукционы, о которых все знают. Сейчас ситуация аховая — крах подписных агентств ударяет по нам довольно сильно. Как правило, у нашей профессиональной прессы тиражи минимальные — 2–3 тысячи в лучшем случае. Дальше уже идет распространение на ярмарках и выставках. Так вот,

подписные агентства «валятся». Недавний случай – «Коммерсант-Курьер». Для нас это порядка 300–400 подписчиков. Причем эти подписчики к нам приходят, пишут: «Пришлите, пожалуйста, журналы, мы потеряли достаточно серьезный информационный ресурс». Но даже когда мы предлагаем напрямую общаться, они не готовы принять решение. Подписная аудитория – это действительно колоссальная проблема.

Альтернативный вариант – электронные ресурсы, электронные сайты. Для профессиональной литературы совсем недавно стали появляться электронные журналы. «Университетская книга» стала, пожалуй, одним из первых журналов, у кого появилась электронная версия, бесплатная на тот период времени. Мы об этом активно рассказывали – благо, есть возможность, мы ездим почти на все профессиональные мероприятия. А подписчиков практически нет. Я не знаю, с чем это связано. Может быть, действительно проблемы с Интернетом, может быть, какие-то проблемы с информационной грамотностью. На нашем сайте сейчас очень много сервисов для библиотек – и по комплектованию фондов, и по отсмотру новинок, и интервью есть. Но даже это, к большому сожалению, не проходит в нашей аудитории. Все равно многие предпочитают журнал в традиционном виде – неважно, что он поступит через 2–3 месяца после выхода или может вообще не дойти. Сегодняшняя аудитория пока не воспринимает периодические издания в инновационных формах.

Еще один момент, который характеризует движение профессиональной прессы, – расширение круга читателей. Это абсолютно нормально. Если для нас лет 6 назад это были вузовские библиотеки, вузовские издательства, то сегодня аудитория гораздо шире. Это наука, это образование, это книжный рынок, это библиотеки. Опять же жизнь заставила, потому что проблему надо рассматривать в комплексе и комплексно пытаться ее решать. Я хочу привести совсем недавний пример. У нас есть рубрика «Действующие лица», и не так давно в рамках рубрики состоялась беседа с достаточно высокопоставленным чиновником, небиблиотечным, не связанным с книгораспространением. Естественно, во всех подобных дискуссиях мы

пытаемся поднять проблему книги, чтения, узнать, как то или иное ведомство пытается помочь их решить. Вводятся целевые программы, обеспечиваются поддержка кадров, поддержка молодых. Гость полистал наш журнал, посмотрел и говорит: «Знаете, чего вам не хватает для продвижения? Президента на обложке. Будет президент — будут смотреть администрации, ведомства. Во всяком случае, будут брать этот журнал».

И на самом деле, наверное, он в какой-то степени прав. Они выпускают журнал, и у них практически на каждой обложке если не президент, то премьер-министр. Видимо, коллега пытался поделиться серьезным опытом.

В принципе, все это ненормально. И я могу сказать честно, что проблемой чтения озадачивается крайне узкий круг. Мысли о том, чтобы дальше шагнуть в науку, в развлекательные сферы, не возникает. И у меня вопрос к вам, Евгений Иванович: а что сказали те СМИ, которые сегодня действительно влияют на аудиторию? Почему здесь нет представителей Yandex, Google? Где телевидение? Разговаривать с нами, когда аудитория знает все проблемы, и мы прекрасно знаем все проблемы, мы говорим на одном языке, — это скорее такой интерактив, который происходит постоянно на всех библиотечных форумах. Я бы с удовольствием задала очень много вопросов представителям Интернета, поскольку сама как издатель множество раз сталкивалась с тем, что мне предлагали заоблачные бюджеты за продвижение той или иной книги.

Относительно прессы, с которой мы общаемся. Она тоже узкопрофильная, профессиональная, но не книжная — например, «Маркетинг PRO», «Маркетинг Менеджмент». Это то, что, собственно, является некой трибуной для издания наших книг по маркетингу, по экономике. Лет 5 назад — это меня порадовало — во всех этих журналах появились рубрики «Что читать?». Но для того чтобы попасть туда бесплатно, я должна была обойти множество банков, собрать множество лицензий, чтобы это выглядело красиво и зацепило людей. Купят они книгу или нет — это другой вопрос. Но на самом деле это колоссальные препоны. Или нужны деньги. Во втором случае

вопрос решался буквально в течение 10 минут. Бюджет, оплата — и возвращался тираж, менялся макет, отправлялся в типографию с той книгой, которую я хочу отрекламировать.

На самом деле я не хочу рассказывать о тех проблемах, которые возникают в профессиональной прессе. Вы все о них знаете. И я благодарна нашим читателям, библиотекам за то, что они с нами и поддерживают нас и своей информацией, и каким-то своим опытом. И в то же время это похоже на некую собственную инициативу в безнадежном на сегодняшний день деле. Бьемся, стараемся, но выхлоп настолько слаб, а аудитория настолько растеряна. Никто не может сформулировать четко, что нужно. Вот это пугает. На самом деле, я бы с большим удовольствием отвечала на вопросы, потому что рассказывать о той практической ситуации, которая сегодня сложилась, можно бесконечно. Еще раз спасибо за то, что дали возможность выступить.

Я. Б. Юферова

Елена Николаевна, спасибо вам. Прежде всего — за личное подвижничество. Взять и нервы, силы, деньги использовать на «Университетскую книгу», а не на какой-нибудь прибыльный кулинарный журнал... Я вами восхищаюсь.

Е. Н. Бейлина

Я готовить не умею.

Я. Б. Юферова

Значит, это чудесно.

Пункт второй. Здесь много профессиональных издателей и профессиональных читателей. Одно из самых сильных моих личных впечатлений на Франкфуртской ярмарке — это изда-

тельство Оксфордского университета. Там понимаешь, где находится центр мира, видишь дичайшую очередь и количество заполняющих заявки людей со всего света, представителей всех рас. Это формируется заказ. У меня всю жизнь была какая-то надежда, мечта: когда же наши интеллектуальные элиты вокруг университетских издательств организуются таким образом, чтобы все знали, где центр мира. Поэтому, Елена Николаевна, у меня есть надежда на хорошие перспективы вашего журнала.

На этой оптимистической ноте я передаю слово коллеге, который больше знает не только про «Университетскую книгу» и «Российскую газету», но и абсолютно про все, потому что занимается профессиональным мониторингом IQ и влияния прессы на многие процессы. Иосиф Михайлович Дзялошинский, профессор Высшей школы экономики, а также председатель совета директоров Независимого института коммуникативистики.

И. М. Дзялошинский

Я не только профессор и директор, я профессиональный журналист, работал на разных должностях в сфере печатных СМИ как минимум лет двадцать, так что сижу на двух стульях сразу. Каждый раз, когда при мне идет речь о том, какова роль СМИ в продвижении культуры чтения, я сначала сажусь на «стул» редактора и думаю: «А не пойти ли вам...», а потом сажусь на «стул» профессора и говорю: «Надо разобраться».

Итак, разбираемся. Прежде всего, очевидно, мы все возлагаем огромные надежды на средства массовой информации (или средства массовых иллюзий), которые могут, по нашему мнению, что-то сделать для того, чтобы миллионы сограждан начали читать. На сей счет есть много всяких книжек и рекомендаций, в частности рекомендации Эльны Орловой по работе со СМИ в рамках Национальной программы — очень хорошие рекомендации, кстати, очень правильные. Вопрос: почему наши СМИ не хотят следовать этим рекомендациям?

Мы провели по просьбе Евгения Ивановича небольшой анализ: как выглядит проблема чтения не в профессиональных СМИ, а в самых обычных, причем, по возможности, региональных, городских и местных (потому что федеральные СМИ хоть что-то такое иногда делают, хотя тоже в микроскопических масштабах). Выяснилось, что на самом деле вообще-то дела не так уж плохи. Рубрики «Что читать?» есть, слово библиотекаря дают, на местном телевидении круглые столы по проблеме чтения проводят — я в Томске был, смотрел очень приличный круглый стол. В принципе, вроде, что могут, то и делают. Не слишком роскошно, но требовать чего-то от региональных СМИ, главная забота которых — как-то выжить, просто неразумно.

Я хотел бы повернуть вопрос в несколько другую сторону. Чтение само по себе — это не смысл жизни. Чтение — атрибут чего-то, атрибут образа жизни. Читают для чего-то. Следовательно, есть некоторая логика жизни, которая подпитывается, подтверждается определенным объемом и определенной направленностью чтения. И вот с этой точки зрения мы попытались посмотреть: а какой образ жизни предлагают своим читателям российские СМИ? И выяснилась любопытная картина. Российские масс-медиа — во всех их видах и направлениях — диктуют нашим согражданам четыре сценария жизни.

Первый — это жизнь как успех, причем успех, который не имеет никакого отношения к чтению. Мне мама и папа говорили: «Хочешь быть умным — читай книжки, станешь большим человеком». А сегодня российские СМИ показывают людей, которые успешны не потому, что что-то читали или вообще чему-то учились. Это успех как игра, как лотерея, как удача. Успех как захват, как насилие. Успешны люди нечитающие — посмотрите на тех, кого нам показывают (у меня тут очень много всяких фактов и наблюдений, но я не буду их пока приводить). Это первый сценарий.

Второй сценарий: жизнь как развлечение. Огромное количество передач телевидения (сейчас телевидение — самый

мощный канал коммуникации, 74% россиян только смотрят телевизор, читает очень мало кто — дай бог, половина населения иногда просматривает заголовки) убеждает: именно развлечение и есть смысл жизни. Развлекающийся человек — герой нашего времени. В рамках такого образа жизни чтение предусмотрено как развлечение. Возникла специальная литература для развлечения. Но я бы не хотел, чтобы это читалось вообще.

Третий сценарий: жизнь как потребление. С точки зрения этого сценария (усиленно рекламируемого российскими СМИ), идеальный человек — это тот, кто много потребляет. Мы с опозданием на 30 лет получили эту модель жизни со всеми ее «радостями». Наши СМИ с огромным энтузиазмом выполняют заказ тех, кто готов платить за пропаганду потребления как образа жизни. В этом образе жизни книги предусмотрены как предмет потребления. Я видел в доме одного очень состоятельного человека анфиладу дорогих шкафов, забитых дорогими фолиантами, которые никто никогда не открывал. В некоторых дизайнерских журналах я уже читал рекомендации: надо иметь 3 метра книг. Положено так человеку успешному в этой жизни. Для тех, кто победнее, придуманы специальные обои «под библиотеку». Я видел такие в Центральном Доме журналиста. Причем как здорово сделано! Я искренне поверил, что это книги, подошел, хотел взять — понял: обои.

Четвертый образ жизни: жизнь как игра. Отношение ко всему, как к игре. Тут и карточные игры, и бильярд, и пикап вместо любви.

Во всех этих сценариях мы не обнаружили в качестве обязательного компонента потребления того, что называется качественной литературой, качественной книгой. В принципе да, есть какие-то книжки, которые не мешает прочесть. Вот, например. Коэльо — ну просто обязательно! Мураками — как же ты без Мураками проживешь сегодня?! И так далее. Ты должен быть в курсе, но не больше. Вот такая ситуация.

В связи с этим мне представляется, что, когда мы с вами размышляем о продвижении культуры чтения и создании некоего культа чтения как необходимого элемента образа

жизни, важно задумываться о том, что нужны не просто пропаганда чтения, не просто соответствующие рубрики в газетах и журналах. Надо думать о том, как вместо легких веселых жизненных стратегий, предлагаемых СМИ, формировать образ «другой» жизни, требующей интеллектуального усилия, но и дающей ни с чем не сравнимое удовольствие понимания. Это первая проблема, на которую я обращаю ваше внимание.

Вторая проблема, мне кажется, еще серьезнее. На нее мы тоже нечаянно набрели в процессе исследования СМИ и пришли в еще большее замешательство. Российские СМИ сегодня являются, что называется, лжепророками и пропагандистами мракобесия. Что такое мракобесие? Это враждебное отношение к просвещению, науке, прогрессу вообще. По нашим подсчетам, сегодня примерно три четверти разнообразных сюжетов, посвященных познанию мира, — это сюжеты, где говорится: «Наука — ерунда». Экстрасенсорика, гадания, шаманство, непосредственный контакт с потусторонним. В рекламе огромное количество ссылок на всякого рода тайны, на лечение не у врачей, а «где-то там». Это с одной стороны. А с другой стороны, с экранов телевизоров, особенно в регионах, не сходят господа в рясах, которые тоже утверждают, что наука не может дать ответов на главные вопросы. Надо верить — и точка.

Таким образом, на мой взгляд, сегодня, помимо прямолинейных схем продвижения книги как некоего статусного элемента (в духе «что это за чувак, который книгу не читал?»), надо прорабатывать долгосрочные программы, которые позволили бы нам понять: эти четыре стратегии жизни являются естественным результатом сложившейся конфигурации политических, экономических и социальных схем жизнедеятельности нашего общества, или это целенаправленное «впечатывание» в массовое сознание кому-то очень нужных сценариев? Вот в этом надо разобраться. И конечно, надо бороться с мракобесием. Следовательно, помимо оперативных технологий продвижения книги, нужны долгоиграющие

программы формирования определенных просвещенческих идеалов нашей жизни.

Спасибо.

Я. Б. Юферова

Иосиф Михайлович, спасибо. Хочется абсолютно во всем с вами согласиться. Был человек (его, к сожалению, на днях не стало), лауреат Нобелевской премии, Виталий Лазаревич Гинзбург, который буквально месяц назад звонил в последний раз — он наш автор, наш друг — и сказал: «Если вы еще раз напечатаете гороскоп, я откажусь от подписки на “Российскую газету”».

Во-первых, хочу продолжить все-таки оптимистическую тональность. У нас было большое интервью с академиком Кругляковым, который возглавляет Комиссию по лженауке при Академии наук. Мне кажется, нельзя назначить сверху ни правильную науку, ни правильную жизнь, ни правильную подписку на газеты и журналы. Такие хрупкие элементы гражданского общества (к ним относятся и СМИ) мы вместе должны вырабатывать. Если в стране 15 лет после 1991 года ни разу не упоминалась совесть, чего же вы хотите? Но оптимизм есть, очень много правильных и разумных акцентов расставляется. Я согласна, что многое зависит от того, что напишут наши СМИ, какие книги предложат в наших библиотеках, какие газеты, какие журналы там будут на первом плане. Каждый из нас по многу раз делает серьезный выбор. И сумма наших выборов — это качество нашей жизни.

Я хочу передать слово своей коллеге из «Московского комсомольца» Марине Алексеевне Лемуткиной.

М. А. Лемуткина

Вы знаете, вообще-то в отличие от большинства здесь собравшихся я не специалист в области чтения, а «смежник». Я занимаюсь проблемами образования. Поэтому мне бы хоте-

лось поговорить о молодом читателе. Мне кажется, несправедливы те, кто говорят, что молодые люди не читают. Они читают, причем много, может быть, даже не меньше, чем наше поколение. Но они читают принципиально по-другому. Скажем, прочитать несколько сотен отдельных страниц в Интернете они могут. Связное художественное произведение того же объема — уже нет. Это то самое фрагментарное, клиповое мышление, о котором здесь говорили. Почему это происходит? Наверное, в каком-то смысле это объективный процесс, потому что Интернет многое поменял, в частности технику и технологию чтения. Но, к сожалению, в России, с моей точки зрения, к этому объективному фактору добавился еще один, рукотворный. Это падение качества нашего образования. Дети не умеют писать, дети не умеют читать так, как надо. Почему это происходит? Мы знаем, что в 90-е годы и средняя, и высшая школа существовали на голодном пайке, что породило кучу проблем. Молодые, талантливые, перспективные учителя — не все, конечно, но подавляющее большинство — из школы убежали. И остались люди пенсионного, предпенсионного возраста, которые не успевали в ногу со временем, над которыми школьники посмеивались. Учителя и классные руководители не только не могли поддержать диалог со своими учениками о том, что происходит во Всемирной паутине, но даже не знали, что такое компьютер, как он включается и т.д. Конечно, потом появились молодые специалисты, но, к сожалению, наше педагогическое образование тоже пришло в упадок примерно в это же время, и учитель — новый учитель — проходил двойной негативный отбор. Сначала в педвузы шли те, кто никуда больше не мог поступить, а потом из закончивших в школу шли те, кто не мог устроиться ни в какое другое место. Все это вместе и привело к результату, который нам всем очень не нравится. Сейчас положение меняется, но это только самое начало позитивных сдвигов.

И еще одно нововведение из области нашей системы образования — это единый государственный экзамен. Он чуть ли не последний гвоздь забил в гроб чтения, во всяком случае, чтения школьного. Учителя открыто говорят: «Наша задача —

подготовить детей к сдаче единых госэкзаменов, прежде всего по русскому языку». Литература сейчас – необязательный предмет. Ходят разговоры, что в следующем году она, возможно, станет обязательной, но это ничего не изменит, потому что то, к чему детей готовят ввиду ЕГЭ, не имеет ничего общего с изучением литературы и с чтением. Их учат отвечать на вопросы второстепенные, неважные. Классический пример (он, правда, ушел из последней версии КИМов – контрольно-измерительных материалов – по литературе): «Анна Каренина», в частности, была представлена вопросом: «Как звали лошадь Вронского?» И вот если ребенок знает, что ее Фру-Фру зовут, очень хорошо: «Садись, пять». Если нет – все.

Я. Б. Юферова

Классический вопрос: «Три самые знаменитые лошади в истории литературы».

М. А. Лемуткина

Ну а в результате мы имеем то, что имеем. Мне кажется, для того чтобы дети читали, их нужно как минимум научить читать, а желательно еще и научить писать. А это вопрос, собственно, к системе образования.

Я. Б. Юферова

Спасибо большое, Марина Алексеевна. Мы тут увлеклись с Иосифом Михайловичем, сразу вспомнили трех самых знаменитых лошадей, экзамен сдали друг другу.

Я хочу вас полностью поддержать. Ведь именно вы опубликовали эту сенсационную заметку о том, как написали первокурсники диктант в МГУ. Мы набрали в вузы людей, казалось бы, очень качественных, стобалльников. И многие вузы

провели испытание: на что годятся эти самые «балльники». Самая неприличная история произошла на нашем родном факультете журналистики. Был дан установочный диктант (очень хороший текст, я его почитала), рекорд составил, если не ошибаюсь, 228 ошибок. «Поциент», «рыцца» и все остальное. Но я с гордостью познакомилась с мальчиком, который сделал только одну ошибку в этом диктанте. Он из Краснодара, его зовут Виктор Смеюха.

Итак, проблема очень точная и очень важная. Месяц назад по инициативе Натальи Дмитриевны Солженицыной в «Российской газете» мы собирали группу экспертов, среди которых были и Евгений Ямбург, очень известный директор Образовательного центра, и Валентин Семенович Непомнящий, и Людмила Ивановна Сараскина. Когда в августе у нас был поминальный годовой обед, говорили о том, что у Александра Исаевича была одна мысль: человека и патриота нельзя воспитать без двух вещей — без литературы и истории. За последние 20 лет гуманитарное пространство сузилось, количество часов литературы уменьшилось с 400 до 200. Ямбург привел поразительный пример (я его даже из стенограммы убрала, когда печатали): на оккупированных территориях Советского Союза была немецкая школа, вот в программе, по которой там учились, были ровно эти 200 часов по литературе, по гуманитарным предметам.

Проблему не решить, пока мы не вернем качественную литературу в школу, пока не будет промежуточного контрольного сочинения хотя бы по итогам 10 класса. Есть и много противников этого (мы уже знаем, что такое школьное сочинение: «образ Татьяны влюбился в образ Онегина»), но эссе на творческую тему показывает, думающий человек или нет. Если мы не научим в школе читать, потом уже будет поздно. Нам нужен, конечно, «качественный» человек. Понятно, что предпочтет взрослый человек, выбирая, условно говоря, между диетой Аллы Пугачевой и статьей Солженицына «Как нам обустроить Россию». Но если хотя бы 1% не будет читать, как нам обустроить Россию, то и с диетами в этой стране будут большие трудности.

Я считаю, что на нашей панели собрались очень приличные люди, мне очень нравятся современные ораторы, и я хочу пригласить вас к продолжению диалога. Во-первых, мы с Мариной можем ответить за всю прессу, во-вторых, возможно, вам захочется что-то сказать и развить тему.

Пожалуйста.

Б. Г. Дворкин

Я могу озвучить один из рецептов того, как научить человека читать. В свое время по просьбе Пушкинской библиотеки я брал интервью у Войновича, и он рассказал, что у него было трудное детство, он жил в маленькой деревне, где делать было нечего. Единственное, что он мог, — зажечь свечку и читать книжку. Так он научился читать. И в конце интервью он сказал: «Надо просто всех посадить в тюрьму, и тогда все научатся читать».

Сегодня здесь говорили о СМИ. Кино — это, конечно, не СМИ, но в силу того, что оно уже давно перестало требовать больших экранов, сложной аппаратуры, его можно смотреть на ноутбуке, кино тоже может помогать в этой важной работе. Опыт есть. Например, с той же Пушкинской библиотекой мы сделали небольшой фильм для детей — «Как создается книга». Сегодня говорилось: как только проходит какой-то сериал по телевидению, люди идут в библиотеку. Говорилось и о том, что нужно находить инновационные формы работы. Ну, вот они мы, мы готовы с вами работать, делать для вас фильмы. И совсем необязательно это должны быть фильмы художественные, это могут быть образовательные программы, популяризаторские. Приглашайте нас тоже. Мы готовы к сотрудничеству.

Я. Б. Юферова

Спасибо большое, Борис, за предложение. Евгений Иванович, какие указания нам?

Е. И. Кузьмин

Да нет, не указания. Понимаете, я все время думаю: такое большое количество умных людей делают такие хорошие вещи, и ведь все больше делается везде, мы видим, что проектов больше, география расширяется, больше народа вовлекается, а ситуация ухудшается по всем показателям — это доказывают социологические исследования. Почему? Либо мы делаем мало и не соответствуем степени «шторма», который разрастается, либо мы делаем не то. Все говорят, что детей надо в школе приучать к чтению. Кто будет детей приучать к правильному чтению, к русскому языку, чтобы они понимали, что написано, и не писали сами, что образ Онегина влюбился в образ Татьяны? Это могут сделать только взрослые.

Ситуация такова, что у нас взрослое работающее население — самая проблемная группа, как учила нас Валерия Дмитриевна Стельмах, как учили социологи. Взрослое работающее население своими действиями (верными или неверными) или своим бездействием определяет, как будут жить молодые, как будет устроена жизнь стариков, куда пойдет наша страна — направо, налево, голову потеряет или коня на скаку остановит. СМИ — главная сила.

В Англии пытались продвигать чтение через библиотеки. Выяснилось, что библиотекари продвигать чтение не умеют. Их учат каталогизации, обработке, общению с читателями в зале. Продвижению чтения в экстремальных условиях — не учат. Нет программ, не те люди идут на библиотечные факультеты — спокойные, не очень большого общественного темперамента. И англичане поняли, что надо через СМИ делать промывку мозгов. Чьих мозгов? Правительства, управленцев, не только простого населения.

Первое — популяризация страшной проблемы. Второе — популяризация Программы. Да, проблема ужасающая, от ее решения или не-решения зависят и экономика, и внешняя и внутренняя политика. Наши неудачи в этих сферах опреде-

ляются состоянием наших «коллективных» мозгов — из них формируются наши управленцы, наши учителя, журналисты, все остальные. СМИ должны популяризировать и пропагандировать идею: в стране сложилась катастрофическая ситуация, которой не видят даже образованные люди (про необразованных и говорить нечего). Образованные люди у нас считают, что все нормально, поскольку Интернет появился, молодежь читает. То есть образованные люди руководствуются своими бытовыми представлениями. Но ведь когда возникают проблемы со здоровьем, вы же не руководствуетесь бытовым опытом, вы идете к хорошему врачу и следуете его рекомендациям. Вот у нас есть Национальная программа, которая основана на социологических исследованиях. Поставлен страшный диагноз, зафиксированы страшные цифры. Прошло 2 года — что новое социологическое исследование показывает? Что состояние больного ухудшается.

Я. Б. Юферова

Евгений Иванович, вы пугаете больше, чем свиным гриппом.

Е. И. Кузьмин

Ядвига, грипп придуман. Аптеки делают прибыли. У нас ситуация другая.

СМИ, во-первых, не показывают объема, характера, масштаба и многоаспектности проблемы. Во-вторых, они не показывают, что есть Программа, в которой написано, как надо действовать.

Я. Б. Юферова

Евгений Иванович, это не задача СМИ.

Е. И. Кузьмин

Задача СМИ не популяризировать Программу, а продемонстрировать: есть рецепты, дайте профессионалам чуть-чуть денег, пусть они что-то делают. Но какова роль СМИ в решении проблемы? Об этом СМИ должны задумываться на своих профессиональных круглых столах. Вот мы вас пригласили.

Я. Б. Юферова

Мы вас тоже пригласим, Евгений Иванович. Проблема очень серьезная, очень важная.

Я вижу, что Борис Натанович Пастернак просит слова. Он не только когда-то делал замечательный журнал «Парус» (подростками никто не занимался, а он их научил читать лучше всех в СССР), он руководит издательством, которое выпускает полные собрания сочинений Солженицына, Сахарова, Алексиевич. Как работают с вами СМИ?

Б. Н. Пастернак

Спасибо за рекламу, Ядвига Брониславовна.

Вы знаете, я уже который год, принимая участие во всех книжных ярмарках в стране, мечтаю, чтобы Московскую книжную ярмарку открыли президент или премьер-министр. Чтобы они не только на футбол ходили. Разве это несбыточная мечта, я не могу понять? В Париже ведь Книжный салон, на котором Россия была главным гостем, открывал президент, в присутствии второго президента, нашего.

Я. Б. Юферова

Блестящая идея.

Б. Н. Пастернак

Просто мне очень близка мысль Иосифа Михайловича о том, что, вообще говоря, в первую очередь должны задаваться жизненные стратегии, а уж они потом диктуют, что читать. Так вот, жизненная стратегия задается примером элит, первых лиц — они в элиты входят. Но это частное замечание.

Мысль вторая. Я ее сформулирую, почти как Ленин: из всех средств массовой информации для меня как для издателя сегодня важнейшим является «сарафанное радио». Объясню на конкретном примере. Вот уже третий год подряд в Красноярске проходит региональная книжная ярмарка, которую проводит Фонд Прохорова. В прошлом году вдруг нам как издательству-экспоненту заказали привезти туда 30 экземпляров книги Норы Галь «Слово живое и мертвое». Замечательная книга, мы ее не раз уже издавали, она очень неплохо продается по стране. Почему 30 экземпляров, кому они понадобились? Мы продали все 30 в первый же день. Выясняется, что хороший преподаватель Школы культурной журналистики, Дина Годер, сказала своим студентам: «Если вы хотите работать со словом, чтобы не выглядеть болванами, вам нужно эту книгу прочесть обязательно. А после этого будем разговаривать». Они все ее купили. На следующий год (я думал, мы их всех уже обеспечили Норой Галь) просят еще 50. В чем дело? Оказывается другой хороший преподаватель с филфака Красноярского университета сказал своим студентам: «Что вы читаете? У вас ужас какой-то на столах. Вы посмотрите, что читают ваши продвинутые коллеги из Школы культурной журналистики». Мы привезли 50 экземпляров и тоже продали в первый день. У меня заказ еще на 30, которые мы «недодали» в этом году. И я думаю, что такой «маршрут» продвижения идеален для любой книги, не только для культурной.

Что касается СМИ. Как устроен правильный медиа-холдинг во всем мире? В центре большая газета как культурное ядро, а вокруг нее уже крутятся телеканалы, сайты, книжные издательства, разнокалиберные журналы для разных возрастов. Но смыслообразующим центром является, конечно, большая газе-

та с серьезным отделом культуры (в нашем случае), который занимается именно выработкой смыслов — они потом тиражируются в том или ином виде повсюду. У нас эта модель пока не работает. У нас есть замечательные критики — уже упомянутый Павел Басинский или Андрей Немзер во «Времени новостей», из более молодых — Вадим Нестеров в «Газете.ру». Я могу многих еще перечислять. Но до тех пор, пока их замечательный текст высокого качества не попадает в блоги, на сайты, не доходит до каждого компьютера — это промах, по большому счету. Мы сейчас заинтересованы в том, чтобы, когда у нас выходит хорошая рецензия, срочно дать ее на сайт, срочно пустить на отклики по максимуму возможных маршрутов. Меняется функция средств массовой информации. Очень важно, как поменялась на наших глазах функция толстого журнала, например. Если раньше он лишь доносил до нас новые произведения, то сейчас это, по сути, журнал экспертных сообществ. Те 3–5 тысяч человек, которые читают сегодня толстые журналы, создают общественное мнение, потом выходит книжка и с помощью общественного мнения доходит до читателя. Поэтому страшно жаль будет, если такие журналы пропадут.

Итак, СМИ по-прежнему влияют на чтение, и очень сильно. Просто их слово доходит до читателя другими маршрутами. То, что они нам нужны, даже не обсуждается. Ни в каком случае нельзя снижать уровень, планку рецензирования. Это тоже не обсуждается. Мы, к сожалению, спокойно относимся к тому, что вместо рецензии нам все чаще предлагают аннотацию с пересказом сюжета. Это тоже нужное дело, но его недостаточно. Еще хуже, когда это рекламная аннотация, оплаченная. Я однажды смеху ради взял несколько книжек, выписал эпитеты из аннотаций. У меня просто голова кругом идет: «восхитительно», «сенсационно», «непередаваемо». Вот эта «инфляция дефиниций», вообще говоря, для книги, для воспитания вкуса трагична. Спасибо.

Я. Б. Юферова

Борис Натанович, спасибо огромное.

Представляете, какая у нас панель. Все просят и просят слова. Сейчас хочет выступить совершенно очаровательная женщина — Надежда Ивановна Михайлова, генеральный директор сети магазинов «Московский дом книги».

Н. И. Михайлова

Я прошу прощения за то, что не смогу быть на следующей панели, и хочу сказать буквально несколько слов. Наверное, вы сами и ответили на вопрос, почему у нас такое плохое положение. Мы первых лиц не видим на наших выставках, и мэр у нас такие мероприятия не открывает.

Должна сказать, что мы достаточно много всего делаем, чтобы продвигать идею книги и чтения в рамках нашего предприятия. Но мы в основном делаем это для тех, кто приходит в наши книжные магазины — хорошо это или плохо. У нас есть целая программа работы со СМИ, но честно могу сказать, что получается очень плохо, потому что везде надо много платить. Мы организуем круглый стол, встречаемся с детьми, проводим акцию для детей-инвалидов, а рассказать об этом никому не можем. Иосиф Михайлович говорил об основных блоках, которые создаются СМИ. К сожалению, они все на это ориентированы. Мы связывались и с Первым каналом, и с другими телевизионными каналами (тем более, что эти люди являются нашими покупателями). Четыре утренние программы есть, все говорят очень много об одной и той же ерунде: о шаманах, о грабителях — причем вытаскивают их откуда-то из регионов. Обмен этой информацией идет. А о том хорошем, что делается в наших библиотеках, в наших магазинах, о том, как ребенка воспитать? Несущих что-то положительное информационных блоков практически нет. Почему? Потому что информацию о грабежах дать дешевле и проще. А хорошее искать надо, тут уже дополнительные средства требуются. И получается, что очень многое из того, что мы делаем, мы делаем для себя. Мы среди школьников проводили анкетирование — спрашивали, откуда они узнают о книгах. К со-

жалению, ни один ребенок не сказал: «Из школы». Ни один! Причем мы брали благополучную школу, благополучный класс, не тех детей, которые не могут книгу купить или сходить в библиотеку. Вот такое положение складывается.

В сети наших магазинов создан отдел, который работает со школами. В преддверие Года учителя мы проводили акцию — подарили школам 10 000 дисконтных карт. Причем у нас же сейчас в Москве такая программа, что в любом книжном магазине можно пользоваться любой дисконтной картой, включая даже региональные. И вот о таких начинаниях никто не знает.

Я не знаю, чем еще СМИ мотивировать. И про детей говорим, и про потенциал нации. Про что только не говорим. Но когда спрашивают нас: «А какие рейтинги?», вот здесь всегда слушаю и не скажу, кто на первом месте. Упоминали уже сегодня о тех лицах, которые мелькают на экранах. Вот их книги — везде, они на слуху. И люди, когда приходят, покупают эти книжки. Эти рейтинги нам точно не нужны.

Существует у нас Национальная программа поддержки чтения. Однако хотелось бы, чтобы средства массовой информации создали все-таки блок поддержки книги и чтения. Сюда и издательства войдут, и книготорговля, и библиотеки, и система образования. По поводу влияния СМИ приведу один пример. Когда один из первых лиц процитировал Хайяма, в следующие пару дней ни одной книжки Хайяма на полках не осталось.

Я. Б. Юферова

А Махатма Ганди? А Ключевский — аудиокнижки?

Н. И. Михайлова

Понимаете, когда первые лица обращаются к книге и говорят об этом с высоких трибун, возникает обратная реакция. Может быть, нам надо как-то активнее их зазывать.

Я. Б. Юферова

Надежда Ивановна, я знаю территорию и государство, где первое лицо может очень многое. Это семья. И первое лицо в семье все равно выше президента, важнее правительства. С этой территории начинается очень многое.

У вас был такой пламенный вопрос к СМИ. В России в Министерстве юстиции зарегистрировано около 300 000 некоммерческих организаций. Вот мой типичный диалог с человеком, который видит во мне очень негативного продажного журналиста, практически чиновника.

— Здравствуйте, мы сегодня в Библиотеке, скажем, № 37 проводим акцию — собираем книги, деньги для помощи читателям — чернобыльским детям. «Российская газета» будет присутствовать? Кто от вас придет?

— Никого не будет.

— Почему? Вы делаете антигосударственное заявление, вы черствый человек. Как вы смеете не прийти!

— Не приду. По той простой причине, что в России действует, допустим, 42 фонда помощи чернобыльским детям. Руководители трех из них находятся под следствием. И практически нет возможности осветить работу каждого из фондов.

Понимаете, не надо делать благотворительность ради благотворительности. Не надо рассчитывать: «Я сегодня сделаю что-то на 3 копейки, а завтра про меня на 10 копеек напишут в российских СМИ».

То, о чем вы говорите, очень серьезно и важно: книга стала товаром. Это огромный рынок, после оружейного, после нефтяного. И Борис Натанович знает это лучше многих других. Он говорил об эпитетах. Мне кажется, что в издательстве «Время» тоже нормально с эпитетами на некоторых обложках.

Как выстроить, как сохранить в этой системе качественную литературу, качественную критику, качественного человека — очень серьезный вопрос нашей жизни.

Есть еще желающие? Какое счастье! Пожалуйста.

М. А. Невзорова

Я из Самарской областной государственной библиотеки. В продолжение выступления предыдущего оратора хочу отметить, что библиотеки действительно проводят очень много мероприятий, в частности по продвижению чтения. Это мероприятия разных форматов, разной тематики. Мы приглашаем средства массовой информации. Из них 80% к нам просто не приходят, 20% приходят, но что мы после этого видим в газетах, на радио, на телевидении? Не буду касаться уровня отражения реальности, потому что там очень многое перевирается, но когда мы пытаемся СМИ сказать: «Почему вы про нас не пишете?», нам отвечают: «А ваши мероприятия скучные, они не новостные». Ладно. Может, мы действительно что-то не так делаем. Но скажите, что и как должны делать библиотеки, чтобы это было интересно, чтобы это был «формат», чтобы это было нескучно для средств массовой информации. Иногда даже интересные вещи пишут настолько казенным языком, что действительно, прочитав, я в жизни не пойду в эту библиотеку.

Я. Б. Юферова

Как должна библиотека провести конкурс для дошкольного возраста «Путешествие в сказку», чтобы об этом написала федеральная пресса?

М. А. Лемуткина

Ну, например, здесь рассказывали о креативной идее ребят, которые взялись распечатывать хорошие, качественные стихи и распространять их в пабах, на лестницах и т.д. Вот об этом хо-

чется написать. Понимаете, Вы говорите: «Неинтересно средствам массовой информации». Это неправильно. У средств массовой информации нет своего интереса. Это интересно или неинтересно читателю. Если это какое-то отчетное мероприятие, «Угадайка», которая проводится из года в год, то читатель, конечно, не будет из года в год об этом читать, а пресса, соответственно, не будет писать. Давайте нам креатив — и мы напишем.

О. К. Громова

Нельзя сказать, что я представляю СМИ в чистом виде, потому что газета «Библиотека в школе» — это профессиональное методическое средство информации, что сильно отличается от роли других СМИ. Но рассказать хочу об опыте чисто массовых СМИ, который я наблюдала, к сожалению, не в нашей стране. Меня в последнее время часто упрекают на семинарах в том, что, если я упоминаю о каких-то хороших примерах, они все оказываются из-за границы. Ну что делать, не попадается мне пока в нашей стране такой опыт в этой области, о котором хотелось бы рассказать.

Итак. Приезжаю я в славный город Торонто. Мало того, что в городской библиотеке на всех застекленных витринах, которые на улицу смотрят, фотографии первых лиц (начиная от генерал-губернатора Канады) и рядом сменный листок с вопросом «Что вы сейчас читаете?» Вот не лень же им регулярно задавать этот вопрос и публиковать ответы... Но, открывая городскую газету или журнал, раздаваемый на улице, даже я, со своим неважным английским, понимаю, что там в любом интервью с любым значимым лицом вопрос «Что вы сейчас читаете?» стоит не на последнем месте.

Не мне вам, профессионалам, объяснять, что это простейшие технологии. Ну почему же у нас их нет? Почему я в наших газетах этого не вижу, в том числе в «Российской»? Однажды перед семинаром, на котором мне надо было об этом опыте рассказать, я не поленилась (думаю, вдруг и правда я слиш-

ком мало читаю наши СМИ и не вижу того, что есть), купила последние выпуски журналов, которые читают все, и стала читать все подряд интервью со звездами. Я имела терпение прочитать 12 или 15 глянцевого журналов, отыскивая в них такие интервью. В одном я нашла вопрос про любимых писателей. Понятно, что звезда отговорилась Пушкиным. Может, это действительно ее любимый писатель, но больше имен не прозвучало. И вопроса «Что вы сейчас читаете?» тоже не прозвучало. Так, может, и не надо больше велосипедов изобретать? Может, стоит просто со страниц периодики и с экрана закладывать в голову людям простую мысль: если первые лица — экрана, государства, футбольной команды — знают, что такое книга и сами что-то читают, то так и надо делать? У меня, например, нет твердой уверенности, что Дэвид Бэкхем — величайший читатель Великобритании. Но в не самых благополучных городах этой страны именно он был главной звездой, пропагандирующей книгу. Его портретами с книгами в руках была оклеена вся Англия. Не знаю, насколько он великий читатель, но ведь сработало.

Это все, что я хотела сказать. Спасибо.

Я. Б. Юферова

Очень хорошо, браво.

Я обещала предоставить слово последнему ряду. Мы злоупотребляем временем, так что давайте ограничим выступление до трех минут.

И. В. Усачева

Позвольте мне предложить три конкретных конструктивных проекта, которые могли бы начаться у нас, в частности, в рамках взаимодействия со СМИ. Первый проект — «Чтение в поисках смысла жизни». Этот проект может быть подкреплен определенными издательскими планами, исследованиями.

Второй проект посвящен роли семьи в формировании читающего ребенка. Прежде всего в СМИ — и печатных, и телевизионных — можно давать грамотные ненавязчивые методики передачи опыта от поколения к поколению. Только так устанавливается диалог на уровне общечеловеческих ценностей между родителями и детьми — что-то передается от старшего поколения младшему. Разработка методики семейного чтения тоже может реализовываться как в печатных СМИ, так и на телевидении.

И, наконец, третий проект касается культурно-исторической ситуации именно в России. В 50-е гг. из образовательной системы нашей страны был изъят курс логики, а еще раньше — курс риторики. Мы не можем изменить достаточно консервативную систему образования и Министерство образования — туда стучаться на данном этапе бессмысленно. Но в рамках СМИ такие курсы мы можем затеять.

В январе на конференции в МГУ мы эти вопросы будем обсуждать и приглашаем всех к сотрудничеству. Спасибо.

Я. Б. Юферова

Я думаю, что мы хорошо поработали. В заключение хочу сказать пару слов. В сентябре мы приглашали в редакцию «Российской газеты» учителей русского языка из Грузии. Быть учителем — вообще подвиг, учителем языка — подвиг двойной. А преподавать русский язык в Грузии после этого конфликта вообще невероятно.

Одна учительница рассказывала, что она приходит 1 сентября в грузинский класс. Она прекрасный педагог, с учениками чудесные отношения. Что могут ей сказать дети? Она заходит, и они хором говорят: «Очень здравствуйте!» И я вместо «До свидания» с поклоном каждому из вас за ваши труды говорю: «Очень здравствуйте».

Тематическая дискуссия **«Книгоиздание и книжная торговля:** **влияние на круг чтения»**

А. Ф. Гаврилов

С традиционным московским 15-минутным опозданием мы начинаем работу нашей тематической панели. Хотя заявленная тема — «Книгоиздание и книжная торговля: влияние на круг чтения», представители книготорговли вполне предсказуемо не нашли времени в ней поучаствовать. К сожалению, с нами не будет Надежды Ивановны Михайловой, а мне кажется, что стоило бы.

Понятно, что у нашей темы есть, как минимум, 2 ракурса, которые важно обсуждать и понимать. Один — это сегодняшнее, сиюминутное присутствие издателей и книготорговцев: влияние на круг чтение. Другой — некая стратегия, философия этого вопроса: какое место вообще может или должен занимать книготорговец и книгоиздатель в формировании круга чтения. Мне кажется, что участники нашей тематической панели, как раз умеют говорить и про теорию и про практику. Я очень надеюсь, что мы примерно за 45 минут закончим дозволенные речи, еще минут за 15 отведем на реплики из зала и ответы с места, после чего в 16.30 попробуем перейти к свободной дискуссии и подведению итогов. Мне кажется, что изначальный тон должна задать Ольга Константиновна Громова, главный редактор газеты «Библиотека в школе», как человек, менее всего включенный внутрь книгоиздания и книжной торговли и потому способный посмотреть на них со стороны.

О. К. Громова

Спасибо. Собственно, именно этим я занимаюсь по роду деятельности — понятно, что газета «Библиотека в школе» обязана некоторым образом отслеживать состояние книжно-

го рынка или хотя бы то на издательском поле, что касается детей, детской литературы и т.д. Я сейчас не собираюсь касаться учебного книгоиздания, потому что эта сфера требует отдельного обсуждения, во-первых, в силу величины сегмента, во-вторых, в силу специфики. И, на мой взгляд, вот уж что в наименьшей степени оказывает влияние на чтение (да простят меня издатели учебников), так это учебное книгоиздание, особенно на уровне средней школы. Если оно какое-то влияние и оказывает, то точно отрицательное.

А. Ф. Гаврилов

Почему отрицательное?

О. К. Громова

Во-первых, в силу особенностей языка большинства наших учебников: иной раз и взрослый человек, открыв школьный учебник, не сразу понимает, о чем, собственно, речь. Не говоря уже о том, чтобы сразу понять, чего в этой связи от читающего хотят. Недавно открыла один из последних учебников по истории, и у меня возник этот вопрос: чего же от меня хотят? Ну, я прочла параграф. Допустим, ответила на вопросы, хотя это тоже не очевидно — они так сформулированы, что возникает вопрос: а что его авторы имели в виду? Далее следовали приложения. Как бы авторы учебника ни уверяли в методичке, что стараются прививать детям способность самостоятельно мыслить, а посему дают после параграфа приложения разного рода — подлинные документы, выдержки, отражающие разные точки зрения, на самом деле точка зрения, на мой взгляд, отражалась одна, определенная. И мне как ученику предлагалось усвоить эту единственную точку зрения раз и навсегда и забыть о существовании противоположных. Именно поэтому я не хочу дальше говорить о школьном книгоиздании, а буду говорить об общем книжном рынке за пределами обязательной школьной программы.

Именно проблемы книгоиздания и книжной торговли создают нам в некоторой степени проблемы с чтением. Я не хочу сказать, что эти проблемы создают только книгоиздатели и книготорговцы. Не бывает так, чтобы виноват был кто-то один. Но и книжная торговля, и книгоиздание совершенно точно влияют на чтение. Первый показатель этого влияния — покупка книг (об этом уже говорилось вскользь в ходе одной из предыдущих дискуссий): потребитель — за исключением больших городов — очень часто вынужден покупать, что дают. И то, что он покупает, — это на самом деле вовсе не обязательно его свободный выбор. Это выбор из того, что есть, а может быть, вовсе не то, что он хотел бы прочитать на самом деле. Иногда то, что он хотел бы, — есть, но покупательная способность не позволяет ему приобрести желаемое. Иногда это зависит от того, что крупные книготорговые сети не доходят до провинции или доходят с тем, что данному конкретному лоточнику кажется правильным — хорошим или продаваемым. Чаще всего они задаются именно вопросом: «Продаваемо или нет?», что с точки зрения коммерции вполне логично, но представления об этом «плохо — хорошо», «продаваемо — не продаваемо» меня тоже иногда удивляют.

Вторая сторона. Последнее время, занимаясь анализом издания детской литературы, я стала замечать интересную вещь. У нас рынок изданий детской литературы по форме, по формату стал делиться на две неравные, но одинаково неудобные части: дешевые книжки на неважной бумаге, которые, дай бог, дотягивают до СанПиНов (если говорить о детской литературе), и хорошие дорогие, крупные, тяжелые издания. Самый последний «ужастик», который я видела и которым укомплектовано большинство московских школьных и даже детских библиотек, — это огромный сборник сказок весом 2,9 кг. Это не шутка, это факт. Я не знаю, что будет, если эта книжка упадет ребенку на голову с полки, я не понимаю, как эту книжку можно поставить на выставку. К сожалению, ею, видимо, укомплектованы не только спортивные школы. И, если это подарочное издание, я не понимаю, почему оно не продается вместе с пюпитром, на котором его надо держать.

А. Ф. Гаврилов

Мы сейчас предоставим слово Льву Елину. Возможно, он немного заступится за издателей.

Л. Н. Елин

А я не заступиться хочу, а присоединиться к критике.

Дело в том, что описанные книжки мы называем «кирпичами». Издавать это невозможно, читать тоже. Маленький ребенок такое в руках держать не будет, то есть самостоятельное чтение исключается. Но в конце 90-х годов появилась страшная мода: все книжные магазины, распространители, лоточники — все хотели «кирпичи». Десятки издательств выпустили серии — «золотые», «изумрудные», «серебряные» книги сказок. Каюсь, пять таких книг и я выпустил — улетели тут же. Но это в данном случае был крик масс. Читатели захотели иметь такое. Они, скорее всего, украшали такими книжками свои библиотеки. Тиражи были фантастические — 50, 70, 100 тысяч. И удержаться от соблазна в таком случае сложно.

О. К. Громова

Я понимаю, что удержаться сложно. Пусть бы издавали на здоровье, если бы была альтернатива. Детские библиотекари образовательных учреждений хорошо знают, что такое коллективка. Это маленькие тоненькие книжечки, которые можно выдать всему классу сразу.

А. Ф. Гаврилов

А почему «коллективка»?

О. К. Громова

А потому что подразумевает одновременное чтение всем классом, например, в рамках программы или внеклассного чтения. Это профессиональный жаргон. Так вот, достать эти самые коллективки, то есть купить новые в библиотеку, физически невозможно. Их нет. Рассказов Сладкова (так чтобы было 2 рассказа в книжке, а не 22), рассказов Бианки (3, а не весь Бианки сразу), не «Все про Муми-троллей», а «Шляпу волшебника» отдельно, но в переплете, чтоб не разваливалась, — не достать. И библиотеки вынуждены покупать то, что дают.

А. Ф. Гаврилов

Мне кажется, что сейчас за этим столом возникла очень интересная и иллюстрирующая одну из основных проблем коллизия. Издатель рассказал, каким образом он откликается на зов рынка и как рынок потребляет эти «кирпичи» с безумной силой и прибылью для издателя. А наблюдатель библиотечного сообщества рассказал, какая острая потребность есть у библиотеки. Но до издателя, естественно, эта потребность не доходит даже в виде формулировок, а уж в виде торгового заказа и подавно.

О. К. Громова

Это только один из аспектов проблем, которые библиотекам создает книгоиздание, и пример его влияния. Но есть еще одна интересная проблема. Я ее для себя вычленила, когда однажды за границей, попав в книжный магазин, увидела 3 разных издания одного и того же романа, выпущенных одним издателем в одно и то же время. Одно — поклет-бук с мелким шрифтом на газетной бумаге (сунул в карман, прочитал и не жалко, если где-нибудь забыл). Другое — на приличной бума-

ге, в переплете, шитое — книга для библиотеки. И третье — для плоховидящих, на белой, но очень легкой бумаге, с крупными буквами. И вот эта последняя группа — еще один сегмент читателей, который мы теряем, потому что издаются книги, которые им физически не по силам — в одних ничего не видно, другие в руках не удержать. Оказывается, эту проблему можно решить силами одного издательства, которое знает, что работает на разных читателей и выпускает одну и ту же книжку в трех-четырёх вариантах.

Спасибо.

А. Ф. Гаврилов

Теперь я хочу предоставить слово Олегу Леонидовичу Кузнецову.

Олег Леонидович, как вам кажется, каковы главные функции книгоиздателя и книготорговца в отношении влияния на круг чтения?

О. Л. Кузнецов

Прежде всего я хотел бы сказать, что не имею отношения к книгоизданию. Я имею отношение к книгочитанию. Я представляю два довольно интересных научных, образовательных сообщества. Одно из них находится в городе Дубна — в советское время это был один из самых читающих городов. В Москве я живу на Ленинском проспекте, который был самым читающим проспектом благодаря студентам МГУ. В 80-х годах можно было услышать, о чем говорили ребята в битком набитом автобусе № 111. Если вы сейчас войдете в автобус этого маршрута, то услышите уже совсем другие разговоры и поймете, что научных серьезных книг студенты уже не читают.

Меня как профессора МГУ и профессора Университета «Дубна» очень интересуют проблемы научного книгоиздания.

С моей точки зрения, это сейчас коренной вопрос. Я несколько не оспариваю важность детского чтения, но и научные книги могут выпускаться для детей — если не для детсадовского возраста, то для школьного возраста наверняка.

В чем здесь проблема? Я отношу себя к поколению шестидесятников, которые в молодости читали очень много научных книг. И для этого была создана прекрасная основа — целая серия журналов, таких как «Квант», прекрасные серии книг, которые назывались «Квантовая механика — это очень просто» или «Теория элементарных частиц — это очень просто» и т.д. Через эти книги люди моего поколения становились физиками, технарями, которые делали Советский Союз инновационной державой — это первый уровень. А сегодня мы относимся к странам с сырьевой экономикой — к странам четвертого уровня. И одна из коренных причин — это то, что у молодежи почти полностью пропал интерес к серьезному чтению, к чтению научной литературы, к занятию сложными предметами. Тем не менее я вижу, что где-то 12% ребят среди моих студентов в МГУ и Дубне с удовольствием читали бы серьезную литературу, но написанную по современным разделам науки. Как минимум по нескольким разделам сейчас научных и научно-популярных книг почти нет. Первое направление — «science of life», то есть науки о жизни. Это интереснейшее направление знаний. Другое направление — это комплекс наук о сложности. В США существуют очень мощные институты, тысячи специалистов занимаются проблемами этих наук. Третье направление — это синергетика и теория самоорганизации сложных нелинейных систем. Есть еще одна очень интересная проблема, которой тоже занимается весь мир. Это стратегии устойчивого развития социоприродных систем — «sustainable development». Руководители 187 стран мира подписали соглашение, по которому каждая страна должна разработать свою стратегию устойчивого развития. Сюда входит комплекс проблем — экологические, энергетические, экономические и проблемы прав человека. Вся Европа фактически сейчас перестраивает мозги под эти направления науки, а у нас для молодежи нет ничего, расска-

зывающего в научно-популярной форме о данных направлениях. Я понимаю, что на этом, возможно, серьезного бизнеса сделать нельзя, но, если говорить о государственных интересах, об интересах нации, общества, то Россия может попросту уйти с этого пути развития и оказаться на обочине, если хотя бы 10–15% молодежи не начнут снова с увлечением читать серьезные книги.

Спасибо за внимание.

А. Ф. Гаврилов

Спасибо, Олег Леонидович.

Давайте вопросы к выступающим перенесем в конец, а сейчас я передаю слово Вячеславу Евгеньевичу Илюхину, заместителю председателя правления группы компаний «Инфра-М». «Инфра-М» занимается не только экономическими книгами, но и учебными, и научными. Так что можно развить заданную Олегом Леонидовичем тему.

В. Е. Илюхин

Я пришел в библиотечное пространство и в издательский бизнес из технического вуза, потом жизнь заставила закончить экономический.

Когда возник вопрос о чтении, мы как технари стали эту проблему изучать, используя морфологический анализ. Здесь объектом исследования является чтение. Кто занимается чтением? Человек. В нашем понимании чтение — это тот инструмент, за счет которого люди общаются между собой, обращаются к своему прошлому, заглядывают в будущее. Мы должны изучать этот процесс. Говорят: «Чтение надо поддерживать». Если это процесс, то его надо не поддерживать, а развивать. Как положено в морфологии, мы разбили его на составные части — «от рождения до тризны».

Человек родился, до 7 лет он в семье. Посмотрим, что влияет на ребенка, на его развитие, на то, будет он читать или нет. Хорошо бы у биологов узнать: может, любовь к чтению передается на генетическом уровне? А может, процесс чтения — как процесс любви: нравится человеку этим процессом заниматься, никто ему не мешает — каждый год рождаются дети. То же самое с чтением. Если мы будем способствовать тому, чтобы люди полюбили этот процесс, все будет хорошо. Но сегодня обществом не востребованы читающие люди — люди грамотные, развитые, культурные.

Кто сегодня нужен обществу? Какие специалисты? К чему нужно готовить? В свое время, когда я учился в вузе, — что мы читали? Студенты — учебники, а в свободное время — художественную литературу, которую доставали с трудом у друзей, подруг, соседей, а те — у своих друзей, подруг, соседей. Книги переходили из рук в руки. В библиотеках читатели устраивали запись на журналы. Такая была тяга к чтению! Почему? Ту информацию, которая была нужна в жизни, можно было найти в книгах — технических, научных, научно-популярных. Например, я пришел в научно-исследовательский институт совсем молодым и руководитель лаборатории мне поставил задачу: к концу года, за период с августа по декабрь, подать заявку на изобретение (а я не знаю, что это такое) и написать две статьи. Сказал и ушел. Я полгода все субботы и воскресенья проводил в библиотеках. Но я изобрел к декабрю и написал две статьи. И так мне понравился этот процесс, что у меня сегодня 50 изобретений и 367 научных статей. Вся моя жизнь зависела от того, насколько больше я прочитал нового, насколько я впереди. Тогда я использовал морфологический анализ для оценки сложных космических систем и получил какие-то результаты. Теперь мы этот анализ применили к чтению.

Наше издательство работает с учебной литературой для студентов техникумов, колледжей, вузов (преимущественно). Как издателям сделать так, чтобы у молодежи интерес к чтению появился и не пропал? Мы в издательствах холдинга «ИНФРА-М» долго над этим думали. Во-первых, надо прив-

лечь внимание к самой книге — это коммерческая задача, решение которой в то же время способствует развитию интереса к чтению. Здесь нет мелочей. Начинаем с оформления книжки. Ищем те цвета, рисунки, которые в данном возрасте привлекают внимание. Это очень непростая работа. Во-вторых, определяем качество бумаги, переплет, чтобы было приятно в руки взять. Но главное — внутреннее содержание. Кажется, написать учебник для техникума труднее, чем для высшего учебного заведения. Надо написать простым, доступным для 15–18-летних ребят языком. При этом студент должен быть уверен, что, выучив этот предмет, станет нужен тому предприятию, куда придет работать.

Для студентов высших учебных заведений учебники, конечно, имеют другой стиль, но они также должны быть интересными и полезными. Мы стараемся привлечь наиболее профессиональных преподавателей — профессоров, докторов наук. Содержание наших учебников на высоком уровне, и это — наша гордость. Мы не гонимся за количеством.

Известно, что было в США во время Великой депрессии в 1930-е гг. Те, кто потерял работу, бежали в книжные магазины, покупали учебники и переучивались. Искали, как себя применить на новых специальностях. В нашей стране в начале кризиса заявили: «Мы будем строить дороги». Мы даже учебную литературу выпустили по дорожному строительству, дорожной технике и т.п. Но никто ничего не строит. Думали, что спрос на деловую литературу увеличится в разы. Однако этого не произошло. И у библиотекарей, наверное, такую литературу тоже не спрашивают. Людям не рассказали о новых направлениях, где они будут востребованы. В рыночной экономике все регулируют рынок, рубль. Поэтому человек должен продавать свои навыки, свои знания, умения. Чем они у тебя выше, тем выше твоя цена.

Расскажу попутно о результатах небольшого социологического опроса, который мы провели среди студентов. Интересный момент: если курс заканчивается экзаменом, практически каждый студент покупает учебник по данному

предмету. Если курс заканчивается зачетом с оценкой, учебники приобретают 70% студентов, если просто зачетом, студенты учебники практически не покупают. Мы опросили отличников, хорошистов, троечников. Результат точно такой же.

Сегодня развивается платное образование, но, как ни парадоксально, коммерческие вузы учебников не покупают. Самое удивительное: вуз успешно проходит аккредитацию и при этом не имеет библиотеки. Лично я был в 10 вузах, разговаривал с ректорами, проректорами, предлагал учебную литературу. Но обычно доцент читает лекции по собственному (авторскому) учебному пособию, созданному «на коленке» в этом вузе, объемом 10 печатных листов (160 страниц), стоимостью 1000 руб., и никто за пределами вуза о ней не знает.

Мы недавно обсуждали 94-й Федеральный закон: 40 бесед, 40 юристов – каждый Закон понял по-своему. Вот поэтому и мы, издатели, и библиотекари уже 2 года вынуждены мучиться, выкручиваться, кто как может, чтобы продать и купить книги.

В заключение скажу: до тех пор, пока в нашем обществе не станет модно быть умным, начитанным, ничего у нас с вами не получится.

Спасибо.

А. Ф. Гаврилов

Спасибо, Вячеслав Евгеньевич.

Получается, что вопрос об ответственности и влиянии книгоиздателя или книготорговца некоторым образом переносится на состояние общества. Покуда общество не станет умным, мы ему помочь не сможем.

Лев Елин, генеральный директор издательства «Эгмонт-Россия». Так можем мы прямо сейчас что-то сделать или нет?

Л. Н. Елин

Попробую высказаться тезисно. Насчет моды в обществе согласен полностью. В свое время меня поразили один факт: я ужинал с менеджером, который продавал в постперестроечный период джинсы «Levi's». А у нас тогда был бум — книги выходили по 100, 150, 200 тысяч наименований. А потом все пошло вниз. И мы выяснили, что кривая продаж книг в России совпадает с кривой продаж джинсов «Levi's». Это говорит о том, что существует фактор моды. Появилось — стали хватать, потом успокоились. Просто падение оказалось слишком резким, мне кажется. Про джинсы не знаю, но средние тиражи книг упали до неприличной отметки. «Инфра-М» говорит, что они думали над цветами, стилем, подачей книг. Совершенно естественно, это делают все издательства. Мы как детское издательство стараемся максимально этим заниматься, причем в нашем понимании создание моды — это слежение за тем, что востребовано в детской среде. К сожалению, в 8 случаях из 10 это будут черепашки-ниндзя, трансформеры и т.д. Но это то, что быстро приходит и уходит. У нас все больше стало появляться собственных брендов, за которые и надо цепляться руками и ногами при воспитании детей. Будь то Лунтик, будь то Смешарики — нужно использовать полностью их потенциал, чего у нас, увы, не происходит. У нас выходит сериал на телевидении, под него появляется 150 тысяч раскрасок. А вкладывать деньги в развитие?

Что делаем мы? Мы вступаем в процесс на этапе разработки концепции сериала на студии, и только с этим условием. Тогда к моменту, когда через год-полтора на телевидении появится продукт — те 26–50 серий, которые дают толчок, — у нас готовы уже образовательные, развивающие вещи. Ведь требуется время и на их создание, разработку, и на печать (к сожалению, чаще всего печатают в Китае, а это шестимесячный цикл).

Вот что мы пытаемся делать. Но это далеко не все. Издатели могут сказать, что очень часто их крик «Я сделал что-то хорошее!» уходит в пустоту. Я благодарен здесь присутствующим

щим, потому что часть из них, даже не зная того, поддержала меня с журналом «Юный эрудит». «Юный техник» тогда влачил жалкое существование, я вел с ними переговоры, но в итоге пришлось издавать свой журнал. Это было лет 7–8 назад, и тогда Лидия Жаркова разослала по моей просьбе письма по детским и юношеским библиотекам: «Посмотрите на этот журнал, он стоит того». Однако система распространения этот журнал не берет. Его берут 3–4 продвинутых московских супермаркета. Вот «Азбука вкуса» берет, говорит «У нас люди читают». А «Седьмой континент» и «Перекресток» не берут. Кто сможет помочь мне? У меня подписка – 16–17 тысяч из продаваемого тиража в 25 тысяч. Мне говорили, что 4–5 тысяч приходится на библиотеки, и они стабильно продолжают подписываться. Спасибо, этот тот случай, когда мы можем работать вместе, а мне этого достаточно, чтобы журнал был безубыточен.

Дальше. Мы сделали литературно-художественный журнал «Простоквашино», причем сделали его нулевым по прибыли – он стоит в рознице доллар. Опять же нужна помощь, потому что в нем не заинтересована система распространения, у них маржа слишком низкая на этом журнале. Они лучше на это место поставят коллекцию с подарком, которую по телевизору рекламируют, за 150 рублей. Зачем им журнал за 30? Все попытки подтолкнуть государственные учреждения, почту к продаже (при том, что они бы зарабатывали на этом) натолкнулись на абсолютное нежелание, неумение, децентрализованность системы и т.д.

Последнее, что я хочу сказать. Когда мы говорим о воспитании вкуса у детей, о привитии привычки к чтению, естественно, надо апеллировать к родителям. Именно вкусы родителей, к сожалению, определяют то, что они выберут. Попытки издать Маршака, Заходера лучше, чем это делалось 30–40 лет назад, приводят к тому, что звонит Венедиктов: «Это лучший Заходер, которого я видел!» А толку? 7 тысяч экземпляров продано. Дешевые издания с более дешевыми иллюстрациями продаются гораздо лучше. Может быть, шагом к росту чтения детей должно быть развитие детской журналь-

ной культуры? Это и финансово для родителей более доступно, и система распространения устроена лучше. Существует система подписки, которая опять же охватывает всю страну. И в этом небольшом формате — не тяжелом! — наполнив его тем же литературным содержанием, просто чуть короче, можно что-то делать. У меня 30 журналов, из них 25 — коммерческие (без этого сегодня не выжить). Но я легко могу открывать в год 1–2 таких журнала, которые были бы тематически правильно выстроены, — с вашей помощью, с помощью всего книжного сообщества. Здесь я вижу некий путь.

Спасибо.

А. Ф. Гаврилов

Спасибо большое. Я точно знаю, что у зала были вопросы. Предлагаю их задавать.

Е. В. Линдеман

Мы сейчас с вами обсуждали разные форматы книги, но все говорили о бумажном носителе. Продолжу тему того, чего хотят читатели в Интернете. Можно разделить читателей на 3 разных направления. Одни говорят, что будут читать книгу только в бумажном варианте, потому что сам запах книги, запах краски — это для них святое. Другие говорят: «Вы знаете, мы бы хотели сначала купить книгу в электронном виде, пролистать ее, просмотреть, а потом понять, хотим ли мы этот роман иметь дома. Если хотим, то мы ее купим в самом дорогом издании». Есть третий вариант — это может быть учебник или просто книжка-однодневка, когда читатель готов купить только электронный вариант. По соотношению этих групп могу сказать, что 20% — это те, кто хочет только электронные издания, порядка 40% любят только бумажную книгу. Насколько издательства готовы к тому, чтобы торговать именно электронными версиями книг?

В. Е. Илюхин

Я готов ответить на этот вопрос. Вы правильно назвали: не электронная книга, а книга на электронном носителе. Здесь опять вступают в силу государственные законы. Все написано в IV части Гражданского кодекса РФ. В США авторскую книгу (права принадлежат автору, он может их передать издательству, а может и не передавать) в электронном виде делают с разрешения автора или через 60 лет после написания книжки, или после смерти автора, если нет наследника авторского права. Периодические издания оцифровывают сразу – у них принято такое решение. Что в России? Появилась масса организаций, которые предлагают даже наши книги (у нас 4 тыс. наименований, на которые мы имеем исключительные права). Они их оцифровывают, вывешивают в Интернете, предлагают купить электронную версию, даже скачать ее в библиотеку. Господа библиотекари, будьте осторожны, потому что нам легче поймать вас за нарушение авторского права, нежели того, кто это непосредственно делает. Это достаточно большие, миллионные штрафы.

Сегодня мы выпускаем книги на электронных носителях, есть книги на чипах. Вопрос в том, как сохранить авторские права. У нас 250 учебников на электронном носителе. Пожалуйста, приобретайте. На сервере в электронном виде лежит 4120 книг. Мы готовы сегодня заключить договор с любой библиотекой, и вы сможете в течение года пользоваться всеми нашими учебниками (я думаю это особенно интересно вузовским библиотекам). В отношении выпуска книг нас закон сдерживает. А что будет, если вы станете самостоятельно оцифровывать книги? Если сегодня книжка появляется на электронном носителе и «бесхозно» ходит по рынку, авторы просто лишаются гонораров и в итоге перестанут писать. Здесь нужны очень грамотные законы по всем направлениям.

Е. В. Линдеман

Я спрашивала не совсем об этом. Если наш читатель хочет пользоваться электронным магазином или обращаться в из-

дательство, купить сразу готовый файл книги, как он может это сделать? Допустим, учебник купить, научную книгу или роман. Как это происходит за рубежом? Заплатил деньги — скажем, на полтора доллара дешевле, чем в бумажном варианте, — и приобретает ее в электронном виде.

В. Е. Илюхин

Я как раз рассказал о том, как можно купить. Для этого нужно, чтобы прошло 60 лет или автор дал право на издание на электронном носителе. Договор с автором можно заключить, только это не будет на полтора доллара дешевле.

А. Ф. Гаврилов

Можно, я задам другой вопрос? Вячеслав Евгеньевич, вот те 250 учебников, которые существуют на электронном носителе, они в продаже есть?

В. Е. Илюхин

Часть есть, от части мы отказались, потому что продажи очень малы. Сегодня этот проект коммерчески невыгоден. Говорят много, а фактически — не покупают.

А. Ф. Гаврилов

А те, что существуют в продаже, в каком виде продаются и при помощи каких систем?

В. Е. Илюхин

Сегодня они продаются на дисках.

А. Ф. Гаврилов

Ясно. Спасибо большое.

Еще вопросы? Рифат, пожалуйста.

Р. Г. Саразетдинов

У меня не вопрос, а скорее ремарка Елене Владиславовне по поводу электронного книгоиздания. Уже прозвучало у Вячеслава Евгеньевича, что сегодня действительно при всех декларациях, что электронная книга востребована, у нас в России еще нет соответствующей культуры и привычки платить за электронные издания. Все, что в электронном виде есть в Интернете, российский пользователь хочет получать бесплатно. Да, существует некоторый опыт. И «OZON», по-моему, сейчас торгует, но там очень смешные цены (хотя коллеги говорят, что там и роялти больше — если с печатной копии получают 10%, то с электронной — до 30%). Сегодня все книгоиздание коммерческое. Когда мы ставим вопросы, надо понимать, кому это выгодно — выгодно ли это автору, издателю, как это будет работать. Не уверен, что сегодня наш читатель готов отдать за скачивание в электронном виде 200–300 рублей за книгу. 30 рублей, может быть, заплатит, но не 300. Сегодня это скорее эксперимент, нежели бизнес. Но я думаю, что в ближайшее время формат электронной книги будет развиваться, если потребитель будет голосовать рублем.

А. Ф. Гаврилов

Рифат, я позволю себе быть в это мгновение не модератором, а просто человеком. К огромному сожалению, купить электронную книжку на английском языке тысячекратно проще, чем бумажную на русском. Книги на английском я покупаю и плачу за них деньги в Интернете, а на русском, измывшись, скачиваю бесплатно, потому что это просто удобнее. В англоязычном мире ведь тоже есть возможность скачать

бесплатно книгу, но на это нужно потратить уйму усилий, а за деньги получить ее просто. В русской части Интернета, как ни парадоксально, все иначе: ты можешь легко скачать книжку бесплатно и с огромным трудом — заплатив за нее деньги.

Р. Г. Саразетдинов

Получить бесплатно ворованную книгу.

А. Ф. Гаврилов

Да, к сожалению.

Р. Г. Саразетдинов

Вопрос в чем? Если есть спрос, почему нет предложения? Или спрос не столь очевиден? Спрос маленький. Он теоретически есть и, наверное, будет возрастать. Но вот когда он будет — это вопрос профессиональной дискуссии. Во время поездки во Франкфурт мы с коллегами говорили о том, как быстро будет развиваться электронная коммерция через 5 лет, через 10 лет.

С другой стороны, что мы получим, если попробуем провести параллель с тенденциями на Западе? Вот Олег Леонидович отметил, что у нас научное книгоиздание не развито. В России не существует аналогов того, что есть в англоязычном мире — мы прекрасно знаем англоязычные издательства «Weil», «Elsevir» и т.д. Почему так происходит? Это опять-таки вопрос профессиональный. В первой части говорили, что, если наука не финансируется, то не будет и научного книгоиздания. Все упирается в деньги. Как только государство начнет вкладываться в науку, возникнет спрос на научную книгу. Эта обратная связь должна работать, должна быть мотивация.

Спасибо.

В. Е. Илюхин

Знаете, мы буквально неделю назад вернулись из поездки по ведущим региональным вузам страны. Были в Казани, Омске, Томске. Сегодня очень трудно найти автора, который мог бы раскрыть темы, упомянутые уважаемым профессором Кузнецовым. У нас сегодня 99,9% издательств на рынке – коммерческие структуры. Если они будут заниматься благотворительностью, пять-семь-десять книжек выпустят себе в убыток, завтра издательство придется закрыть. Государственных издательств осталось три: «Просвещение» с гарантированной поддержкой государства, «Финансы и статистика» и «Высшая школа» (два последних «дышат на ладан»).

А. Ф. Гаврилов

Спасибо большое. Еще реплики?

Э. А. Орлова

Я буду говорить о социальных науках. С моей точки зрения, сегодня в отечественной культуре вообще и в области образования – среднего и высшего – радикально не хватает именно фундаментального социально-научного знания – социологического, антропологического. Того, что в мире существует более ста лет и чего у нас просто нет. Все разговоры о «синергетике», «устойчивом развитии», «модернизации в экономике» без социально-научной базы – просто пустой звук, бездумное переписывание того, что говорят на Западе. А что же там говорят? В рамках их культуры за 100 с небольшим лет в социальных науках накоплены обширные и богатые по содержанию знания. И очень многие из вопросов, которые мы здесь поднимаем, о которых мы студентам рассказываем, уже имеют ответы.

У нас пытаются переводить какие-то книги из области социальных наук. Они переводились в советское время в не-

большом количестве, но и в наше время их количество не особенно возросло — говорю о работах в области социологии и антропологии. Я прилично знаю английский язык и хорошо знаю эти предметные области. Открываю перевод, начинаю читать, сравниваю с оригиналом и прихожу в полное недоумение. Переводы и в стилистическом, и в содержательном отношении не выдерживают никакой критики. Те, кто переводит, по-видимому, не понимают, о чем идет речь. А это уже вина издателей, ведь именно они отбирают переводчиков и пропускают тексты низкого качества.

Теперь о работе с редактором. Я в свое время работала с издательствами «Наука» и «Политиздат» и до сих пор испытываю глубокую благодарность к их редакторам — они не пропускали ни одного абзаца, ни одной фразы, обращали внимание на каждое нечеткое слово. Редакторы в этих издательствах были не только профессионалами в своей области, но и квалифицированными читателями. Они прочитывали текст и объясняли, что в нем непонятного. Это были не диктаторы, а партнеры. Что происходит сегодня? Я уже не говорю о том, что сегодня корректоров нет и в каждой книге мы находим грамматические ошибки, которые «постепенно перерастают в идеологические». Я открываю книги Парсонса: на английском языке он пишет об одном, в русском переводе — нечто другое. Открываю книги Гидденса — ровно та же ситуация.

Я преподаю социальные науки, и мне нужно, чтобы понятия в оригиналах и переводах были идентичными. А поскольку отечественных работ, содержащих фундаментальные знания по социологии и антропологии, нет, необходимо, чтобы студент открывал переводную книгу и видел там грамотный, хорошо отредактированный текст, где слова правильно выражают понятия.

Теперь о детской литературе. С моей точки зрения, это оправдание того примитивного уровня родного языка, до которого его довели взрослые. Нет детской литературы, есть *литература*, так же как нет детской культуры, а есть *культура*.

Важно, что взрослые в детей вкладывают. В детстве человек овладевает лексическим запасом, которым будет владеть в дальнейшей жизни, осваивает сложное современное окружение, где будет существовать и подростком, и юношей, и взрослым, и стариком. А сегодня в так называемой детской литературе ему предлагаются искаженные слова, искаженные грамматические структуры, примитивные представления о жизненной среде. Кто раньше создавал детскую литературу? Чуковский был блистательным филологом, Маршак — великолепным переводчиком и филологом. А кто пишет сегодня? Взрослые с комплексом регрессии, которые оправдывают свою культурную неполноценность тем, что они пишут якобы для детей. Еще раз подчеркиваю: так называемую детскую литературу создают *взрослые*, и именно они ответственны за те примитивные представления о собственной культуре, которые они предлагают младшим поколениям.

Я каждый год слышу одно и то же: «Упрощать надо лексику, школьные программы нужно делать понятными детям». Мне такие разговоры представляются показателем низкого уровня культурной компетентности. Если молодые читатели чего-то не понимают, можно спросить у взрослых; если взрослые не могут объяснить, нужно научить школьников и студентов работать со словарями — не так уж это трудно. И еще, если текст непонятен читателю, значит, автор сам не понимает, что хотел сказать. Работать с автором и доводить текст до смысловой ясности — это задача издательства. А в издательствах должны быть профессиональные редакторы и корректоры.

Я как преподаватель просто не принимаю жалоб на то, что текст слишком сложен и непонятен. В каждой своей книге я привожу глоссарий, на каждой лекции — определения терминов. Если речь не идет о продукции графомана, то понять можно любые авторские высказывания; их просто нужно перечитать внимательно и несколько раз. То, что сделано одним человеком, другой всегда может понять (говорю о норме, а не о патологии). И мне кажется, что идти нужно по пути высококачественного письма и переводов, разъяснений сложных

идей и побуждения молодых к пониманию собственной культуры, иными словами, по пути просвещения. Мы должны как преподаватели, как издатели, как авторы отстаивать позицию высокой профессиональной культуры, и упрощение здесь смерти подобно.

Спасибо.

А. Ф. Гаврилов

Спасибо, Эльна Александровна.

Ольга Константиновна еще просила слово для завершения.

О. К. Громова

Во-первых, я полностью поддерживаю Эльну Александровну в той части, которая касалась детей. Во-вторых, хочу в нескольких словах резюмировать, какими по итогам сегодняшнего дня мне видятся основные проблемы книгоиздания и книгораспространения.

Первое, что очевидно из всех дискуссий, — это отсутствие обратной связи и понимания между книгоиздателями, книгораспространителями и книгопотребителями (включая библиотекарей, родителей и всех, кого угодно). Посмотрите, какое в Интернете количество сообществ молодых родителей, которые ищут, что почитать детям. Это означает, что отсутствует информация о том, что на самом деле существует на рынке. И отсутствие информации приобретает катастрофические размеры, как бы издатели ни старались доносить до потребителей свою продукцию каждый в отдельности. Нет общей налаженной системы предоставления потребителям сведений о реальном положении вещей на рынке. Мы в итоге судим либо по личным впечатлениям, либо по маленьким исследованиям отдельных отраслей.

Второе. Книгоиздатели тоже не видят реального заказа социума — и здесь отсутствуют обратная связь и система доставки этого заказа книгоиздателям, а тем паче книгораспространителям. И в этом смысле учителя и библиотекари могут что-то сделать. Проблема только в том, что об этом надо думать не в привычных библиотечных и учительских форматах. Нужно смотреть с какой-то иной точки зрения.

К разговору о детях расскажу об одном исследовании. Социологов прошу не вздрагивать, понятно, что с социологической точки зрения исследование абсолютно некорректно, потому что это был просто-напросто опрос в одной из школ. Типичная, рядовая школа в среднем областном городе, около 1000 детей. Всем детям задавался один вопрос: «О чем бы ты хотел читать? Напиши и расставь темы по приоритетам — о чем тебе книг не хватает». (При этом предлагался ряд *тем*, а не жанров, детям вполне понятно, что о современных школьниках можно писать и в жанре фэнтези. Именно поэтому, кстати, так популярен «Гарри Поттер» — это же типичная школьная повесть.) А потом проанализировали ассортимент книжных магазинов этого областного центра и выделили некие приоритетные для магазинов группы. Что получилось? Книгопродавцы считают наиболее популярными, наиболее продаваемыми такие направления: 1) развлечения для детей (сказки и смешные книжки) и взрослых (детективы, дамские романы); 2) обучение малышей и школьников — азбуки, считалки и т.д.; 3) «паранауки» (все, начиная с гороскопов); 4) прикладная литература (готовим, шьем, вяжем, растим собак — неважно); 5) популярная история, политика, и все остальное. А что же сказали дети? В числе первых позиций: 1) книги о современной жизни современных детей; 2) книги о современной жизни взрослого мира — о политике, о «трудных родителях» и т.д.; 3) про зверей и растения, про то, «почему коллаيدر не работает» — «и чтоб по-научному»; дальше про путешествия и разные страны, а уже потом всякая развлекательная литература. Это к вопросу о том, что мы с вами знаем о наших детях, о юных потребителях книжной продукции, что издаем и что заказываем тем же издателям.

Спасибо.

А. Ф. Гаврилов

Спасибо большое всем участникам. Мне кажется, самое главное в том, что Ольга Константиновна сейчас сказала, это то, что очень во многом части книжного мира — книготорговцы, издатели, читатели, распространители — не слышат друг друга, потому что не имеют шанса слышать. И по результатам этого разговора нужно отдельно поблагодарить Евгения Кузьмина за то, что у нас была возможность что-то сказать и что-нибудь услышать из того, что сказано другими.

**III ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

20 ноября 2010 г.
«Президент-Отель»

Открытие конференции

Е. И. Кузьмин

Уважаемые участники конференции, прошу вас всех занять свои места. Желательно переместиться на первые ряды, потому что, сидя в президиуме, неприятно смотреть на пустые передние места и куда-то вдаль кричать.

Мы начинаем третью конференцию, которая традиционно проходит в этом зале, знаковом для российской политики, социальной сферы, культуры, экономики. «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы» – это уже брендовое название, которое повторяется из года в год. Сегодня у нас много новых участников по сравнению со вчерашней конференцией, которая, напомним, называлась «Библиотеки, книжная торговля, книгоиздание и СМИ: влияние на круг чтения» и проходила в библиотеке «Русское зарубежье» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Сегодняшняя конференция проходит при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, которое было инициатором разработки Национальной программы. И я рад предоставить вступительное слово Владимиру Викторовичу Григорьеву, заместителю руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Прошу вас, Владимир Викторович.

В. В. Григорьев

Добрый день, уважаемые коллеги. Добрый день, самая неординарная аудитория страны, может быть, самая активная в том, что касается продвижения и пропаганды чтения. Мы в третий раз собираемся в «Президент-Отеле» по осени, чтобы подвести итоги нашей уже четырехлетней деятельности по подготовке и продвижению Программы поддержки и развития чтения, чтобы обменяться мнениями, подвести итог тому,

что сделано за текущий год, и выработать подходы на год следующий. Вы знаете, в этом году мы, наверное, собрались как никогда вовремя. Говорю об этом, потому что мы все с вами были свидетелями общественного обсуждения статьи нашего Президента «Россия, вперед!», познакомились с основными тезисами, выслушали послание Федеральному Собранию, где были сформулированы основные идеи развития страны. Вы знаете, есть какая-то гордость за то, что многие идеи, которые вошли в Программу чтения, были озвучены в этом послании. Это, по сути, апелляция к новой России, к содержательному развитию нового поколения, которое должно обустроить страну. Поколения, которое должно быть конкурентоспособным, образованным. В принципе эти же идеи вынашивались всеми создателями Программы поддержки чтения. Мы регистрировали те провалы, которые существуют сегодня в подготовке специалистов разных областей, и пришли к пониманию того, что без пропаганды и продвижения чтения невозможно создать конкурентоспособную нацию. Актуальность этой проблемы не снята, актуальность того, чем все вы занимаетесь, очевидна. Мы продолжаем находиться на этапе начала реформирования страны. От того, чем мы с вами занимаемся, каким образом мы это делаем, насколько эффективно мы продвигаем Программу чтения, во многом зависит будущее страны. Я не хотел бы впадать в какой-то пафос, но все же скажу, что вы — высококвалифицированные представители той небольшой прослойки, той имеющейся сегодня в стране инфраструктуры (увы, совсем недостаточной), деятельность которой, собственно, и определяет, какое поколение мы получим через 10, 20 и 30 лет.

Достаточно ли наши усилия по продвижению чтения? Скорее всего, нет. Мы все с вами помним те тревожные цифры, которые были озвучены на прошлогодней конференции уважаемой Натальей Андреевной Зоркой, — данные относительно ухудшающейся динамики ситуации с чтением. Почему это происходит? Казалось бы, развиваются книжные ярмарки, проводятся многочисленные семинары и конференции по чтению, в стране имеется уникальнейший ресурс — телеканал

«Культура», существуют различные радиотелевизионные форматы, посвященные книгам, литературе. И в то же время представленные цифры продолжают удручать. Значит, все-таки наших усилий недостаточно.

Конечно же, этот год характеризовался прежде всего кризисом. Кризис затронул все индустрии, в том числе книжную. Вы знаете, что мы регистрируем падение тиражей книг, газет и журналов. Вероятнее всего, падение составит порядка 20% в отношении книг, в отношении основных журналов и газет тоже регистрируется приблизительно от 10 до 20% падения. Тем не менее мы с вами должны понимать, насколько важно то, чем мы занимаемся. Все, что мы делаем, — это работа на будущее поколение.

Что стало очевидно за прошедший год? Ведущие издатели в определенной степени начинают менять свой подход к традиционной книжной культуре в целом. В связи с развитием электронных медиа и возможности передачи любой информации за счет новых средств массовых коммуникаций встает вопрос о развитии инфраструктуры электронной книги, электронной библиотеки. По сути, мы с вами получаем еще один способ массовой коммуникации с аудиторией — возможность продвижения чтения через Интернет, через появившееся за последние 2—3 года огромное количество новых электронных устройств, к которым у нового поколения читателей есть определенная тяга. Мы должны это учитывать, использовать в своей работе. У нас еще не было возможности поговорить с Евгением Ивановичем, и я думаю, что на панели, которая пройдет в три часа, мы обсудим, каким образом и гражданское общество, и индустрия, и государство должны использовать наработки, накапливаемые сегодня в рамках ФЦП по цифровизации телерадиовещания, по обеспечению широкополосным Интернетом всей территории страны. Это произойдет достаточно быстро: 5—6 лет — и в каждом, даже самом маленьком, городке Российской Федерации будет возможность получения качественного контента за счет новых средств массовых коммуникаций. Отмечаю это еще и потому, что коллеги-книгоиздатели начинают все больше говорить о

производстве не книжной продукции, а книжного контента. Т.е. книга будет не только на бумаге, она будет в электронном виде. Все более популярным становится у продвинутых пользователей маленькое устройство для чтения, так называемый «ридер». Даже обладая небольшим объемом памяти, он способен заменить всю домашнюю библиотеку. Электронный микрочип емкостью 500 Мбайт — это приблизительно 3500–4000 книг. И я, и многие мои друзья решили для себя проблему чтения в перелетах, переездах: один электронный «ридер» — и у тебя вся русская литература в кармане. Это безумно удобно! Это создает совершенно другую атмосферу и иное отношение к чтению. Складывается впечатление, что продвинутые московские школьники начинают все больше и больше пользоваться «ридерами». Я думаю, мы не только поговорим об этом, но и подумаем, каким образом нам «тюнинговать» и адаптировать существующую Программу к реалиям и вызовам новой электронной эпохи.

Однако все это совсем не отменяет те идеи, цели и задачи, которые поставлены Программой чтения. Она ни в коей мере не устарела. Вы знаете, если по прошествии четырех лет перечитать Программу, приходишь к мысли, что в целом все, что нами было прописано, остается актуальным на долгие годы. Если вы помните, Программа чтения нами планировалась до 2020 года и была разделена на этапы. Сегодня мы находимся на первом этапе, и у нас еще год для того, чтобы его реализовать. Почти все заложенные идеи этого этапа были выполнены. Что не было сделано? Не было сделано несколько важных вещей. Прежде всего это создание управления программой. И здесь я, в общем-то, должен с сожалением сказать, что нам не удалось еще в полном объеме подключить Министерство образования и все связанные с ним федеральные агентства. Хорошо, что у нас еще существует рабочий контакт с Министерством культуры. Разумеется, мы продолжим работу и выйдем на реализацию всех тех целей и задач, которые были поставлены на первом этапе.

Надеюсь, через год, когда мы с вами соберемся (думаю, здесь же), чтобы подвести в целом черту под реализацией на-

чального этапа Программы поддержки и развития чтения, мы сможем отчитаться перед уважаемой аудиторией и понять, что первый этап в целом реализован. Оснований для этого более чем достаточно. Розданная всем вам книга, в которой представлены текст Национальной программы и методические материалы по ее реализации, — это уже настоящая «энциклопедия», собравшая в качестве авторов всех ведущих экспертов. Здесь объясняется, что такое Программа чтения, как она продвигается, каких успехов удалось добиться на сегодняшний день. Но в большей степени это рекомендации всем неравнодушным членам нашего общества относительно того, каким образом продвигать книгу, продвигать чтение как важнейший элемент создания нового поколения образованных граждан.

Разрешите мне выразить благодарность всем тем, кто участвует в Национальной программе поддержки и развития чтения, тем, кто делится своим опытом, энергией, всем экспертам, организующим в течение года многочисленные мероприятия в различных интеллектуальных форматах, участвующим в них, для того чтобы нарабатывать массив знаний, который мы оставляем всем следующим поколениям.

Приветствуя участников конференции, хочу пожелать успешной работы, жарких дискуссий и интересного обмена мнениями. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Владимир Викторович. Вы нам обрисовали свое видение текущей ситуации и перспектив — причем в контексте задач, которые стоят перед страной, — и дали надежду, что на управленческом уровне будут приняты какие-то новые серьезные решения (хотя мы все понимаем, как трудно их принять и как трудно различным ведомствам договориться о синхронизации своей деятельности, особенно когда они в принципе не видят этой проблемы и находятся в состоянии самоуспокоенности и самоустраненности). Кроме того, очень

важно, что вы лично сегодня присутствуете и выступаете в этой аудитории. Я хотел бы, чтобы это происходило более часто, на постоянной основе, ведь, будучи покровителем этой деятельности, все предыдущие годы вы оказывались не на авансцене, что, с моей точки зрения, неправильно. И сейчас я благодарю Федеральное агентство по печати, без которого просто-напросто ничего бы не было.

Впрочем, ничего бы не было и без Министерства культуры. Оно формально не являлось инициатором создания Национальной программы, но Татьяна Львовна Манилова, которой я с удовольствием предоставляю слово, внесла огромный вклад — интеллектуальный, душевный и человеческий — в ее разработку. Татьяна Львовна, пожалуйста.

Т. Л. Манилова

Спасибо! Здравствуйте, дорогие коллеги. Мне очень приятно хотя бы на второй день наконец попасть на эту конференцию. Так складывались обстоятельства, что вчера присутствовать не было совсем никакой возможности. Это отсутствие возможности было связано не только с тем, что я вчера сдавала экзамены в Академии госслужбы. Главной причиной являлось то, что мы сегодня должны сдать в Правительство доклад, который посвящен проекту развития библиотечного дела.

Я напомним, что год назад был принят правительственный документ — Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2012 года. Одним из 60 приоритетных проектов (сейчас их число сократилось до 48) был проект «Развитие библиотечного дела».

Мы, насколько можем, из бюджета Минкультуры России финансируем отдельные мероприятия по поддержке и развитию чтения, чтобы хотя бы не прекращался финансовый «ручеек» и какая-то деятельность в рамках идеологии Национальной программы чтения в библиотеках шла.

В целом же, в соответствии с нашими полномочиями и упомянутыми Основными направлениями деятельности Правительства мы продолжаем совершенствовать собственно само библиотечное дело, на основе которого укрепляем и продвигаем чтение в нашей стране.

Проект «Развитие библиотечного дела», как и все остальные, подготовлен в соответствии с методикой, разработанной Минэкономразвития России, которая предполагает размещение информации о проекте в определенном виде на специальном сайте. Это очень сложная интеллектуальная задача, к тому же методика в октябре изменилась, и пришлось в срочном порядке изложить данные о проекте в новом алгоритме.

Поскольку отчет нашего Министерства по развитию этого проекта в соответствии с предыдущей методикой был назначен на 30 ноября, мы параллельно готовили и доклад в Правительство на данную тему. Доклад был апробирован на заседании коллегии Минкультуры России 29 сентября, поддержан и согласован со всеми заинтересованными ведомствами — участниками нашего проекта: Управлением делами Президента Российской Федерации (поскольку в проект входит Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина в части развития региональных филиалов), Минкомсвязи России и Минрегионом России. В этом докладе, помимо информации, которая непосредственно касается проекта развития библиотечного дела (я не буду о нем подробно рассказывать, мы опубликуем все материалы, так что можно будет с ними ознакомиться), есть целый раздел, посвященный необходимости развития и продвижения Национальной программы поддержки чтения. В докладе мы написали, что, несмотря на то, что существует собственно проект «Развитие библиотечного дела» (в таком виде, в каком есть, в силу определенных ограничений), необходимость развития библиотечного дела не исчерпывается включенными в проект мероприятиями. Есть еще целый ряд шагов, которые должны предприниматься — выделены на это деньги сегодня или нет, включено это официально в какие-то нормативные документы или нет. Это

касается в том числе и Национальной программы поддержки и развития чтения.

Я надеюсь, что, когда заседание состоится, члены Президиума Правительства Российской Федерации обратят внимание и на этот момент в докладе. Мы всячески стараемся, используя имеющиеся возможности, продвигать идеологию Национальной программы поддержки и развития чтения (новая методика таких докладов не предполагает, поэтому доклад не состоялся).

Я бы хотела сказать, что дополнительных денег наш проект развития библиотечного дела пока не дает, но он работает как инструмент привлечения внимания к проблемам библиотек. Один пример: вчера мы получили письмо Минкомсвязи России, согласовывающее упомянутый доклад и карту проекта «Развитие библиотечного дела». В нем Минкомсвязи России сообщило, что Минкультуры включили в долгосрочную целевую программу на 2011–2018 годы по реализации Стратегии развития информационного общества с ежегодным финансированием. (Для справки: сейчас это государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», идет процесс ее доработки и согласования.) Мы давали в нее предложения, в число которых вошли компьютеризация библиотек и подключение их к сети Интернет. Я очень рада тому, что мы включены в Программу, и спешу поделиться этой радостью с вами. Надеюсь, это нам тоже поможет продвигать чтение.

Хочу сказать, что худо-бедно, преодолевая невероятные трудности, в основном за счет инициативы, а не строгого государственного регламентированного подхода, но все-таки нам чтение продвигать удается. Какие-то результаты есть. Хорошо было бы эту деятельность превратить в системную, когда государство будет обязано это делать. А пока мы апробируем «технология» продвижения чтения, работая с нашим проектом по развитию библиотечного дела.

Я хочу вам пожелать успехов не только сегодня на конференции, но и вообще в вашей деятельности, в том числе по

продвижению чтения, потому что это жизненно важная для нас вещь. Лично для нас. Спасибо!

В. В. Григорьев

Нина Сергеевна Литвинец, пожалуйста.

Н. С. Литвинец

Я приветствую участников от имени Книжного союза, который тоже является одним из инициаторов разработки Национальной программы. Желаю конференции успешной работы и хочу отметить следующий момент.

В любом храме есть прихожане, которые регулярно его посещают. Существуют также люди, которые ходят в церковь время от времени, когда есть такая потребность. Они называются «захожанами». Но, помимо них, есть огромное количество людей, которые дорогу к храму не знают и в храм не заходят. Они становятся объектом миссионерской деятельности.

На мой взгляд, аналогия с храмом вполне применима к библиотекам и книжным магазинам. К сожалению, сегодня и библиотеки, и книжные магазины работают с «прихожанами» и «захожанами». Они не работают с теми, кто остается за стенами этих просветительских учреждений и за рамками проектов. Мне кажется, сегодня этого не достаточно. Мы должны заниматься миссионерской деятельностью. Если мы не хотим оказаться в стране, которая читает плохо, пишет с ошибками (вчера говорили о так называемом «олбанском» компьютерном языке), то должны сейчас нашу деятельность ориентировать на самую широкую аудиторию.

Российский книжный союз в последнее время отдает предпочтение тем проектам по привлечению молодежи к чтению, где библиотеки раздвигают свое библиотечное пространство,

где они выходят на улицы города, агитируют за чтение не внутри библиотеки, а вовне, в других аудиториях. Сегодня я хотела бы призвать вас быть миссионерами – кому-то нравится это слово, кому-то нет, но у нас действительно высокая миссия, и давайте все будем пропагандистами и миссионерами чтения.

Спасибо.

В. В. Григорьев

Спасибо.

Я на правах модератора объявляю о том, что сейчас с докладом «Результаты общероссийского мониторинга региональной политики и деятельности библиотек в сфере поддержки и развития чтения» выступит Евгений Иванович Кузьмин, президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества и председатель Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех».

Доклад «Результаты общероссийского мониторинга региональной политики и деятельности библиотек в сфере поддержки и развития чтения»

Е. И. Кузьмин

Еще раз добрый день, уважаемые коллеги. Я в первый раз в жизни, мне кажется, буду читать по бумажке, для того чтобы не сбиться ни в одном слове. Текст ответственный, он представляет результаты мониторинга, и здесь нельзя ходить вокруг да около. Нужна прецизионная обработка имеющихся фактов и полученных результатов.

Нина Сергеевна Литвинец замечательно сказала про миссионерство и про то, что нужно выходить за пределы наших учреждений. Но какое было бы счастье, если бы проблема заключалась только в этом. Сегодня уже не раз говорилось о том, что все институты поддержки и развития чтения, все наши просветительские учреждения и даже органы власти (особенно органы власти в сфере культуры) делают много, намного больше для продвижения чтения, чем делалось еще несколько лет назад. Эта работа стала гораздо более осмысленной и профессиональной, но на фоне падения объективных показателей, которые получаются в результате исследований нашей лучшей социологической службы – Аналитического центра Юрия Левады – не просто нельзя успокаиваться, а нужно глубоко задуматься и проанализировать, что делается правильно, но не достаточно, что делается не очень правильно и потому должно быть скорректировано, а что не делается совсем из того, что необходимо делать в обязательном порядке. Поэтому летом 2009 года по заказу Министерства культуры Российской Федерации Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества приступил к реализации проекта под назва-

нием: «Организация и проведение мониторинга региональной политики и деятельности библиотек по поддержке и развитию чтения». Необходимость такого проекта, на наш взгляд, очевидна. Она обусловлена потребностью и желанием выявить как передовой опыт, так и наиболее проблемные зоны в обширной и многообразной деятельности по поддержке и развитию чтения, развернувшейся в нашей стране после принятия Национальной программы в 2006 году.

Заметьте, я не сказал «выявить проблемные зоны в сфере чтения». Они были выявлены на стадии подготовки Национальной программы. Я сказал «выявить проблемные зоны в нашей деятельности по поддержке и развитию чтения». На сегодняшний день не существует никакой сколько-нибудь объективной оценки уровня эффективности действий профессионалов в сфере поддержки и развития чтения. Неясно также, в какой степени в профессиональной книжной среде достигнуто четкое понимание серьезнейших с точки зрения развития России проблем в сфере чтения, сформулированных в Национальной программе, а также намеченных в ней путей решения этих проблем. Не подлежит сомнению только то, что за пределами сравнительно узкого профессионального слоя осознание проблемы чтения пока еще очень поверхностно. Подтверждение тому — и материалы массовой печати, и уровень публикаций в профессиональной прессе, и выступления известных (и не очень известных) людей на конференциях и семинарах, посвященных проблемам чтения.

О чем в основном говорят? О классике, о духовности — чтение классики воспринимается как способ формирования духовности, что в корне неверно. Вот, например, я в августе в четвертый раз прочитал «Войну и мир» Льва Толстого. Какая духовность? Это страшные картины, которые рисует великий русский гений, прославивший Россию. Причем прославивший чем? Своим острым критическим взглядом на человечество, на российское общество, его пороки и все негативные

стороны. Мозги кипели от порой охватывавшего ужаса, потому что то, что описано там, происходит и сегодня. Есть редкие поэтические отрывки на протяжении 1400 страниц романа, где действительно душа поет. В основном же это все написано для укрепления интеллекта, для упорядочения сознания, для того чтобы смотреть на мир гораздо более открыто, трезво и критично.

Говорят о чтении детей и не говорят о чтении взрослого работающего населения, которое на сегодняшний день является самой проблемной группой (об этом написано в Программе). Совсем не говорят о чтении элит – управленческих, политических, экономических, – которое (как указывается в Национальной программе и в развивавших ее материалах) все более и более приближается к чтению малообразованных слоев населения. Не говорят и о многом другом чрезвычайно важном. Не говорят о том, что чтение в России – это инструмент поддержания коммуникации, которая всегда была очень сложной в силу протяженности страны, разреженности населения. Не говорят об освоении через чтение всей той информации, всех тех знаний, которые необходимы стране, для того чтобы успешно развиваться в высококонкурентной реальности глобализирующегося мира. Мы оказались не готовы к вхождению в эту среду.

Более того, на прошедшем в октябре Всероссийском форуме редакторов городской и районной прессы, на который мы по договоренности с Юрием Сергеевичем Пулей направили нашего сотрудника с докладом, выяснилось, что ни один из участников этого форума не слышал о Национальной программе поддержки и развития чтения, хотя в Программе едва ли не основной акцент сделан на необходимости продвижения чтения газет и журналов. И в качестве одной из проблем упоминается, что население России очень мало и очень плохо читает газеты и журналы. Чтению газет и журналов посвящена львиная доля текста исследования «Чтение в России–2008». Но, когда мы обсуждали этот факт с сотрудниками «Левада-Центра», Наталия Андреевна Зор-

кая сказала: «Вы понимаете, что из себя качественно представляет наша пресса? У нас самые лучшие и качественные газеты выходят тиражом 70, ну максимум 80 тысяч экземпляров». Что это для такой страны, как наша?! В Литве, которая в 40 раз меньше России, есть общенациональная газета, которая выходит тиражом 500 тысяч экземпляров. На этой газете формируется сознание единой нации. А у нас это все так фрагментарно, атомизировано, и единого источника распространения информации, кроме Первого и Второго каналов телевидения, не существует. У нас нет серьезного мощного инструмента формирования национального мировоззрения и сознания в печатном виде. Об этом люди, рассуждающие о проблемах чтения, не говорят.

Для того чтобы осмысленно планировать дальнейшее развитие деятельности в сфере поддержки и развития чтения в России на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, необходимо располагать максимально полной и объективной информацией о том, что сейчас делается в стране. Необходимы честный анализ этой информации, беспристрастная оценка текущей деятельности (или бездеятельности, или имитации эффективной деятельности) всех институтов, которые вовлечены в продвижение чтения или должны быть в него вовлечены. Нужны ответы на множество закономерно возникающих вопросов. В какой мере проводится (и проводится ли) адресная работа с конкретными группами? В какой мере осуществляется продвижение нехудожественной литературы, других жанров — не только книг, но прочих видов и типов изданий? Какие институты и структуры вовлечены в реальности в серьезную работу по продвижению чтения? Как оценивается социальная эффективность тех или иных проводимых ими мероприятий? Объединены ли эти мероприятия общим видением цели? Какие средства на них выделяются? Располагают ли институты поддержки и развития чтения высококвалифицированными, специально подготовленными кадрами промоутеров чтения? Разрабатываются ли в России где-нибудь технологии формирования мотиваций к чтению? Осущес-

твляется ли серьезная пропаганда чтения через влиятельные региональные СМИ, в первую очередь на телевидении и радио? Есть ли заинтересованные и мотивированные на это журналисты? Отслеживается ли на региональном уровне динамика чтения, в том числе на уровне различных социальных и профессиональных групп? Проводятся ли социологические исследования в сфере чтения? Вынесен ли вопрос о продвижении чтения на региональный политический уровень? Поставлена ли на уровне регионов задача эффективной реализации Национальной программы поддержки и развития чтения? Приняты ли развивающие и конкретизирующие ее региональные программы? Соответствуют ли они идеологии Национальной программы? Существуют ли аналогичные муниципальные программы? Если нет, то какие объективные и субъективные факторы мешают их разработке и принятию? Что препятствует организации масштабной работы по продвижению чтения, кроме дефицита финансирования? В какой степени этот дефицит обусловлен сложившимся стереотипом не выделять на поддержку и развитие чтения целевых средств, отсутствием навыка думать о проблемах чтения как о фундаментальных для развития страны, видеть в чтении, во-первых, важнейший механизм освоения информации и знаний, во-вторых, важнейший механизм освоения и поддержания богатства родного языка?

Все эти вопросы логично вытекают и из основных концептуальных положений Национальной программы поддержки и развития чтения, и из анализа результатов исследования «Чтение в России—2008». Очевидно, для поиска ответов на эти и другие принципиальные вопросы необходим широкий мониторинг того, что делают все институты поддержки и развития чтения по разным направлениям, в разных регионах и на всех уровнях. Для запуска широкого мониторингового исследования всей осуществляемой в России деятельности по продвижению чтения необходима реализация серии пилотных проектов, по результатам которых можно было бы наилучшим образом определить цели,

методы и инструментарий широкого всероссийского исследования. Один из таких пилотных проектов был предложен нами в 2009 году Министерству культуры. И Министерство культуры, которое в последние годы едва ли не больше других делало для продвижения чтения, наше предложение приняло.

В фокусе проекта — деятельность органов исполнительной власти и центральных универсальных научных (публичных) библиотек субъектов Российской Федерации, которые являются методическими центрами для публичных библиотек своего региона. За пределами исследования на данном этапе остались все прочие типы библиотек: муниципальные публичные, школьные, вузовские, детские и детско-юношеские, библиотеки для слепых и слабовидящих, академические, научно-технические библиотеки, — а также другие институты поддержки и развития чтения: книгоиздание, книжная торговля, СМИ, образование. Кроме того, за пределами исследования остались федеральные и муниципальные органы исполнительной власти и законодательные органы федерального и регионального уровня.

Основным методом исследования в рамках данного проекта было выбрано анкетирование администраций субъектов Российской Федерации и руководителей центральных универсальных библиотек. Разработка концепции анкет осуществлялась на основе анализа проблемной ситуации и других концептуальных положений: Национальной программы, материалов информационно-аналитических сборников, которые были подготовлены за последние годы в рамках реализации Программы, включая исследование «Чтение в России—2008», на основе публикаций ведущих общероссийских библиотечных и других профессиональных изданий, отражающих текущую деятельность в сфере чтения. Анкеты приведены в сборнике «Остановиться, оглянуться».

Анкета для руководителей библиотек включала 91 вопрос. Анкета для руководителей органов исполнительной власти

субъектов РФ была разработана в 2 вариантах: для тех регионов, где региональная программа поддержки и развития чтения принята, и для тех, где ее еще нет. Оба варианта содержат по 53 вопроса. Мы апробировали эти анкеты, и выражаем благодарность тем, кто помог нам переформулировать какие-то вопросы, уточнить их. Это начальник Управления культуры Брянской области Наталья Александровна Сомова, первый заместитель министра культуры Челябинской области Надежда Владимировна Зуева, заместитель директора Пермской государственной краевой универсальной библиотеки Екатерина Сиротина и заместитель директора Брянской областной универсальной научной библиотеки Галина Кукатова.

После представления и обсуждения проекта анкет в Министерстве культуры с Татьяной Львовной Маниловой мы еще раз их скорректировали, и в конечном итоге анкеты были утверждены. После этого в доработке анкет приняли участие сотрудники Аналитического центра Юрия Левады под руководством Наталии Зоркой, которая за последние 2 года стала нашим постоянным партнером, соратником и консультантом. После того как анкеты были согласованы с Минкультуры, письмо с просьбой принять участие в исследовании было направлено в органы исполнительной власти субъектов РФ за подписью заместителя министра Андрея Евгеньевича Бусыгина, а во все центральные универсальные научные библиотеки — за подписью Татьяны Львовны Маниловой. Анкетирование проводилось в электронном виде, электронные анкеты и инструкции по их заполнению были размещены (и до сих пор размещены) на сайте нашего Межрегионального центра библиотечного сотрудничества: www.mcbs.ru. Не скрою, были большие сомнения, что на свои вопросы мы получим много ответов. К счастью, эти сомнения не оправдались: анкеты заполнили и прислали почти 90% региональных библиотек и более половины администраций субъектов федерации. Сегодня, когда мы уже предварительно разобрали анкеты, очевидно, что это огромный объем — более 1500 печатных страниц текста. Мы счита-

ем, что было бы весьма полезно, если бы в данном проекте — теперь уже по собственной инициативе — приняли участие органы власти муниципального уровня и библиотеки других типов. Во-первых, для них это возможность рассказать о себе, высказать свое мнение и даже повлиять на характер дальнейшего развития проекта, во-вторых, сам процесс заполнения анкет побуждает к серьезным размышлениям и позволяет увидеть собственную деятельность в новых ракурсах, а это в любом случае не повредит. Бланки анкет можно скачать на нашем сайте, заполнить и прислать их либо в электронном, либо в печатном виде.

В заключение вступительной части мне хочется подчеркнуть, что основная цель совместного проекта Минкультуры и МЦБС заключается в том, чтобы получить максимально целостную картину деятельности, осуществляемой в сфере поддержки и развития чтения, донести ее до профессиональной среды и сделать выводы о том, как можно эту деятельность рационализировать. Выявление успешных образцов будет способствовать их широкому распространению по территории всей страны, а выявление проблемных зон позволит уделить им особое внимание в ходе дальнейшей совместной работы по решению важной общенациональной задачи.

Глубокий, последовательный системный и детальный анализ полученных анкет потребует, я думаю, никак не меньше двух месяцев работы. К концу декабря — в соответствии с контрактом — результаты мы представим в Министерство культуры. Но я думаю, что на самом деле пища для размышлений и выводов колоссальна и огромна, она будет намного шире, чем тот отчет, который мы официально сделаем.

Итак, что показывает анализ данных мониторинга? Первая группа вопросов была связана с влиянием деятельности по поддержке и развитию чтения на ситуацию в регионе. Там было несколько вопросов. Они группировались таким

образом: что вы думаете о таком влиянии в теории, и как, с вашей точки зрения, обстоит дело на практике, в реальности. Подавляющее большинство библиотек (повторяю, в анкетировании приняли участие главные библиотеки субъектов РФ, являющиеся методическими центрами для всех публичных библиотек своего региона) считают, что активная поддержка чтения может позитивно влиять на социально-экономическое развитие региона, на общекультурную ситуацию в нем и морально-нравственную атмосферу. Однако две библиотеки (причем очень серьезные библиотеки, к мнению которых мы привыкли прислушиваться, находящиеся в развитых промышленных регионах – в Свердловской и Белгородской областях) выбрали ответ «скорее не влияет». Конечно, это заставляет задуматься: возможно, те люди, которые считают, что все это может сильно повлиять, находятся в прекраснородушном настроении, преисполнены ничем не оправданным оптимизмом. И это вопрос очень серьезный. На самом деле нет таких исследований в мире, которые сказали бы, что деятельность по поддержке и развитию чтения точно имеет влияние на соответствующие сферы. Во многих странах верят в это, борются и получают хорошие результаты.

Повторяю, это в теории, на уровне ожиданий, того, как это должно и могло бы быть. А что, с точки зрения крупнейших региональных библиотек, образующих становой хребет библиотечной России, происходит на практике сегодня? Как они оценивают это влияние в реальности? В настоящее время региональные библиотеки оценивают фактическое влияние деятельности по поддержке и развитию чтения чаще всего как умеренное. Сильным это влияние во всех сферах – в экономике, социальной сфере, с точки зрения морально-нравственной и общекультурной ситуации – считают сегодня лишь главные библиотеки Ставропольского края и Челябинской области. Сильное влияние только на социально-экономическое развитие отмечают Красноярская и Краснодарская краевые библиотеки; с точки зрения библиотек Московской и Белгородской областей, поддерж-

ка чтения сильно влияет на общекультурную ситуацию; с точки зрения Самарской областной научной библиотеки — на морально-нравственную ситуацию. Заметим, что Белгородская библиотека считает сильным влияние чтения только на общекультурную ситуацию, но никак не на морально-нравственный климат и не на социально-экономическое развитие. Только одна библиотека страны — Национальная библиотека Калмыкии — охарактеризовала сегодняшнее влияние деятельности по продвижению чтения как очень сильное во всех сферах.

Что стоит за этими ответами? Требуется дальнейшая проработка, разговоры, анкетирование, выяснение оснований для такой точки зрения.

В оценке влияния деятельности по продвижению чтения региональные библиотеки расходятся с региональными органами власти, которые их учредили. Так, Магаданская библиотека считает в реальности влияние чтения умеренным, а органы власти считают это влияние сильным. Интересно, что все без исключения ответившие нам региональные органы власти считают (в отличие от библиотек), что активная поддержка чтения может позитивно влиять и на социально-экономическое развитие региона, и на общекультурную ситуацию, и на морально-нравственную атмосферу. То есть власти видят в чтении гораздо больший ресурс влияния, чем крупнейшие библиотеки. В настоящее время власти оценивают реальное влияние деятельности по поддержке и развитию чтения чаще всего как умеренное (где-то 65–75%), сильным такое влияние считают лишь Ставропольский край и Вологодская область. Сильное влияние на социально-экономическое развитие региона отметили власти Омской области, на общекультурную ситуацию — Омская, Ленинградская, Волгоградская и Челябинская администрации, на морально-нравственную ситуацию — Волгоградская и Ивановская области. Очень сильное влияние чтения во всех сферах в настоящее время отметила Республика Калмыкия, очень сильное влияние только на общекультурную ситуацию — Воронежская область.

Как видим, оценки во многом определяются тем, что понимают разные люди под социально-экономическим, общекультурным, морально-нравственными измерениями. Такого «словника» мы не делали. Мы не слушаем, что нам говорят наши выдающиеся ученые, в частности Эльна Александровна Орлова.

Какие мероприятия по поддержке чтения проводят библиотеки? Как следует из ответов библиотек, они проводили мероприятия в этой сфере в 2005–2009 годах и планируют мероприятия на последующие годы во всех регионах, за исключением Ярославской области. Но, например, органы власти той же Ярославской области сообщили, что у них на территории области проводилась областная акция «Летнее чтение» (мероприятие Ярославской областной детской библиотеки). Наиболее распространены следующие формы работы: фестивали книги и чтения, литературные конференции, встречи с писателями, лекции, литературные чтения, презентации книг, выставки печатной продукции, конкурсы (на звание книги года, лучшей библиотеки, самой читающей семьи, конкурс чтецов), создание рукописных книг, иллюстраций, кампании по чтению книг определенного писателя, акции «Читающий край» или «Читающий город», дни и недели книги, в том числе детской и юношеской, мероприятия, приуроченные к дню книги и авторского права, совместные акции со СМИ (Архангельск) и видеослужбами (Астрахань), создание интернет-ресурсов (Брянск) и литературных карт региона. 58 из 73 региональных библиотек полагают, что все проводимые ими мероприятия носят системный характер. И 3 региона, которые известны в стране своими серьезными библиотеками, своими серьезными исследованиями и серьезным отношением к делу – Кемеровская, Новосибирская и Новгородская областные научные библиотеки, – самокритично написали: нет, наша деятельность не носит системного характера. Повторяю, это очень серьезные библиотеки.

Почти все библиотеки (74%) имеют краткосрочные планы, 72% – среднесрочные, 66% – долгосрочные. И только 5

регионов не считают, что у них есть серьезные планы на будущую перспективу, хотя перечисляют довольно много проведенных акций. Органы власти всех отмеченных регионов ответили, что у них проводились и проводятся мероприятия в сфере поддержки чтения. Исключение — только 1 субъект РФ, который написал, что у них не проводились и не проводятся такие мероприятия. Это Ямало-Ненецкий АО — регион не бедный с точки зрения библиотек. Почти все региональные власти отметили, что мероприятия носят системный характер, и только администрация Новосибирской области (так же, как и библиотека данного региона) написала, что они системного характера не носят. К мероприятиям, о которых сообщили библиотеки, органы власти добавили еще премии литераторов, декады языка (власти Ингушетии) и дни славянской письменности и культуры (Вятская администрация).

Говоря об аудитории, которая охвачена мероприятиями, библиотеки назвали детей и молодежь, творческую интеллигенцию, преподавателей, пенсионеров, представителей деловых кругов и администраций (отмечу от себя: безумно интересно выявить в деталях, как библиотеки работают с представителями деловых кругов и сотрудниками региональных администраций в сфере продвижения чтения). 80% библиотек отмечают сильный или очень сильный отклик населения, активное освещение мероприятий в СМИ. Но вот Республика Калмыкия, которая сообщила нам и устами библиотек, и устами органов власти о сильном влиянии деятельности по продвижению чтения и в теории, и на практике, написала, что отклик у населения и освещение мероприятий в СМИ были довольно слабыми.

Органы власти отметили следующие группы: дети, молодежь, социально незащищенные группы, семьи, руководители детского чтения. 95% ответивших регионов отмечают довольно сильный, с их точки зрения, отклик населения, активное освещение мероприятий в СМИ. И только одна область, Липецкая, затруднилась ответить на этот вопрос. Влас-

ти нигде не упомянули о старших возрастных группах, а ведь, как сказано в Национальной программе, взрослое работающее население – это самая проблемная группа. И никто не упомянул о различных национальных группах, в частности о группах мигрантов. Россия – страна высочайшей миграции, особенно это относится к нашим мегаполисам. Стоит задача инкорпорировать это население в нашу культурную среду. Но об этом нигде сказано не было.

Направленность мероприятий: 80% библиотек сказали, что мероприятия направлены на конкретные группы, 15% библиотек отметили отсутствие подобной направленности. 35% библиотек ответили, что их мероприятия не направлены на поддержку конкретных жанров и типов изданий. А в тех, где направлены, это преимущественно классика, художественная, научно-популярная, региональная, краеведческая литература, электронные издания, литературно-художественные журналы. В отдельный блок были выделены мероприятия по поддержке чтения нехудожественной литературы в 1/3 регионов. Поддержка чтения журналов не осуществляется в 15% регионов; запланирована, но не осуществляется еще в 10% регионов. Электронные издания – 15%, чтение в Интернете не поддерживается 20% крупнейших региональных библиотек. Никто не отметил поддержку общественно-политических журналов, никто не отметил поддержку качественной прессы.

Что ответили органы власти на вопрос о направленности мероприятий? 80% регионов, заполнивших анкеты, написали, что их мероприятия направлены на конкретные социальные группы, а 10% (в частности Ставропольский край, Воронежская, Вологодская области, которые говорят о сильном влиянии на общекультурную ситуацию) сказали, что у них подобной направленности нет. Опять упоминаются дети, молодежь, социально незащищенные группы, руководители детского чтения. Не говорят власти о национальных и старших возрастных группах. 30% региональных властей написали, что, с их точки зрения, мероприятия не направлены на поддержку конкретных жанров и типов, а в тех регионах, где

направлены, это тоже преимущественно классика, художественная, научно-популярная литература, электронные издания и журналы. То есть в целом мероприятия направлены далеко не на все социальные группы, в том числе не охватывают самые проблемные группы. Если говорить про весь спектр печатных изданий, то огромные пласты выпадают — с ними не работают.

Есть только два уточнения в ответах региональных администраций, где они добавили к нашему перечню что-то свое. Орловская администрация написала, что у них есть целенаправленное продвижение литературы о Великой Отечественной войне, Ульяновская область выделила отдельно мемуаристику. С моей точки зрения, мемуаристика — это очень правильно и интересно, это в русле мировых тенденций чтения и книгоиздания. Например, сейчас вышли мемуары помощника Горбачева Черняева. Владимир Викторович Григорьев сказал, что это лучшее, что написано про те годы, которые оказали серьезнейшее влияние на нашу сегодняшнюю жизнь. Там описано буквально все: механизмы принятия всех ключевых решений, кто что говорил, почему все так шло, а не иначе.

Мой младший сын, который в 22 года защитил диссертацию по истории, по Второй мировой войне, пришел к чтению через мемуары Черчилля. До этого мы вообще не могли побудить его что-либо читать, но вот так случилось: Марк Нестерович Усачев, который многим из вас известен, в наш старый отдел библиотек стал приносить книжки, которые читал на ночь. В частности он стал читать литературу деятелей XX века. Так ко мне попали мемуары Черчилля, которые он разыскал через электронные каталоги Исторической библиотеки. Я принес это домой и сказал сыну: «На вот, почитай, не понравится — отложи». Он увлекся, ему было 16 лет, дальше он перечитал все мемуары по Второй мировой войне, прочитал мемуары про весь XX век, после этого что-то посмотрел по документам, по каким-то теориям — и диссертация у него была готова.

Когда-то в интервью Василий Аксенов на вопрос о том, как продаются его романы в Америке, ответил: «Вы знаете, романы в Америке вообще практически не продаются, их очень мало издается. Америка читает научно-популярную литературу, мемуары. Вот это продается на каждом шагу». И мы видим сейчас: не успел Клинтон уйти, как его мемуары уже готовы, не успел Буш уйти – готовы мемуары Буша. Даже теннисист Агасси выпустил мемуары, где рассказал, что принимал наркотики. Это пиар-ход – теперь весь мир обсуждает: «Как же так?!», и все рвут мемуары на части.

Вернемся к мониторингу. Судя по анкетам региональных властей, в отдельный блок выделены мероприятия по поддержке чтения нехудожественной литературы только в 11 регионах. Поддержка чтения журналов и газет не осуществляется в 1/3 регионов, электронных изданий и интернет-ресурсов – почти в 1/4 регионов, а в Ярославской области все ответы были отрицательными.

Знают ли региональные библиотеки и власти о Национальной программе поддержки и развития чтения?

85% библиотек ответили, что хорошо знают Программу. Однако есть и интересные ответы среди главных библиотек: некоторые из них написали, что слышали о Национальной программе поддержки и развития чтения, но не вникали в ее детали. О программах чтения в других регионах знают 80% библиотек, но 5 региональных библиотек о таких программах ничего не слышали.

Из ответивших нам органов власти 60% написали, что знают про Национальную программу хорошо, а 40% – что слышали, но не вникали в детали, т.е. в руках не держали. О программах чтения в других регионах знают только 25% региональных администраций. Два региона – Алтайский край и Новосибирская область – написали, что вообще ничего не знают.

Нами созданы методические рекомендации по разработке региональной программы, для того чтобы избежать всех тра-

гических организационных ошибок, допущенных при разработке Национальной программы, чтобы рационализировать с первой минуты процесс подготовки региональной программы, которая бы детализировала и уточняла Национальную программу. 65% ответивших регионов сказали, что они слышали о рекомендациях, но не ознакомлены с ними. Кто должен был их ознакомить? На предыдущих конференциях были и губернаторы, и министры, и заместители министров (это сейчас у нас конференция профессионализируется по сравнению с предыдущими). Вообще ничего не слышали о существовании таких рекомендаций в Чувашии (где самый продвинутый президент), в Алтайском крае, в Ленинградской и Новосибирской областях. 30% регионов считают, что эти рекомендации целесообразно использовать при разработке программы полностью или частично. О других рекомендациях почти половине регионов известно, а половине не известно ничего.

Специальная подготовка в сфере чтения: нужна она или нет? Почти все регионы написали, что подготовка нужна, но не уточнили, какая именно. При этом 2 региона считают такой подготовкой участие в конференциях и семинарах по продвижению чтения. Что же, каждый из тех, кто побывал на сегодняшней конференции, может считать, что он полностью подготовлен для того, чтобы заниматься практической работой по продвижению чтения? Я, например, считаю, что не готов к такой работе, я не обучен навыкам общения с читателем, общения с какими-то социальными группами, это специальные вещи. На основе анализа полученных ответов можно предположить, что многие другие регионы считают так же: если где-то поучаствовали в каком-то семинаре, то вполне приобрели всю необходимую профессиональную подготовку.

Центры чтения в библиотеках созданы в 27 регионах. В Оренбурге таким центром считают центр виртуальный, созданный на сайте. В центрах работают от 1 до 7 сотрудников, руководство библиотек оценивает их работу положительно или скорее положительно, а вот население оценивает поло-

жительно только в 1/3 регионов. В Сахалинской ОУНБ есть центр чтения, а библиотека отвечает, что население об этом центре ничего не знает.

Все это наводит на размышления. Сейчас я предлагаю поставить жирную точку на описании результатов мониторинга. Следите за нашими публикациями, за нашими сайтами. Мне кажется, в чем-то вы заинтригованы, поэтому давайте совместно продолжать работу. Если мы будем к вам обращаться с вопросами: «Простите, что вы имели под этим в виду? Не противоречите ли вы сами себе?», пожалуйста, отвечайте нам так же хорошо, оперативно и профессионально, как вы это сделали до сих пор.

Большое спасибо.

Тематическая дискуссия «Образование и чтение»

Е. И. Кузьмин

Уважаемые коллеги, прошу вас занимать места. Сейчас у нас новая панельная дискуссия, названная дипломатично: «Образование и чтение». Главная тема, которую мы хотели бы в конечном итоге обсудить, — как вовлечь систему образования в реализацию Национальной программы, в деятельность по продвижению чтения, помимо того, что образование и так традиционно делает. Я с удовольствием вам представляю модератора этой дискуссии — Дмитрия Петровича Бака. Многие из вас его хорошо знают по телепередачам, он проректор Российского государственного гуманитарного университета. И я прошу занять места участников. Дмитрий Петрович представит их сам, а я только отмечу, что сегодня ожидалось присутствие Александра Андреевича Кузнецова, вице-президента Российской академии образования, который отвечает за разработку стандартов школьного образования по линии РАО. Я лично в течение двух недель предпринимал колоссальные усилия, мы договорились о его присутствии, но, к сожалению, его место, как видите, пока пустует.

Д. П. Бак

Ну что же, Евгений Иванович, большое спасибо за представление. Надо сказать, что отсутствие Александра Андреевича не должно нас дезориентировать. Хотя он представляет организацию, которая является одним из адресатов наших пожеланий, наших планов. Именно Академия образования — организация, которая своими силами, своими ресурсами и должна влиять на процесс, находящийся сегодня в центре нашего внимания.

Итак, мы с вами знаем, что современная культура чтения подвергалась целому ряду очень существенных атак, угроз

или — если выразиться более нейтрально, чтобы не впасть в панику, — новых вызовов. Сохранение культуры чтения — это в значительной степени дело образовательной системы. И само название сегодняшней дискуссии — «Образование и чтение» — об этом говорит очень кратко и емко. Если нашему молодому поколению не будет привита заново (или сохранена прежняя) культура чтения, начиная с детского сада, школы и заканчивая университетом, то все усилия библиотек, издательств, средств массовой информации останутся втуне — печатное слово не дойдет до школьников. Добавлю от себя, что мой стаж преподавания в вузе — 25 лет, в средней школе я сейчас не работаю, но полных 17 лет я с удовольствием этим занимался.

Мы проведем наше мероприятие как подиумную дискуссию. Сейчас я представлю участников, всем дам возможность выступить с краткими сообщениями (7–8 минут), чтобы мы успели потом послушать и аудиторию, а затем перешли к свободному обсуждению. Позвольте представить Сергея Владимировича Волкова, главного редактора газеты «Литература» (это одна из серий газеты «Первое сентября») и учителя русского языка и литературы известной московской школы № 57. Далее, Наталия Владичевна Дунаева, директор Центральной научной библиотеки Московской сельскохозяйственной академии. Анастасия Владимировна Николаева, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени Ломоносова. И наконец, Наталья Николаевна Сметанникова, президент Русской ассоциации чтения.

Ну вот, после серии вступительных слов я предоставляю возможность выступить участникам — в том порядке, как у нас изложено в программе. Сергей Владимирович Волков.

С. В. Волков

Большое спасибо. Уважаемые коллеги, понятно, что отвечать за все образование у нас, пожалуй, даже министр не мо-

жет. На самом деле никто не знает, как обстоит дело во всех тысячах наших школ, и все, что мы будем говорить, относится скорее к какому-то ограниченному опыту, чаще всего — собственному. Но мне в силу обстоятельств приходится аккумулировать опыт многих учителей литературы, потому что на нашу газету подписываются учителя во всех регионах, мы имеем связи со многими региональными школами, точками, центрами и в общем ситуацию себе представляем. Хотя еще раз повторяю, что картинка может не соответствовать действительности или мы можем ее интерпретировать как-то по-другому. Я выскажу сейчас несколько тезисов, которые, как мне кажется, друг с другом связаны, хотя, возможно, и не очень явно. Считайте, что это такой композиционный ход.

Первая мысль. Понятно, что образование без чтения невозможно. Если взять школьные предметы, читать не нужно, наверное, только на физкультуре. А на всех остальных предметах есть учебники, есть задачники, хрестоматии, есть что-то, что читать надо. И я не понимаю, как без чтения организовать процесс обучения. То есть образование — это та сфера, где, с одной стороны, ребенка читать принуждают, а с другой стороны, эта необходимость читать вытекает из самой ситуации естественным образом. А как иначе? Говорить о том, что в школе чтение отсутствует, а образование происходит, — это нонсенс. Наши дети в школе читают. Я специально подчеркиваю, что речь идет не только о художественной литературе, а обо всех предметах. Учебник физики тоже надо прочесть и понять.

Второй момент. Как мне представляется, образование — это система таких сообщающихся сосудов. Есть часть образовательного времени, которую ребенок проводит в школе. Это класс, это урок. И есть часть, когда он дома должен готовиться к классно-урочной части. Вот два таких «сосуда». И, как мне кажется, чтение (по крайней мере, в основном) приходится на эту самую «домашнюю» часть. Почему не на школьную? Вообще чтение как процесс — дело довольно зат-

ратное. На него нужно время. А школьное время так уплотнено и ограничено, что в реальности представить урок, на котором ребенок будет много читать (особенно в средних классах и тем более в старших), физически невозможно. Скорее он должен читать дома. И еще у школы есть другая задача — в ней встречаются люди, в ней есть возможность общаться. Книга в этот момент встречи часто не нужна, потому что организована встреча с людьми, которую дома ребенок получить не может. Дома он садится на диван, берет книгу и с человеком встречается опосредованно — через текст. А в школе есть возможность соотносить свои позиции живую. Поэтому, как ни парадоксально, образование на чтении стоит, но это чтение проходит не в моменты, «расписанные» для образования, не в урочные часы. Чтение происходит за их рамками, дома.

У нас всегда существовали способы проверки факта и качества этого домашнего чтения. Я себя вспоминаю в советской школе, и вы вспомните. Одно из самых распространенных заданий — мы дома учили параграф и потом у доски его пересказывали. В параграфе обычно несколько разделов, соответственно три-четыре человека у доски отвечали. И учитель понимал, во-первых, прочитали ли мы параграф, и, во-вторых, как прочитали. Это устная форма проверки. Письменная форма проверки — рефераты, доклады, то же самое. В силу разных причин в современной школе эти способы проверки перестают работать. Во-первых, вы сейчас практически не найдете школ, где учитель на уроке будет спрашивать параграф. Это не модно, это не современно. Ему нужно осваивать компьютерные технологии. Вот чтобы презентация была — это обязательно. Интерактивная доска — да. А параграф пересказать — это прошлый век. Сочинение и письменные формы контроля в школе тоже потерялись. Есть одно кардинальное отличие от советской эпохи: сегодня в Интернете решено все — все задачи всех учебников по всем программам. Все сочинения, какие только можно представить, написаны. Более того, в книжных магазинах — и крупных, и не очень — на полках стоят эти решебники. Можно

сразу купить учебник и к нему все решенное. Процесс сдачи письменных работ теперь происходит следующим образом. Не читая – важно, что чтение ушло (хотя тему я, конечно, прочел, надо же, чтобы соответствовало), – я сдал работу. Преподаватель, не читая, поставил оценку за сам факт сдачи. Вот такой обман. И от сочинения в школе во многом отказываются, потому что оно потеряло свою функцию – процесс идет, но в основе чтения – нет.

Отсюда следующий тезис. Вы должны понимать, что современной школе организовать, простимулировать и проконтролировать образовательное чтение дома очень трудно. Кажется бы, логично: если дома никак, если ребенку это нельзя доверить (он в Интернете найдет и все скачает), то давайте организовывать чтение в классе. Задействуем эту вторую часть. Никакого Интернета нет, и мы будем читать. Но все происходит ровно наоборот. Программы так раздуты, часы так сокращены, что до книг не доходит дело даже на уроке литературы. Мы очень хорошо можем проходить литературу в школе, не читая текста, и быть готовыми к ЕГЭ.

И последний тезис. Как мне кажется, современная школа потеряла еще одну вещь, которая больно ударила по чтению: школа перестала воспитывать человека пишущего. Человека, который сам производит текст. С одной стороны, все, кто занимается итоговой аттестацией и ЕГЭ, нам говорят: «Это неправда, коммуникативный аспект наших экзаменов теперь огромен. Мы перестали спрашивать у ребенка только теорию или знаки препинания. Коммуникация, коммуникация! Он должен везде писать! Возьмите часть “С” – он должен там писать текст». Это тоже оказывается некой формальной отговоркой, потому что к текстам, которые ребенок должен написать, предъявляются такие жесткие критерии, что сам процесс написания текста перестает быть таковым. Ребенок не текст пишет, значимый для него, а выполняет требования в соответствии с критериями. Вот, надо свое мнение высказать – значит, я должен два раза написать «по-моему». Надо доказать, что я понял мнение ав-

тора, поэтому нужно написать «с точки зрения автора...», а дальше уж хоть что-нибудь пиши. А что происходит, когда эксперт проверяет работу (нам об этом пишут из регионов, но, думаю, в Москве ситуация такая же)? Работа по проверке ЕГЭ стоит каких-то денег. Поскольку это все происходит перед отпуском, учителя стараются идти проверять — это приработок. И берут по 200—300 работ в день. Вы попробуйте прочитать 200 работ. К десятой работе все стирается, и учитель читает работу, ища: «по-моему» есть — ставлю балл, «автор считает, что...» есть — ставлю еще балл. И процесс создания текста, и процесс проверки становятся настолько формализованными, что во многом обесмысливаются. А ведь пишущий человек, как мне кажется, по-другому читает. Он читает как производитель, как человек, который видит материал и ловит наслаждение от того, что в этом материале разбирается.

И последний тезис. Что делать в этой ситуации? Во-первых, продолжать работать. Помните, как заканчивается роман «Разгром»? Пессимистическое название, а финал очень оптимистический: надо продолжать жить, продолжать выполнять свои обязанности. Вот и нам нужно это делать. Нужно собирать и распространять существующий во многих школах опыт продвижения чтения — это обязательно, не покладая рук. Нужно не давать прерываться традиции — всеми силами. Нас министерство так — а мы ему придумаем что-то в ответ. Они нам ЕГЭ, а мы постараемся как-то и в рамках ЕГЭ остаться приличными людьми. И совершенно очевидно, что назрела острая потребность — не знаю, как у других предметников, но у учителей литературы точно — вновь определить цели и задачи того, что мы делаем. Что такое преподаватель литературы? Зачем мы читаем с ребенком книжки? Раньше было понятно, зачем — написать сочинение. Сейчас нет сочинения. Так ради чего? Выясняется, что у нас не инвентаризированы стратегии преподавания предмета. Одни приходят преподавать литературу, чтобы воспитывать личность. Другие хотят научить читать. Третьи — развить творческие способности ребенка. Существуют четвертые, пятые,

шестые. Эти стратегии не описываются, они не сравниваются. И учителя в общем-то растерялись. Поползли такие мысли: а стоит ли держаться за историко-литературный курс в старшей школе? Мы его не успеваем освоить в любом случае. Может быть, чем читать с девятиклассниками непонятный им XVIII век, лучше почитать современную прозу, которая привлечет их к чтению? Не рухнет ли что-то еще, если выдернуть эту основу? Не превратить ли уроки литературы в повод для разговора о важном?

Вот вчера у меня был урок литературы, на котором я хотел сравнить два рассказа — «Дама с собачкой» и «Солнечный удар». Я думал о композиции, о деталях, о позиции автора. Через 15 минут дети мне сказали: «Сергей Владимирович, мы все это понимаем. Вот вам столько лет, сколько этому Гурову, герою «Дамы с собачкой». Вы в Ялту не собираетесь поехать, как он? А если курортный роман случится, что будете делать?» Вот, кажется, к чему этот вопрос? А их это волнует: «Что делать, если ты женат, а полюбил другую? А можно ли любить двоих? А у вас было такое в жизни?» Никто на уроке не спит, все готовы слушать, после урока не уходят. Но я как учитель, чем я занимаюсь, позволяя себе такой разговор, — литературой или нет?

Опросите людей на улице — они не помнят почти ничего из программы, а то, что Татьяна Онегину сказала «нет», помнят все. Композиция и прочее — неважно. Им литература жизненно важна как повод, от нее оттолкнувшись, пойти в сферы. Какие? Их интересно исчислить. Школьники начинают очень часто интересоваться экономикой (например, когда считают площадь вишневого сада и понимают, что она огромна — тогда они спрашивают, по поводу чего рыдания, ведь там несколько гектаров этот сад, оставь себе 8 соток и дом сохрани, чтоб не видеть дачников). Они начинают думать о политике, о семейных отношениях — ничего из этого в школе не преподается. А учителя литературы начинают чувствовать себя преступниками, когда перестают говорить о литературе и начинают говорить о жизни («А может, не надо?»). У нас в шко-

ле сейчас потеря ориентиров, особенно в преподавании литературы. Я вам описал ситуацию, как я ее вижу. Что с этим делать, не знаю, кроме как не прекращать работать. Спасибо.

Д. П. Бак

Большое спасибо за прекрасное выступление, но я рискну — поскольку роль модератора к этому обязывает — попытаться обнаружить и заострить противоречие. С одной стороны, действительно важно, что мы до сих пор не определили, зачем преподаем литературу. И те опции, которые были перечислены, очевидно друг другу противоречат. Да, это либо профессиональное чтение, либо разговор о жизни, либо развитие личности, либо развитие творческих навыков, письма и т.д. Надо это точнее определить. Но, Сергей Владимирович, чем точнее мы определяем параметры процесса, тем бывает хуже. Вы же сами сказали, что параметры «нарративного» фрагмента ЕГЭ очень четко обозначены. Вот я на своей собственной кафедре вчера выслушал специальное выступление о том, как преодолевать последствия ЕГЭ. Ребенка нужно отучить от того, чтобы он, видя перед собой фрагмент текста, на автомате говорил: «Так, понятно, — вот актуальность, новизна, мнение автора...» Поэтому, может быть, не надо здесь так все зашоривать и вгонять в конкретные рамки? Может быть, эту свободу оставить?

И еще одна вещь. Я призвал бы всех все-таки сделать выбор между двумя позициями. Либо твердить о том, что, дескать, все рушится и пропало, либо (как правильно сказал Сергей Владимирович) все-таки попытаться наметить пути выхода из кризиса. Важно понять, как в сложившейся ситуации жить — и с ЕГЭ, и с прочими радостями. Сын одного моего приятеля, очень большого русского поэта (имя его называть не буду), очень любит компьютер. Отец ему дал в руки книгу Конан-Дойля и сказал: «Вот прочтешь столько-то страниц, и пойдешь за компьютер». Сын дошел до фразы что-то вроде «И тогда Холмс...» и сказал: «Папа, я дочитал». И пошел к компьютеру.

Может быть, не драматизировать? Помните начало романа Гюго «Собор Парижской Богоматери», где речь идет о том, что «книга убила архитектуру»? Раньше книга была плодом нескольких лет труда. А с началом гуттенберговой эры книга перестала быть произведением искусства, она поставлена на поток. Тогда всем показалось, что устои обрушились. Массовые шоковые явления после ухода одной глобальной технологии и появления другой всегда были и будут. Я уверен, что количество людей, которые от корки до корки осияют любимые мною «Войну и мир», увы, будет неуклонно сокращаться. Я много раз читал роман, очень неплохо помню все подробности, даже консультировал студенческие спектакли в Школе-студии МХАТ, где преподаю литературу будущим актерам. Но я же вижу, что эта великая книга просто не очень соразмерна с ритмом нашей жизни, тем более — с ритмом жизни наших детей. Сколько человеко-часов нужно, чтобы прочесть эти четыре тома? Вот такой сдержанно оптимистичный тон дискуссии я хотел бы задать.

А сейчас я предоставляю слово Наталье Владичевне Дунаевой, директору Центральной научной библиотеки Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Н. В. Дунаева

Позвольте мне выразить благодарность организационному комитету Конференции за приглашение, за то, что приняли во внимание тот факт, что вузовские библиотеки, наряду с остальными библиотеками, также вносят определенный вклад в развитие и продвижение Национальной программы поддержки и развития чтения. И прежде всего эта работа связана с современной научной литературой и научным историческим наследием, о котором мы в последнее время стали забывать.

На эту работу вузовских библиотек, как правило, руководство вузов, а главное, Минобрнауки России не обращают никакого внимания. Эта работа не учитывается при лицензиро-

вании и аттестации вузов, не входит в планы работы и т.д. Представители Минобрнауки давно не посещали вузовские библиотеки, не встречались с их руководством, поэтому не знают истинного состояния дел. Деятельность вузовских библиотек пытаются свести к элементарному процессу выдачи учебников и подсчету того, сколько же учебников приходится на одного студента. В последнее время наметилась тенденция сокращения комплектования вузовских библиотек художественной литературой. Очень многое зависит от ректора и его отношения к библиотеке: там, где ректор – читающий человек, библиотека хорошая. Увы, таких руководителей не много. Я это все говорю к тому, что, наверное, полезно встречаться представителям вузовских библиотек с представителями Минобрнауки хотя бы на подобных конференциях.

В стране 59 аграрных вузов, следовательно, 59 вузовских библиотек объединены под эгидой Минсельхоза России. Но внимание к проблемам вузовских библиотек со стороны этого министерства не намного больше, чем со стороны Минобрнауки.

Теперь немного о старейшей в стране сельскохозяйственной библиотеке – Центральной научной библиотеке РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. Наша библиотека носит имя первого директора Петровской земледельческой и лесной академии проф. Н. И. Железнова, благодаря которому и была основана первая в России научная сельскохозяйственная библиотека. Традиции в нашем вузе сохраняются, в частности, в отношении библиотеки. Фонд постоянно пополняется и к настоящему времени насчитывает 2,6 млн единиц хранения, в том числе 1,8 млн томов научной литературы, около 500 тысяч томов учебной литературы, более 40 тысяч томов редких изданий, более 70 тысяч томов художественной литературы.

И позвольте отметить еще один момент. Три года назад руководство университета приняло решение, что необходимо ввести русский язык как обязательный общеобразовательный предмет на первом курсе, и была открыта кафедра рус-

ского языка для русских (кафедра русского языка для иностранцев у нас есть давно), в связи с чем вырос спрос на художественную литературу. В настоящее время в университете разрабатывается концепция интеллектуального развития студенчества. В этой работе принимают участие гуманитарно-педагогический факультет, проректор по воспитательной работе и ЦНБ. Главная задача этого проекта – вернуть студента к книге, к чтению.

Нами был проведен мониторинг читательского спроса. Кто читает? Читают в основном студенты (порядка 60% от общего количества), которые пользуются и печатными изданиями, и электронными ресурсами и являются постоянными читателями ЦНБ. Из преподавательского состава это приблизительно 12%. Вот такие интересные цифры.

Что читают? К сожалению, снижается интерес к периодическим изданиям, как научным, так и литературно-художественным, даже со стороны преподавателей. Практически никто не интересуется научным наследием. Для подготовки к занятиям студенты в основном используют учебники или информационные ресурсы Интернета. Для души ищут книги в отделе художественной литературы. Наиболее часто спрашивают Ремарка, Достоевского, в меньшей степени – Льва Толстого, и совсем небольшой спрос на «поляковых-донцовых» и прочих (не уверена, что это типичная статистика).

И еще один штрих. Мы открыли компьютерный читальный зал. Конечно, его услуги пользуются спросом. Но рядом с ним мы открыли читальный зал редкой книги – у нас очень большой фонд редких книг, и если раньше студентам мы не предоставляли возможности пользоваться ими, поскольку они действительно очень ценные, то сейчас решили редкие книги вытащить из запасников и позволить широкому кругу пользователей с ними познакомиться – во время книжных выставок и широких просмотров, посвященных юбилейным датам и историческим вехам аграрной науки. И

что мы заметили? Внимание студентов привлекают прижизненные издания, а не современные. Например, прижизненное издание книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» или прижизненное издание «Жизни растений» Тимирязева. Также вызывает интерес уникальность издания, как в случае запрещенной в начале 30-х годов повести А. Чайнова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Формирование мировоззрения студента, его культурного уровня, его круга общения и круга интересов – все это изначально было заложено в учебный процесс Петровской академии. И наша задача – не утратить, а продолжить эту традицию. Тематика рефератов и курсовых работ на кафедрах истории, философии, специализированных кафедрах зачастую связана с историческим научным и культурным наследием, историей аграрной науки и Петровки, ее знаменитых профессоров и их учеников. Сельское хозяйство всегда было для России одним из главных производств. Продовольственная безопасность и в наши дни является актуальнейшей проблемой. Поэтому очень важно, кто будет заниматься данной проблемой в ближайшем будущем. Важно, чтобы это были не просто специалисты – агрономы, зоотехники, генетики и селекционеры, менеджеры производства, а высокообразованные профессионалы с активной гражданской позицией и высоким культурным уровнем. Наша программа возрождения называется не «продвижение чтения», а «духовное развитие студента», это несколько шире, но без чтения (неважно на каком носителе) этой проблемы не решить. Будем работать. Что из этого получится – покажет время. Но мы настроены оптимистично.

Это все, что я хотела сказать. Спасибо.

Д. П. Бак

Спасибо большое за содержательное выступление.

Конечно, библиотека в вузе — это больная тема. Я сам курирую библиотеку в нашем университете и могу привести такой любопытный факт: в РГГУ, одном из ведущих вузов (у нас 30 филиалов по всей стране), штат преподавателей — чуть более 1000 человек. А в библиотеке работает 120 человек, то есть это огромное подразделение в составе университета. Но у него очень много проблем. Ведь что такое научная библиотека? Как она себя должна реализовывать в вузе! Повторяю, мы сейчас уже говорим не о школьниках, а об университете, институте, академии! Что библиотека должна делать, чтобы оставаться научной, а не просто быть пунктом выдачи учебников? Это очень сложный вопрос. Заниматься проблемами книговедения? Скорее нет. Может быть, как-то содействовать научным исследованиям преподавателей, аспирантов, дипломников? Наверное, да. А что для этого нужно делать?

Здесь, чтобы не утратить все-таки магистральное направление нашего обсуждения, я бы хотел тоже задать некую дихотомию. Про что же мы с вами, коллеги, говорим — про чтение художественной литературы или чтение вообще, в том числе научное? Об этом надо договориться, ведь это же совсем разные вещи. И второе влияет на первое.

Я вам приведу два коротких примера. Один мой коллега, профессор с мировым именем, говорит аспирантке (не своей, чужой): «Вы процитировали мою статью, но не дали ссылку. Мне не жалко, это ведь у вас просто реферат, но почему так произошло?» В ответ аспирантка говорит: «Сергей Юрьевич, а зачем? Ведь это же правильно!» Вот это влияние интернетного знания, которое «никому не принадлежит». «Дважды два — и помимо меня будет», как говаривал герой Достоевского. Это ничье, автоматическое знание. Чтение как multiple choice: «да, да, нет, да». Это влияет и на художественное чтение. Поэтому сама природа учебника — университетского в особенности — нуждается в ревизии, в особом рассмотрении.

Другой пример. Когда-то экзаменуемая студентка мне сказала: «Мой любимый роман Фолкнера – “Шум и ярость”». Я потираю руки (у меня он тоже любимый) и думаю: «Ну, сейчас поговорим». Спрашиваю: «А почему именно этот роман?» «А вы так сказали!» Это правильный, в общем-то, ответ, если обучение воспринимать как «пересаживание» идей из одной головы в другую. Но по моей шкале это «минус два балла» – подлинный диалог тут и не начинался!

Как же все-таки заглянуть в глубь строки? Это самая страшная проблема. Я не склонен думать, что это такая ужасная угроза – сокращение часов на литературу. Я готов научить человека читать и стать личностью, изучая, например, только Толстого, все семь лет средней и старшей школы. Я утрирую, конечно, но не надо ставить задачу обязательно пройти все. «А почему нет Платонова, а почему нет Майкова?» – подобные жалобы я считаю полной ерундой. Надо каким-то образом научиться воспринимать текст во всей его глубине. И именно художественный текст (я в этом убежден) способен и должен предопределять восприятие учебника и научного текста, а не наоборот, как часто бывает.

А теперь я с удовольствием предоставляю слово доценту кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ Анастасии Владимировне Николаевой. Наверное, разговор повернется в новую плоскость, я даже подозреваю в какую.

А. В. Николаева

Я считаю, что сказанная несколько мгновений назад фраза о том, что надо все-таки научиться заглянуть в глубь текста, в глубь строки, опасна. Мы читаем со студентами публицистику, изучаем газетные тексты. У меня студенты факультета журналистики, и на занятиях мы проводим лингвистический анализ (семантически-понятийный, стилистический) газетных текстов. И вот мы берем газетные тексты: «Холодный пот стекал туда, куда ему следовало стекать». Или читаем: «Рыба

моргала длинными белесыми ресницами». Или: «Девушка вздргнулась».

Д. П. Бак

Как?

А. В. Николаева

«Вздргнулась». Подчеркиваю, это все центральная пресса, не «желтая». И студенты в ужасе спрашивают: «Анастасия Владимировна, а что же с девушкой произошло?»

Д. П. Бак

Ясно. Вспоминается знаменитая опечатка: «На ее лице играл горячий румынец».

А. В. Николаева

Или читаем («Срочно в номер», «МК»): «На полу лежали две мертвые старухи. Одну парализовало еще при жизни».

Но даже там, где с точки зрения грамматики (и даже, возможно, с точки зрения семантики) все правильно, все равно все ужасно. Например, фраза: «На заводе произошел взрыв. К великому счастью, погиб только сторож». Люди совершенно не чувствуют ни коннотации слова, ни его оценочность – ничего. Чтение становится просто опасной ситуацией.

Д. П. Бак

Не совсем понял логику. Это как-то препятствует тому, что нужно пытаться заглянуть в глубь строки, чтобы правильно понять смысл?

А. В. Николаева

Я говорю о том, что сейчас мы живем в окружении таких текстов, в глубь которых заглядывать опасно для жизни. У них нет глубины. Вопрос: в силу чего это происходит? И как?

Мы пытались со студентами выяснять, почему они не читают, почему не пытаются найти те источники, которые помогут им ориентироваться в хорошей публицистике. Утверждают: все это прошлое, все это неинтересно и малопонятно. И так говорят не только наши студенты – многие. Именно поэтому известные филологи (например, доктор филологических наук Шаповал) осуществляют перевод на язык жаргона некоторых произведений литературы. Вот, «Слово о полку Игореве». Рефрен «О, русская земля...» – это «Рашен чернозем, дык уже в натуре за бугром». Или известное «Выхожу один я на дорогу...» – это «Без конвоя выломлюсь по трассе...». Такие «переводы» существуют, и филологи – не студенты, не молодежь – утверждают, что это ближе, это лучше и понятнее. Мол, пусть так изучают, пусть лучше так читают, чем вообще никак.

Я своим студентам говорю: «Жаргон понятнее, “олбанский” понятнее, “язык падонков” понятнее?» – «Да, нам понятнее и приятнее». Тогда я собрала у них очередные контрольные работы и расставила оценки таким образом: «ржунимагу», «аффтар жжот» и так далее. И раздала им. Оказалось, что все-таки они консерваторы. Спрашивают: «Анастасия Владимировна, а что это значит?» Я говорю: «Ну, вы же сказали, что понятнее. Вы же сказали, что лучше. Вот вам и оценки соответствующие. И если мы дальше будем двигаться в таком направлении, я и в зачетку такую же оценку поставлю. Или давайте думать и что-то менять».

Ситуация на самом деле достаточно серьезная, поскольку нагрузка в школах действительно большая. И мне всегда очень интересно слушать учителей, указывающих на те проблемы, которые существуют. «Эхо Москвы» в двух последних передачах обращалось к теме грамотности, и учителя принимали в них участие. Например, Евгения Семеновна Абелюк сказала,

что в ее практике бывают такие случаи, когда лучшие дети (в том числе олимпиадница, без экзаменов поступившая на фил-фак) пишут достаточно посредственно тест по ЕГЭ. Когда я была в прошлое воскресенье на «Эхе Москвы», там также была учительница школы № 1420 Елена Константиновна, которая сказала: «Удивительно, но самые высокие результаты по ЕГЭ были у нас в школе тогда, когда мы еще не начали к нему готовить, в первый год». Представляете, как интересно?

Что-то меняется не в лучшую сторону. Что-то произошло с нашим образованием, что не дает возможности поддерживать его даже на уровне прошлого. И с этим мы столкнулись на факультете, когда стали разговаривать со студентами на собеседовании, стали давать им какие-то диктанты. Я всегда считаю, что надо спрашивать самих студентов, абитуриентов, школьников. На «Эхе Москвы» была и наша студентка Настя Беляева, и ведущий ее спросил: «Вот вы себя чувствуете полноценной студенткой, или вам чего-то не хватает?» И она спокойно так, искренне отвечает: «Нет, не чувствую. Мне не хватает начитанности». Она поступила и чувствует, что ей чего-то не хватает, причем очень серьезно. И здорово, что они это чувствуют, потому что то, с чего они начинают, вызывает определенные вопросы. Например, элементарные беседы. «А когда Университет появился?» — «При Екатерине». — «А когда Екатерина жила?» — «В прошлом веке». — «Ну хорошо, в прошлом веке. Значит, твои родители — крепостные?» — «Нет» (задумчиво так).

Д. П. Бак

Ну, да — как в том анекдоте, когда сын спрашивает у матери: «А Ленин был до революции или после?»

А. В. Николаева

Да, примеров масса.

«Словарь Даля когда был напечатан?» — «В конце прошлого века». — «Ой, так это ж совсем недавно?» — «Да». — «Жив Даль?» — «Ну, наверное». — «Интервью возьмете — я вам “пять” в году поставлю».

И вот такие абсурдные разговоры происходят довольно часто. Но! При этом они хотят — хотят узнать. После этой печальной ситуации, когда у нас 82% не написали диктант (причем не просто не написали, а сделали столько ошибок, что в некоторых работах хотелось написать «Количество ошибок подсчету не подлежит»), мы организовали дополнительные занятия по орфографии. Так вот там аншлаг. Ребята хотят. Они хотят писать, они хотят читать, если им говорят что. Я считаю, что без этой практики развития письма, без умения самовыражаться — а это невозможно без чтения — мы просто потеряем нацию, попадем в ситуацию коммуникативной неадекватности, потому что уже, к сожалению, часто друг друга не понимаем. Сегодня вечером я иду на радио, где меня просят объяснить, почему люди не понимают язык, которым к ним обращаются чиновники. Там нет таких ошибок, там другие слова. Но тоже никто не понимает, что такое стабилизация. Мы будем живы или все умрем, да? Что такое модернизация? А бизнес-инкубаторы? Оттуда же вообще какие-то уроды выйдут, как считает народ.

С одной стороны — такой язык, с другой — «ржунимагу», с третьей — самое актуальное направление журналистики — журналистика видеоряда, то есть картинки. Мне мои студенты говорят, что вместо газет будут комиксы с коротенькими надписями. Общество, которое теряет адекватную коммуникацию, перестает быть обществом, это известно. Поэтому проблемы есть, и их нужно решать.

Д. П. Бак

Спасибо большое, Анастасия Владимировна. Я вам с удовольствием поаплодирую, но, конечно, как и положено, не

согласусь с тем, что нельзя заглядывать в глубину текстов, подобных тем, которые вы привели. Только сегодня в 9 утра в Школе-студии МХАТ на курсе Константина Аркадьевича Райкина, где я преподаю, я объяснял (даже не думал, что это нужно) строки Пушкина:

Не дай мне Бог сойти с ума,

Нет, легче посох и сума.

Что такое «сума», им совершенно непонятно. Даже высказывались предположения, что это «сумма». Выясняли минут пять, что это нищенская сума. То есть надо вглядываться в Пушкина на таком уровне. Между прочим, все ли ответят, что такое «дольней лозы прозябанье»? На память-то эти строки все знают, но что значит «прозябанье»? Это «прорастание», а вовсе не «холод, замерзание». Это значит, что герой пушкинского стихотворения, превратившись в пророка, чудесным образом одновременно услышал, и как ангелы летят в эфире, и как растет трава: «и горний ангелов полет, и дольней лозы прозябанье». Это надо специально разьяснять. Но и в современные тексты надо заглядывать — даже в самые, на первый взгляд, никчемные. Если ребенок о них знает, их слышит, — их надо объяснить, а не просто хулить. Надо прислушаться и к так называемому «олбанскому» языку — я в этом убежден. Не надо этого чураться. Надо показать, на чем он основан и почему совершенно не применим в официальной речи.

Все наши тревоги, наши — иногда высокомерные — попытки отстраниться от современных процессов совершенно не учитывают той реальности, в которой живет ребенок. Возьмите Интернет. Здесь ведь впервые в человеческой истории устная речь зафиксирована на письме. Обычно устное слово бытует где-то в стороне от литературного языка, в параллельной реальности. А все сетевые чаты — это именно устная речь, которая записана. Это абсолютно новая языковая и культурная реальность. Возьмите язык смс-сообщений — там нет знаков препинания, это новый телеграфный

стиль. То есть язык объективно подвергается натиску со стороны экстралингвистических факторов, которые не зависят от уровня образования. Возьмите слово «экстрим». Оно есть? Есть. А как же тогда быть со словом «экстремальный», как проверять безударный гласный? Получается, что школьные правила не работают, иначе надо переходить на написание «экстремальный» — как многие в простоте своей и поступают. Надо со всеми этими новыми явлениями работать, надо заглядывать внутрь текста, каким бы он ни был. Я в этом уверен.

А теперь я предоставляю слово президенту Русской ассоциации чтения Наталье Николаевне Сметанниковой.

Н. Н. Сметанникова

Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я немного вернусь к теме сегодняшней дискуссии и, выступая от имени Русской ассоциации чтения, скажу, что в нашей Ассоциации присутствуют как учителя, так и библиотекари, и представители многих других специальностей, которые занимаются чтением. Из выступлений моих коллег вы могли составить мнение, что система образования по отношению к чтению сегодня деструктивна. Во многом это так. Вы вдумайтесь: все сдали ЕГЭ, а после этого в вузе вводится на первом курсе русский язык. Представители старшего поколения, которое помнит еще студентов прежних времен, говорят, что когда берут сегодняшних студентов первого курса, у них такое ощущение, что это дети, которые никогда не учились в средней школе. Как будто они дают высшее образование тем, кто закончил начальную школу.

Я хочу здесь развести несколько вещей. У нас ведь чтение является целью обучения в начальной школе — там учат технике чтения, элементам понимания. И надо сказать, что сейчас начальная школа в этом в какой-то степени продвинулась. Во всяком случае, они переделали свои стандарты и акценти-

ровали, что целью обучения чтению в начальной школе является понимание текста (в отличие от прежних времен: техника чтения, скорость, темп и все остальное — это было в течение многих-многих лет). И в принципе результаты есть — наши дети, заканчивая начальную школу, читают достаточно прилично.

Я хочу обратить ваше внимание на один социологический показатель. В пятом—шестом классе дети ответили, что они читают (неважно что — учебник, книжку) в течение одного часа в день. Это на все уроки, на все чтение дома. Немного отвлекусь. Сейчас мы проводим большой эксперимент по школам. В седьмом классе у детей семь-восемь уроков. Эксперимент построен так, что они должны читать и работать с текстом в течение трех уроков (с переменами). Дети активного чтения, активной работы выдерживают полтора урока, 60 минут. Все! В седьмом классе, в 13 лет. Дальше они устают читать настолько, что говорят: «Мы устали, мы больше не можем читать». Это тот рубеж, к которому мы подошли. Читать более 60 минут — для них запредельная трудность. И это читать они могут 60 минут, а писать они отказались уже через 20 минут. Сказали: «Писать мы не можем вообще».

Что сделал Интернет? Он социально сравнивал школы. Дети обращаются к Интернету что в сельских школах, что в городских. Но мы не преодолели пока того, как Интернет влияет на русский язык. Большинство письменных ответов не имеют формы предложения — нет заглавных букв, нет точек. В такой работе не просто дети безграмотны, там вообще нет связной речи. Вот что происходит в реальности.

Итак, в начальной школе более-менее справились, приходим в среднюю. Вот здесь у нас идет раздвоение. С одной стороны, есть русский язык и литература, где они читают (ну, должны, скажем так, что-то читать, писать и обсуждать — эту часть Сергей Владимирович вам обрисовал). С другой стороны, есть все остальные предметы, где дети читают дома, обсуждают, рассказывают и выполняют какие-то зада-

ния в классе. Что предполагается? Предполагается, что мы у них формируем общеучебные умения, то есть умение учиться, и коммуникативные умения, то есть умение общаться. И затем уже предметные знания. На самом деле ни первого, ни второго нет. Про предметные знания могут сказать уже предметники. В итоге чтение как учение, чтение как общение вычеркнуто из средней школы вообще. Предметники этому не учат. На все разговоры о том, как бы это ввести, отвечают: «Это не наша задача. По программе образования мы должны им дать предметные знания. Знает физическую формулу, может ее написать — все. А как он ее читал, где, как он ее будет обсуждать — это не наше дело». Итак, предметники этим не занимаются, специальной дисциплины у нас в средней школе нет, и, соответственно, людей, которые умеют это делать, тоже нет. Спросить не с кого. Неслучайно здесь нет Министерства образования. Чтение в школе — бесхозный предмет. Пригласите кого-нибудь из начальной школы — вам расскажут про технику чтения. В средней и старшей школе такого предмета нет. Есть русский язык и литература, но там свои проблемы — по содержанию и т.д. Пока такого предмета не будет, и разговора никакого не будет.

Второе. В начальной школе убрали урок внеклассного чтения. 12 лет — активный читатель, все прекрасно знают. Если ребенок к 12 годам не начинает свободно дома читать книжки, которые сам выбирает, он активным читателем не становится никогда. Задумайтесь об этом. Дети не возвращаются к детскому чтению. Ребенок может потом стать деловым читателем, но настоящим читателем он не будет. И на фоне этого убирается урок внеклассного чтения, который приобщал детей к чтению.

На школьного библиотекаря в итоге падает такая нагрузка! Раньше он ее хотя бы делил с учителями. Про школьные библиотеки и их проблемы я сейчас говорить не буду, вы сами это знаете лучше меня. Значит, опять у нас есть лагуна, опять некому этим заниматься, и встает целый ряд проблем.

Поэтому все равно пока мы ищем пути выхода из этой ситуации. Мы работаем с библиотекарями, с учителями. Мы говорим о библиотекаре-педагоге, о методологе чтения. Мы говорим с «Просвещением» о том, что в учебниках первые несколько параграфов должны быть посвящены тому, как работать с данным учебником, — сейчас только Граник делает такие учебники, но они должны быть по всем предметам. Нам нужно каким-то образом эту проблему решать. Корень зла в том, что нет предмета, нет учителей. Вы сами понимаете, что нет предмета — не о чем говорить.

Все, спасибо.

Д. П. Бак

То есть нет предмета — нет проблемы, да? Спасибо большое, Наталья Николаевна.

Мне хотелось бы заострить один из тезисов, который кажется особенно верным. Навык чтения закладывается даже не в начальной школе, а раньше. Я помню, в первом классе у меня был первый учитель, Захар Степанович. Он говорил, что, чтобы запомнить текст, надо дома его прочесть много раз, лучше всего десять. И он у меня спрашивал после того, как я бойко прочитал заданное на дом: «Вот скажи всем, Бак, а сколько ты раз читал дома?» И я после паузы говорил: «Десять» — чтобы не подводить учителя. Хотя учебника и в руки не брал, мне было просто непонятно, зачем тренироваться, чтобы читать, это я уже умею! Навык чтения должен приобретаться в три, максимум — четыре года, а это еще дошкольное образование. Здесь все решается, в дальнейшем становится уже поздно, особенно с учетом натиска визуальной культуры, Интернета. С этим ничего не сделаешь, тут бесполезно сетовать.

Еще одна важная вещь: в советское время мы точно знали, для чего нужно образование — чтобы подготовить чело-

века идейно грамотного, ориентирующегося в соответствующих идеологических установках. Плюс — человека, который готов к деятельности в народном хозяйстве. Все было понятно. Сейчас не совсем ясно, в чем же суть образования. Для чего мы учим детей? Чтобы они сделали карьеру, достигли успеха? Чтобы ребенок стал «развитой личностью»?

Я бы даже шире поставил вопрос, чем наш первый оратор. Вот во Франции, например, один из приоритетов среднего образования — умение создать письменный текст на отвлеченную тему. Французская культура риторична по своей природе, поэтому выпускник средней школы обязательно умеет создать философский текст. У нас этот навык утрачен. Может, как-то в этом направлении действовать? Один из приоритетов — создание своего собственного письменного текста, построенного по каким-то определенным канонам (это не отменяет «олбанского» языка — его невозможно запретить, пусть он существует в каких-нибудь маргинальных сообществах). Ценится умение создать текст — и это не обычное сочинение на стандартно сформулированную тему. Мы знаем, что современная французская культура началась с Монтеня, Ларошфуко, Паскаля и подобных фигур. Я не призываю нас всех двигаться по направлению к Франции: русские — не французы. Но тем не менее мы должны научить школьника создавать текст на «свободную» тему — текст, который призван доказать умение человека рассуждать обо всем: о чернильнице, о погоде, о первой любви, о Пушкине и Чехове, если угодно. Вот этого навыка — не чтения, а письма! — совсем нет. Может быть, этот приоритет стоит восстановить? Тогда, возможно, мы что-то сдвинем с места.

У нас осталось достаточно времени для разговора, и я бы хотел теперь дать слово аудитории. Только очень прошу говорить кратко, желательно, отталкиваясь от тех четырех выступлений, которые были.

Прошу вас.

Н. А. Сомова

Во-первых, сердечно приветствую собравшихся здесь деятелей культуры.

Во-вторых, я хотела обратить внимание всех присутствующих: если пройти сегодня по мудрым мыслям — а их было высказано чрезвычайно много, — складывается интересная картина. Сергей Волков сказал: «Сегодня я наблюдаю потерю ориентированности преподавателей литературы». Позвольте дополнить эту мысль — несколько лет назад она звучала в другой редакции: «Первыми, кто потерял ориентирование в предмете, говоря с детьми, были преподаватели истории, потому что в ходе ревизии, переписывания истории, осуществленных в последнее десятилетие, все смешалось в их головах». Резюмируем: сегодня две глобальные науки — литература и история — это те области, где учителя потеряли главные ориентиры.

Д. П. Бак

Какие ориентиры? В одной фразе, пожалуйста.

Н. А. Сомова

Сначала мы запутались, что такое Октябрьская революция — революция или переворот. Потом запутались в вопросе, кто начал Вторую мировую войну и кто в ней победил. Продолжать не буду. Циолковский сказал: «Все науки делятся на науки точные и сомнительные». Точные — это те, где к истине ведет один четко определенный путь. Сомнительные (и мы находимся в этой сфере) — не значит плохие. Но это те науки, где к конечному результату можно прийти совершенно разными путями. Поэтому в принципе неважно, где стартовать. Я не спрашиваю, что делать — Евгений Иванович это указывает вместе с Федеральным агентством. Я не спрашиваю, кто

виноват. Я спрашиваю: «Где третий год Минобразования как участник конференции по чтению?»»

Д. П. Бак

Вопрос понятный и правильный. Спасибо.

Пожалуйста, следующий выступающий к микрофону.

Т. Ю. Березовская

Я выступаю не от Министерства образования, а от Федерального института развития образования. Я руковожу Лабораторией инновационных методов и адаптивных технологий, что в переводе на простой русский язык означает просто что-то новое. Если мы говорим о чистоте наших помыслов в связи с тем, что написано, и говорим о языке (потому что без языка невозможно понимание чего бы то ни было), то мы не должны сами делать какой-то уступки. Сегодня мы слышали о том, как воспринимают наши дети киберязыки. Но мы и сами участвуем во всем этом — когда отправляем смс на киберязыке. Ставим ли мы при этом знаки препинания? Я сама ставлю, но мои собственные дети, отвечая мне, часто не ставят — им некогда.

Возвращаясь ко всему тому, о чем мы сегодня выслушали содержательные доклады, мне хочется их как-то объединить. Их роднит ощущение тревожности. Но если мы будем говорить только об этом, то просто поплачемся друг другу и разойдемся. Очень не хотелось бы, чтобы наше сегодняшнее заседание закончилось именно так. Но во всех выступлениях звучало: «Что же делать? И можно ли что-то делать?» Абсолютно уверена, что можно. Что же? В первом докладе выяснилось, что наших детей, оказывается, привлекает литература — пусть даже интерес их выражается в вопросе, поедем ли мы в Ялту, памятуя про «Даму с собачкой». В этом случае на перемену никто не стремится. У меня был точно такой же опыт. Я лингвист и преподаю иначе, чем учат в

школах. И я точно знаю, что заниматься языком с позиции математической логики дети готовы с утра до вечера.

В чем же дело? Давайте начнем с самого начала. Что такое литература — любая? На мой взгляд, это опыт предков в любой сфере, переданный нам в той форме, в которой получилось и в которой мы это видим. В таком случае, как говорят сами дети, старшеклассники, надо начинать любой учебник, любую книгу не с биографии писателя. «Почему?» — спрашиваю я. Они очень хорошо умеют объяснить: «А потому. Если вы мне говорите, что Марина Ивановна Цветаева родилась там-то, а папа ее имел отношение к музеям (Марину Ивановну не знаю, папу не знаю, музеев не знаю), я сижу и слушаю просто потому, что надо слушать». Что остается — трудно сказать. А как иначе можно? Вот я объясняю деепричастие. Привожу пример из Пастернака: «Как обещало, не обманывая, вставало солнце утром рано...» «Как-как?» Повторяю фразу еще раз — мне надо деепричастие. А они спрашивают: «А как это, что это значит?» Объясняю: «Ну, вы представьте, сколько раз нужно обмануть человека в жизни, чтобы он верил только солнцу». И мы застреваем на деепричастии точно так же, как это получилось у докладчика с Ялтой в «Даме с собачкой».

Подчеркну, что я рассказываю про Летнюю школу для одаренных детей России. Вечером директор библиотеки говорит мне: «Что это вы сегодня с ними сделали? У меня три книжки Пастернака — накиннулись как сумасшедшие все». Я опускаю сейчас, что имя Пастернака ни одному из них — одаренных детей России! — ничего не скажет. Но интерес к языку есть. Если дети узнают, что можно знаки препинания расставлять не так, как учат в школе, то просят: «Расскажите все знаки препинания». «Что, сутки будете сидеть?» — «Сутки». Если детям интересно, как поступить, когда разлюбил, то, пока не объяснишь (как ты понимаешь, или как Чехов понимает), они не отстают. Значит, не дети наши не хотят читать, а мы не умеем этому учить. Надо это признать. Можно ли научиться? Можно. Есть методы, есть техноло-

гии, переведенные в практику. Вывод очень простой: надо нам понять, что надо им.

Д. П. Бак

Спасибо. Но почему же все-таки так остро стоит проблема с учителями, если эти технологии воплощены? Почему так мало соотносятся эти инновации и стандарты подготовки педагогов? Почему такой недобор в педагогические вузы, как был в этом году? Почему такая жгучая проблема с подготовкой учителей, если так все благополучно? Хотя с общим пафосом я совершенно согласен.

Прошу, следующий.

Т. Г. Галактионова

Здравствуйте, уважаемые коллеги. Так получается, что мы с предыдущим выступающим берем на себя некоторую ответственность за образование. Естественно, мы не отвечаем за Министерство, но как представители образования мы не можем здесь молчать, и нам важно обозначить свои позиции. Действительно, в предыдущих выступлениях звучала тревога, отмечались те отрицательные моменты, которые мы видим, понимаем, осознаем. Но мне кажется, что одной из задач встреч подобного рода является не только констатация проблемы, но и поиск, акцент, популяризация крупниц (а возможно, и не крупниц, а целой россыпи наработок, которая есть в российском образовании и культуре), позволяющих и поддерживать, и развивать чтение в нашей стране. В частности мне бы хотелось очень кратко представить уважаемому сообществу одну петербургскую инициативу, которая обозначена у нас как проект «Успешное чтение». Его инициаторами выступили два университета — Санкт-Петербургский государственный университет и Российский педагогический университет при участии Фонда поддержки образования.

Д. П. Бак

Если можно, кратко. Сегодня у нас не та беседа, где можно много говорить о собственных достижениях.

Т. Г. Галактионова

Я просто хочу привести успешный пример педагогического опыта решения проблемы. В настоящее время при том, что чтение официально заканчивается в начальной школе, что нет специального предмета, существует возможность поиска такой формы, как надпредметная программа. Через ресурсы разных предметов, с акцентом на культуру чтения, с вкладом различных преподавателей идет попытка решить проблему.

Д. П. Бак

На каких часах, в какое время это делается?

Т. Г. Галактионова

Это не дополнительные часы. Команда педагогов, понимая значимость развития культуры чтения, реализует инициативу в рамках своих предметов.

Д. П. Бак

В вузе или в школе?

Т. Г. Галактионова

В средней школе. В частности, в рамках проекта был создан учебно-методический комплект «Успешное чтение»:

теория и практика», где предложены и форматы рабочих тетрадей, и различные рекомендации для учителей по реализации.

Д. П. Бак

А в Интернете есть какой-то материал?

Т. Г. Галактионова

В Интернете есть сайт, у меня есть небольшой раздаточный материал, и я при желании могу с коллегами поделиться.

Значимым моментом в рамках современных технологий является выход в формат образовательных социальных сетей. Сейчас набирают обороты разные сети, но вот наш проект представлен в образовательной социальной сети «Дневник.ру», куда входит более тысячи школ. Это возможность как-то влиять на интернет-пространство.

И наконец, последнее, но не менее важное. В ответ на жалобы, что действительно нет специалистов, мы можем с гордостью сказать, что в Петербурге делаются первые шаги для решения данной проблемы. В частности, на базе Педагогического университета создана первая — я не знаю аналогов — магистратура «Социально-педагогические технологии развития чтения». Это попытка выйти на уровень следующей ступени высшего образования в осмыслении педагогической культуры чтения.

Спасибо за внимание.

Д. П. Бак

Большое спасибо вам.

Осталось от силы несколько минут. Два-три оратора максимум.

Прошу.

А. И. Лысенко

Здравствуйте. Хочу сказать, что сегодня не затронули вопрос о том, каким мусором, кроме Интернета, заполняются библиотеки, в том числе и школьные.

Д. П. Бак

То есть весь Интернет – мусор?

А. И. Лысенко

Нет, я имею в виду отрицательную сторону Интернета, но не утверждаю, что положительной стороны нет.

Каким материалом наполняются библиотеки? Сейчас издает каждый, кто хочет и что хочет. Графоманы, сообщества литераторов, разные союзы писателей. И это потоком идет в библиотеки.

Д. П. Бак

А зачем библиотеки это все берут?

А. И. Лысенко

Причин много. Не всегда есть критерии, особенно в сельских, дальних библиотеках. Сам библиотекарь не всегда разберется, какая к нему пришла книга. И это нам бы надо исправить – используя рычаги и библиотек, и Федерального агентства по печати, и т.д. А библиотекарям я хочу предло-

жить, если все-таки подобная книга попадает к ним, ставить ее отдельно в разряд «непрофессиональная литература».

Д. П. Бак

А лучше вообще не брать.

А. И. Лысенко

Согласен.

Д. П. Бак

Спасибо.

Прошу, следующий.

Л. В. Дудова

Добрый день. Позвольте высказать свое мнение о проблемах чтения, как они видятся представителю от системы образования.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это необходимость разведения в рамках дискуссии проблем чтения и проблем изучения литературы. В общественном сознании сложилось мнение, согласно которому обучение чтению и изучение предмета «Литература» — это явления одного и того же порядка. Смею вас заверить, что это не совсем так. Предмет «Чтение» в школе отсутствует, но есть предмет «Литературное чтение», который изучается в начальной школе, и предмет «Литература», преподаваемый в основной и старшей школе. Обучение чтению как виду учебной деятельности осуществляется в рамках базисного учебного плана начальной школы на примере работы только с художественными текстами, потому и предмет называется «литературным чтением».

Задача, которую должен решить учитель начальных классов, состоит в том, чтобы научить ребенка понимать предложенный художественный текст на уровне содержания, пересказывать его, различать эпические и лирические жанры, а также овладевать начальными навыками разных видов чтения. Очевидно, что все остальные вопросы на начальном этапе обучения чтению, связанные с чтением как видом учебной деятельности, остаются вне рамок школьной программы.

В основной и старшей школе предмета «Чтение» нет, есть предмет «Литература», который официально призван являться одним из основных источников обогащения речи учащихся, формирования их речевой культуры и коммуникативных навыков. А специфику этого предмета разработчики стандартов и программы видят в том, что он представляет собой единство словесного искусства и основ науки (литературоведения), которое изучает это искусство.

Как видим, и в рамках этого предмета не просматривается никаких подходов, свидетельствующих о том, что учитель-предметник помогает своим подопечным овладевать искусством чтения. Но, может быть, ответ содержится в постановке целей изучения предмета? Действительно, среди целей есть таковые и отнесены они к разряду главных, хотя и стоят не на первом месте.

В рамках учебного предмета «Литература» предусмотрено чтение «вершинных» произведений отечественной и мировой литературы, и оно должно сопровождаться анализом, основанным на понимании образной природы слова. В программе зафиксирована необходимость поэтапного формирования умений читать, комментировать, анализировать и интерпретировать художественный текст, понимать смыслы, заложенные в художественном тексте (или любом другом речевом высказывании). Нетрудно заметить, что учебный предмет «Литература» работает с текстами художественными и учит постигать язык и смыслы словесного вида искусства посредством инструментария, который для

этого существует и представлен в такой области филологической науки, которая называется теорией и историей литературы.

О стратегиях чтения, о работе с разными видами текстовой информации (деловой, научной, публицистической и др.) в требованиях к освоению предмета речи не идет, программа фиксирует необходимость формирования у учащихся умения работать с разными источниками информации без конкретизации этих источников.

Даже беглый анализ нормативных документов, которые являются обязательными для выполнения учителем школы, показывает: до тех пор, пока не будут разведены понятия «чтение» и «литература» в базисном учебном плане общеобразовательной школы, у нас будет существовать проблема обучения чтению. Уроки чтения – это совсем не уроки литературы. Литературоведения, которое изучает специфику литературы как вида искусства, в школе нет. Оно растворено в предмете «Литература». Нет и предмета «Чтение», содержанием которого стало бы обучение одному из важнейших видов речевой деятельности. Нужно ли вводить такой предмет в базисный учебный план как отдельный или содержание этого предмета должно быть неотъемлемой частью содержания образования по любому предмету учебного предмета – большой вопрос. Но то, что без овладения чтением как базовым видом учебной деятельности успешного обучения не может быть ни по одному предмету, очевидно.

Второе. Сложилось мнение, что обучение чтению в общеобразовательной школе – это исключительная прерогатива учителя русского языка и литературы или начальных классов. Такой подход абсолютно неверен. Методиками обучения чтению обязаны владеть все педагоги, так как формирование навыков чтения отнесено к базовым компетенциям и отвечать за результаты должны учителя, ведущие любой предмет в школе, включая физическую культуру, музыку, технологию. Когда два года назад в результате диагностической работы по математике 75% процентов учащихся 11 классов полу-

чили неудовлетворительные оценки, все методисты по математике сказали, что причина заключается не том, что наши дети не знают математики, а в том, что не умеют читать. Хочу отметить, что, отвечая за работу предметных комиссий по русскому языку и литературе в рамках ЕГЭ в городе Москве, я сталкиваюсь с этой же проблемой. Наши дети допускают досадные ошибки в выполнении заданий на экзамене именно потому, что многие из них не могут читать.

Д. П. Бак

А какие учителя должны преподавать чтение?

Л. В. Дудова

Чтение (как абсолютно правильно отметила Наталья Николаевна) — это то, что относится к общеучебным умениям, а потому формирование этих умений — дело любого учителя-предметника. В Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования подготовки учителей обязательно должны быть включены дисциплины, связанные с обучением будущих педагогов стратегиям и технологиям чтения разных видов текстов, представленных на разных носителях, методикам работы с различными источниками информации, способами ее обработки и презентации в соответствии с поставленной учебной, научной или иной образовательной задачей. Текст, который анализируется на уроке литературы, и текст, который анализируется на уроке физики, химии, иностранного языка, — это разные тексты, а потому и работать с ними надо по-разному.

Д. П. Бак

В педвузе?

Л. В. Дудова

Да, я имею в виду стандарты высшего профессионального педагогического образования. Мы спрашиваем: почему не владеют? Да потому, что их этому не учат. Считают: нет такой дисциплины, нет такой науки. Обучению чтению не учат и выпускников университетов и институтов культуры по направлению «Специалист в области библиотечно-информационной работы». До тех пор, пока не будут расставлены акценты на том небольшом перечне проблем, которые здесь были озвучены, мы будем иметь проблемы с читателем и с чтением.

И в заключение. Я абсолютно разделяю обеспокоенность моего коллеги из Орла. Комплектование библиотек школ и вообще образовательных учреждений идет исключительно по пути минимизации. Что это означает? Комплектование только учебниками. Сворачивается количество наименований, которые связаны с профильным обучением, с научной, научно-популярной, справочной, энциклопедической литературой. Я уже не говорю о том, что катастрофически сужается перечень периодических изданий, которые может себе позволить школа. Разве можно воспитать читателя, если фонды школьных библиотека катастрофически минимизируются?

Спасибо.

Д. П. Бак

Спасибо, мысли понятные.

Если можно, последний оратор.

Т. С. Маркарова

Спасибо большое.

Российская академия образования очень плотно занимается изучением процессов чтения с разных точек зрения на стыке таких научных дисциплин, как педагогика, психология, филология и социология. Коллеги, позвольте высказать свое частное, но, на мой взгляд, довольно распространенное мнение: я глубоко убеждена, что в школе, да и в вузе, проблемы чтения — это задача учителей русского языка и литературы и преподавателей-языковедов. Ведь на уроках русского языка и литературы должны учить — и в некоторых случаях учат — работать с текстами разных стилей и жанров. А что есть чтение как не восприятие текста, понимание текста, работа с текстом? В Научную педагогическую библиотеку им. К. Д. Ушинского Российской академии образования приходят подготовленные пользователи (редко — студенты, чаще — аспиранты и научные сотрудники). Некоторые из них даже способны сформулировать запрос. На мой взгляд, усиление уроков русского языка и литературы, увеличение количества часов, несомненно, будет способствовать развитию навыков чтения и понимания прочитанного.

Мы ругаем Интернет как большую помойку и вредоносный источник. Но Интернет (в том числе и русский Интернет — Рунет) уже существует и всюду развивается, и молодежь в этом пространстве живет. В конце концов, наряду с безграмотными ресурсами есть портал «Грамота.ру», есть Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» и много других достаточно корректных и легитимных образовательных порталов. Людей надо учить работать в Интернете. И это сегодня в основном функция библиотек, ибо обеспечение доступа к информации в современную эпоху немыслимо без электронных ресурсов и мирового, и отечественного информационного пространства. Вместе с тем, на мой взгляд, необходимо каким-то образом «причесать» интернет-ресурсы, классифицировать и стандартизировать (что ни в коем случае не означает жесткой регламентации), для того чтобы человек в зависимости от целей, задач своих запросов смог разобраться в этом без-

донном море информации. Чтобы можно было, как сказал Сергей Владимирович, жить в этих реальных условиях и продолжать работать. Спасибо.

Д. П. Бак

Большое спасибо.

Коллеги, я понимаю, что можно очень долго беседовать на эти важнейшие темы. Прежде всего благодарю наших замечательных докладчиков и думаю, что в ходе этой — временами очень острой — дискуссии мы сделали пусть маленький, но шаг навстречу ситуации, которая описана у Пастернака в стихотворении «На ранних поездах». Там есть такие слова: «Читали дети и подростки, как заведенные, взасос». Пусть будет так!

Тематическая дискуссия «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы»

Е. И. Кузьмин

Мы начинаем заключительное обсуждение. Прошу участников занять свои места. В этой дискуссии принимают участие: Татьяна Яковлевна Кузнецова, заведующая кафедрой библиотекovedения и информатики Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма; Эльна Александровна Орлова, директор Института культурной антропологии Государственной академии славянской культуры (эти люди очень тесно сотрудничают с МЦБС и очень глубоко вовлечены в реализацию именно Национальной программы); Наталья Александровна Сомова, начальник Управления культуры Брянской области — одного из тех регионов, которые наиболее глубоко и последовательно занимаются продвижением и развитием чтения; Валерия Дмитриевна Стельмах, от которой все это, собственно говоря, в России и пошло, в настоящее время — эксперт Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека». Должен подбегать Владимир Викторович Григорьев, его неожиданно вызвали к высокому руководству. К сожалению, Вероника Борисовна Вайсман, заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Пермского края, которую я месяц назад пригласил участвовать в этой дискуссии, заболела. Приглашал я ее потому, что в Пермском крае абсолютно серьезно думают разработать региональную программу не по всему спектру задач Национальной программы (это очень сложно, и сейчас они к этому не готовы организационно и интеллектуально), а локализовав это применительно к задаче содействия закреплению молодых перспективных кадров в Пермском крае, с тем чтобы они не уезжали в те регионы, куда традиционно идет «импорт» специалистов из Перми, — в Челябинск, Екатеринбург,

Москву, Санкт-Петербург. Жаль, что Вероника Борисовна не сможет присутствовать.

Итак, наша дискуссия посвящена наиболее общим вопросам дальнейшего развития и дальнейшей реализации Национальной программы поддержки чтения и называется «Итоги, проблемы и перспективы». Поэтому мы должны не только сказать о наиболее общих проблемах и подвести итоги, но и наметить перспективы, как сегодня уже отмечалось, в условиях очень высокой неопределенности — и политической, и общекультурной, и экономической. Тем не менее, как говорит одна наша коллега, что бы ни происходило, жить как-то надо. Поэтому я прошу участников в том же формате, в котором проходили предыдущие обсуждения, высказать в течение 7–8 минут свои взгляды. Предлагаю начать Татьяне Яковлевне Кузнецовой.

Т. Я. Кузнецова

Уважаемые коллеги, благодарю за возможность открыть панель, посвященную проблемам и перспективам реализации Национальной программы.

Мне хотелось бы в первую очередь сказать следующее. После выступления Евгения Ивановича о данных мониторинга продвижения Программы чтения в регионах и всего комплекса вопросов, связанных с пониманием задач Национальной программы, у меня сразу же возникли определенные сомнения относительно эффективности той большой работы, которую совместно с МЦБС проделал АПРИКТ, в частности кафедра библиотекovedения и информатики, по обучению библиотекарей работе в формате Национальной программы. С другой стороны, я еще раз убедилась (даже если допустить, что представленные данные мониторинга в чем-то не совсем репрезентативны), насколько нужна и важна для всей страны начатая нами три года назад деятельность по реализации образовательных программ в рамках проблематики большого национального проекта по продвижению чтения.

Перед нами стояла очень непростая задача. Фактически впервые в российской и даже мировой образовательной практике мы приступили к формированию учебных курсов – в формате семинаров-тренингов и в формате профессиональной переподготовки по инновационной программе «Менеджмент продвижения чтения». Мы начали работу с регионами, и работа эта была нацелена на то, чтобы создать новую образовательную среду, позволяющую комплексно, системно преподнести слушателям в рамках учебного процесса необходимые знания, которые должны служить инструментом реализации Национальной программы. Эта образовательная среда действительно была создана. Я считаю, что нам удалось решить очень непростые научные, методологические и организационные задачи в рамках данных образовательных проектов, которые мы проводили циклами в течение двух лет.

Обучение прошли около 90 человек из 34 регионов России. Надеюсь, что специалисты, которые обучались в рамках семинаров-тренингов и профессиональной переподготовки, действительно выступят лидерами в продвижении чтения в условиях своих регионов. Эту задачу мы ставили перед собой в первую очередь. Нам хотелось, чтобы слушатели, пройдя обучение, стали промоутерами продвижения чтения, овладели управленческим инструментарием работы по созданию и реализации региональных программ, овладели основами методики и технологии этой очень непростой деятельности, учитывая необходимость координации усилий всех тех, кто должен работать в рамках Национальной программы (имея в виду СМИ, систему высшего и среднего образования, книгоиздателей и т.д.). И конечно, нам хотелось, чтобы они научились моделированию работы центров чтения – тех центров, которые уже созданы в регионах, с акцентом на базовые задачи Национальной программы. Слушатели также должны были научиться осуществлять экспертную оценку уже накопленного опыта и понять, как его транслировать дальше, в другие регионы. Хотелось, чтобы наши программы научили их межведомственному мышлению и идеологии межведомственного и межрегионального информационного обмена.

Поскольку задачи были поставлены довольно сложные, со слушателями работали наиболее известные в стране и за рубежом специалисты по продвижению чтения, а также ученые и практики, которые занимаются близкими к этой проблеме темами, вопросами. Это были настоящие «звезды» – и библиотечного мира, и сферы социальных коммуникаций, и средств массовой информации, и т.д. Несмотря на все трудности, мы добились определенного социального результата, который хотели получить. По окончании обучения, особенно по образовательной программе «Менеджмент продвижения чтения», каждый из слушателей должен был представить проект и защитить его на государственной аттестационной комиссии. Допускались любые темы, связанные с продвижением чтения в условиях того или иного региона. Наши слушатели с этим справились – проекты были действительно серьезные, комплексные и очень интересные. Отсюда мы сделали вывод, что нам удалось научить слушателей работать в проектном формате, научить их системно подходить к решению многоплановых задач продвижения чтения.

Однако я далеко не убеждена, что те знания, которые наши слушатели получили, могут быть ими использованы по возвращении в свои библиотеки. Практика показывает: когда один человек приезжает из региона на обучение, даже если у него горят глаза и он полон идей, какой бы замечательной ни была его программа, его задора, импульса к творчеству совсем не всегда хватает надолго. Проходит месяц, два, три, и потихоньку энтузиазм начинает угасать. Это связано с тем, что коллектив не всегда понимает его, возникает определенное несоответствие между теми знаниями, которые привез наш промоутер, и условиями региона, а также коллективным профессиональным сознанием, которое там господствует. Отсюда мы сделали вывод, что в перспективе, если мы будем продолжать работу по реализации подобных проблемно-ориентированных образовательных программ, нужно стараться привезти коллектив из одного региона – коллектив единомышленников. Необходимо, чтобы это были представители не только библиотек разных систем и ве-

домств, но и других организаций, от которых зависит успешная работа по продвижению чтения. Убеждена – при этих условиях работа по продвижению чтения внутри региона пойдет более эффективно.

Кроме того, была еще одна любопытная ситуация, которая тоже заставила задуматься. Когда мы работали в режиме коротких тренингов, все было замечательно, и двухнедельное обучение воспринималось как совершенно естественное. Как правило, никто не покидал образовательную площадку. Но когда мы перешли на профессиональную переподготовку – а это уже как минимум двухмесячное обучение, – из 25 человек, записавшихся в группу (причем надо сказать, что обучение и проживание для всех были бесплатными, то есть были созданы максимально удобные условия для обучения), на финишную прямую вышли только половина слушателей. Либо образовательная программа показалась сложной, либо сыграли свою роль какие-то личные факторы. Большой процент не закончивших обучение нас очень огорчил. О чем он свидетельствует? Возможно, руководители библиотек, делегируя сотрудников на обучение, не совсем правильно отбирают кандидатов. Были слушатели, которые пока еще не занимаются продвижением чтения и рассчитывали на какую-то возможную перспективу. Есть также основания предполагать, что образовательная планка была поднята слишком высоко, поскольку учебная программа была действительно сложной. Помимо чисто прикладных управленческих знаний, мы пытались сформировать более широкую систему профессионального мышления – читались лекции по психологии и социологии чтения, по читателеведению, по чтению в электронной среде, было много факультативных занятий. Этот сложный формат, вероятно, оказался некоторым не по плечу, и они, увы, покинули нашу образовательную площадку.

Теперь еще об одной проблеме, которая сегодня не может нас не волновать. В течение последнего года были объявлены наборы в группы профессиональной подготовки по менеджменту продвижения чтения и на семинары-тренинги по орга-

низации, методике и технологии региональных программ. Однако ни одной группы мы сформировать не смогли. Кризис. Все, кто звонил нам и высказывал пожелание приехать на учебу, основной причиной невозможности выполнения этого называли сложную финансовую ситуацию. А поскольку не было финансовой поддержки со стороны государства, в этом году мы обучения по названным программам не проводили.

Над сложившейся ситуацией следует серьезно задуматься. Сегодняшняя встреча наглядно показывает, насколько большую работу предстоит осуществить по формированию нового профессионального мышления в аспекте реализации такого сложного проекта, как Национальная программа продвижения и поддержки чтения. Этот проект является одним из самых социально значимых, но в плане реализации и одним из самых трудных. Он чрезвычайно широк как по кругу социальных задач, так и по технологиям реализации. Положение осложняется тем, что во многих регионах, к сожалению, существует пока весьма поверхностный взгляд на Программу: а чем же еще всегда занимались библиотеки, если не чтением, и что же здесь может быть нового? Поэтому работа по формированию современного мышления библиотекаря-практика относительно поддержки чтения и новых методик и технологий его продвижения крайне необходима, если мы хотим решить стоящие перед нами задачи. И, конечно, следует обеспечить финансовую поддержку образовательной деятельности в рамках Национальной программы хотя бы в формате бесплатного обучения приоритетных групп слушателей из отдельных регионов. Иначе должного движения вперед не будет, я уверена.

Вот основные соображения, которыми я хотела с вами поделиться.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Татьяна Яковлевна.

Сейчас я хотел бы предоставить слово Наталье Александровне Сомовой, начальнику Управления культуры Брянской области.

Н. А. Сомова

Прежде всего я хотела бы поблагодарить всех присутствующих и отметить значимость многих высказанных сегодня мыслей. На мой взгляд, все они были чрезвычайно глубоки и чрезвычайно интересны, и я рада возможности прикоснуться к роднику общения с такими людьми.

Свое выступление я хотела бы все-таки начать с более общих моментов. Посмотрите, как интересно происходит: казалось бы, после старта Программы поддержки чтения должен наступить период ее мощного развития, прирастания, но Программа совпала с кризисными временами. Все говорят о кризисе, но меня он волнует с одной-единственной точки зрения — с точки зрения социально-психологического воздействия того, что о нем говорят, на реального человека. Это негативные ожидания: вот, в культуре и так все было не очень хорошо, а дальше будет еще хуже. И откровенно скажу, что бюджет 2010 года по культуре — один из сложнейших, как отмечают руководители всех регионов. Вот эта обстановка нестабильности, психологического негатива является далеко не самой благоприятной в отношении создания условий для реализации, развития Национальной программы. Хотелось бы выяснить, как действовать в этих социально напряженных условиях, когда увольняются специалисты, когда меньше средств выделяется на социальные программы. Ощущение напряженности еще удесятывается средствами массовой информации: к концу рабочего дня чувствуешь просто невозможным приступить к доброму делу, а телевизор, и те, кто в нем «сидит», это только усугубляют (проанализируйте, сколько позитивной информации мы получаем и сколько негативной).

Сегодня в трудах американских ученых все чаще проскальзывает мысль: давайте задумаемся, с каким энтузиазмом сто

лет назад ликвидировалась безграмотность практически во всех странах мира. Что этому способствовало? Все можно соизмерить, в том числе с тем, что происходит сейчас, когда сокращаются часы на преподавание истории, когда исключается вообще из образовательного процесса астрономия (я хотела бы посмотреть на того человека, который считает, что в XXI веке среднестатистический русский ребенок астрономию знать не должен). На мой взгляд, реализовать программу ликвидации безграмотности в России сто лет назад нам помогли: ядро национальных культурных ценностей, которые у нас были; вызовы времени, на которые мы ответили; естественная потребность людей, которые видели, как надо учиться; социальный оптимизм (можно много говорить о ситуации 1917 и 1941 годов, но чувства социального оптимизма и социальной общности были одним из главных факторов победы) и наличие хорошо подготовленных высокоинтеллигентных людей, которые с 1885 года были одержимы идеей просветительства.

На мой взгляд, все проблемы, которых каждый из выступавших штрихом касался, очень важны сами по себе, но плюс к этому важны и те внутрикорпоративные проблемы, которые накапливали отрасль культуры, отрасль библиотечного дела и отрасль образования, развиваясь отдельно. Все говорят и мечтают об одном и том же — об образованном молодом человеке. И каждый внутри отрасли работает над этой темой. Только беда в том, что образование, культура, деньги, книга и ребенок вместе в пространстве не встречаются. Очень мудрую мысль высказал Архимед: «Дайте мне рычаг, и я переверну Землю». Вот хорошо бы нам добыть эти рычаги воздействия — и по вертикали, и по горизонтали. Но Россия велика, и внутри отрасли у нас рычага нет. А Национальная программа не только многофункциональна, многоаспектна, она еще и наталкивается на многие внутрикорпоративные болезни. И вот тут мы должны найти этот рычаг. Я уверена, что мы его найдем.

Американцы давно изучили дивный феномен — «феномен сотой обезьяны». Два года назад на псковском Пушкинском фестивале я увидела первые результаты Фестиваля

книги для детей и тихо начала мечтать о том, как было бы чудесно, если бы на моей родине состоялся такой фестиваль. Я мечтала долго, упорно и без особой надежды. Два месяца назад мне позвонили из Федерального агентства и сказали: узнав о моих мечтах в области просвещения, они решили 15 декабря этого года провести фестиваль. И я поняла, что я та самая «сотая обезьяна» — надо только хотеть! Если сравнить количество присутствующих здесь с первыми кружками РСДРП (которые таких дел понаделали!), у нас перспективы просто огромные. Поэтому спасибо вам большое, Евгений Иванович.

И, честно говоря, я обратила внимание на интересную закономерность в Брянской области: сегодня осевые социально значимые мероприятия в регионе формируются библиотечным сообществом. За примером далеко ходить не надо — неделю назад в Брянске завершился Всероссийский съезд сельских библиотекарей. 15 декабря мы открываем фестиваль чтения для детей и юношества (спасибо Федеральному агентству по печати), вокруг которого работает вся Брянская область, работают все средства массовой информации. Мы проводим целый ряд акций за здоровый образ жизни вместе с книгой, мы подняли посетителей магазинов, чтобы там зацепить тех, кто мало читает. У нас на базе Детской библиотеки появился клуб беременных женщин — первый читатель к нам придет от них, мы будем работать с будущими мамами.

Но есть одна сложность. Виктор Петрович Астафьев как-то мне сказал: «Знаешь, в чем самая главная проблема наших неудач в воспитании молодежи? Мы все время встречаемся с ними и говорим: “Трудитесь! Труд — это радость!” И они все время ждут, что, когда возьмут в руки лопату, придет радость. А что в реальности? Когда ты возьмешь лопату, будут кровь, пот и слезы, а вот когда получишь результат — вот тогда будет радость. Но они-то хотят сразу радость». И я вдруг поняла то, о чем хочу сейчас сказать. Я за последний месяц перечитала две книги Маргариты Хемлин, «Доктора Живаго», «Бесов» и

«Братьев Карамазовых». И мне все эти книги было очень больно читать, потому что все то, что в них написано, отдавалось ударами в сердце. Я не знаю, кто для чего читает детям книги, но я четко поняла, что чем острее в детстве будет чувство эстетического сопереживания, чувство беспомощности от того, что ты не можешь противостоять злу, тем больше вероятность, что ты вырастешь в человека, который никогда не допустит, чтобы обидели слабого, отобрали хлеб у малоимущего. Через это вырастает огромная, четкая, собственная гражданская позиция. Можно много говорить о том, «для чего и как» существует Программа чтения. Думаю, что она нужна именно для того, чтобы формировать человека, кто бы что ни говорил. Мы формируем ядро, которое позволяет человеку оставаться всегда человеком, как бы ему трудно ни было. За это мы боролись и будем бороться в Брянской области.

Е.И. Кузьмин

Уважаемая Наталья Александровна, это был блестящий публицистический, ораторский текст. Но будьте добры, без публицистики, без риторики назовите навскидку три главных итога трехлетней деятельности Брянской области по участию в реализации Национальной программы.

Н. А. Сомова

Это будет субъективно. Первое. Мы научили власть слушать нас. Второе. Мы научили власть, которая финансирует отрасль, не только слушать нас, но и давать средства на те программы, на которые мы просим. Третье. Количество сельских библиотек в связи с реализацией 131 Закона объективно уменьшается. Однако в Брянской области за эти три года не только не потерян ни один читатель, но мы даже показываем динамику роста.

Е. И. Кузьмин

Хорошо, теперь назовите три проблемы.

Н. А. Сомова

Недостаточное внимание и недостаточно серьезное отношение власти на государственном уровне вообще к программам развития культуры — а именно эти программы в конечном итоге помогут решить проблемы сельского хозяйства, промышленности и т.д. Второе. Систематическая нехватка денег и нежелание государства эти деньги давать — все равно на какие культурные программы. Мы по-прежнему находимся в условиях финансового коллапса. И третье. Как известно, все проблемы находятся не вовне, а внутри. Это стереотипы замкнутой отрасли культуры, которые не позволяют нам по-новому, более динамично и более эффективно трудиться.

Е. И. Кузьмин

Правильно ли я понимаю, что перспективы дальнейшего развития Программы в первую очередь заключаются в разрушении тех стереотипов, которые мешают двигаться вперед, и формировании новых установок, новых знаний, новых навыков?

Н. А. Сомова

Могу сказать, что, на мой взгляд, сегодня отрасль образования и культуры набрала такое количество стереотипов, которое не позволяет увидеть, что уже пора работать не так, как мы привыкли, а так, как надо сегодня, отвечая на вызовы времени и ориентируясь на современную аудиторию.

Е. И. Кузьмин

Каковы перспективы того, что в Брянской области будет разработана и принята региональная программа – формальная?

Н. А. Сомова

Она у нас уже принята. Это большая, многоуровневая серьезная программа. К сожалению, нас не поддержали финансисты, но это не значит, что мы не будем ее реализовывать.

Е. И. Кузьмин

Раз не поддержали финансисты, у вас есть план действий внутренних, но нет административного регламентирующего документа?

Н. А. Сомова

Пока нет, но обязательно будет.

Е. И. Кузьмин

Спасибо.

Вокруг нас собрались высокоинтеллектуальные люди, у которых мы постоянно учимся. И один из главных учителей – Эльна Александровна Орлова. Ей я и предоставляю слово.

Э. А. Орлова

Уважаемые коллеги, я бы хотела продолжить «зоологическую» метафору Натальи Александровны и позволить себе маленькую преамбулу перед этим. Вчера и на заседании, и в ку-

луарах звучали следующие слова: «Вот мы здесь все собираемся, друг другу это говорим, а что дальше? А кому это нужно? Будет это востребовано или нет?» Итак, метафора. Одна белая ворона — это отклонение. Много белых ворон — это уже даже не стая, а подвид. Я думаю, что мы собой образовали некий подвид. И когда мы друг с другом делимся своими мыслями, мне кажется, мы образуем в этом обществе некую социальную силу. Возможно, мы пока еще только формируемся как аттракторы. Но если говорить про итоги, то они уже видны. Каждый раз я присутствую на этих заседаниях и вижу, как меняется глубина высказываний, насколько интереснее становятся выступления, потому что мы создаем, как сказали бы философы и антропологи, интересубъективность, свой культурный код, создаем то, что значимо в любом обществе. Возвращаясь к вопросу о том, кому это надо. Это уже востребовано внутри нашего сообщества. Вы видите, с каким интересом мы слушаем друг друга и как много друг у друга можем почерпнуть. Это итог.

Теперь о проблеме. Я абсолютно и безусловно согласна, что сегодня первоочередные наши задачи — это образование и просвещение. Здесь я скорее присоединюсь к Наталье Александровне. Система образования сегодня чудовищна — не побоюсь этого слова. То, что предлагается в качестве образовательных программ, конечно, любого более-менее интеллигентного человека приводит в ужас. Но у нас с вами есть другая возможность. Просвещение — это дело не институциональной социетальной структуры. Это дело гражданского общества. И у нас с вами Национальная программа, но не государственная. Мы выступаем здесь как представители гражданского общества. Где, если не в библиотеках, обходя госстандарты, на личностном уровне менять эту ситуацию? Можно говорить о том, что не хватает денег и преподавателей. Но никогда в жизни те процессы и те события, которые ведут к эволюции, изначально не бывают массовыми. И здесь не в энтузиазме дело, а в профессионализме и в труде. Мне кажется, что в образовании и в средствах массовой информации сегодня (причем это проблема глобальная) доминирует пара-

дигма игры. С детства человека помещают в игровые ситуации. В итоге взрослые люди, принимая государственные решения, занимаются деловыми играми. Что можно противопоставить игре? Понятию игры противопоставляется труд. Если мы не приучаем молодых читателей к труду, у них просто в какой-то момент времени кончается период сензитивности, а дальше — провал.

Что же значимо в сегодняшнем просвещении? К этой фундаментальной проблеме я бы прибавила еще одну подпроблему. В наше время связь науки и образования, науки и просвещения обязательна. Нельзя сегодня на чисто гуманитарных интенциях создать просветительские программы (я не говорю о государственных программах — ни одна из них не была полностью реализована). Идея просвещения должна стать для нас одной из центральных. Да, сегодня та модель, которую предлагали Дидро, Руссо и прочие, не подходит. Наша задача — создать новую модель просвещения, понять, какие рациональные знания мы сегодня можем предложить как общесоциальные. Есть умные и талантливые люди, только аудитории нет. Мы говорим о технологиях, о том, где достать финансы. Вот стали учителям платить больше, чем работникам Академии наук. Стало от этого образование лучше? Нет. Поэтому мне кажется, что стоит в рамках Программы поддержки и развития чтения устроить форум, посвященный только проблемам современного просвещения — как российского, так и глобального.

И еще одна проблема, о которой я хотела сказать, заключается в том, что наша Программа научно все-таки еще недостаточно обеспечена. Коль скоро она идет, коль скоро на нее следует затрачивать время и усилия, можно было бы научную поддержку усилить. Мне кажется, наступил этап, когда нужно переосмыслить следующий шаг, сделать его более углубленным и продумать, какое научное обеспечение для следующего этапа необходимо. Все это непросто, и, конечно, ожидать быстрого результата нельзя. Нужно себя запрограммировать на длительный социальный труд и понимать, что мы работаем не для того, чтобы получить одобрение от прессы (которая сегодня безграмотна, как никогда) или от руководителей.

Теперь о том, какие возможны перспективы. Есть Программа развития чтения. Есть вузы – МГУ, РГГУ и т.д. Есть научно-исследовательские институты философии, социологии. В этих институциях есть очень умные люди. Почему бы не привлечь студентов, почему не договориться с преподавателями, чтобы в курс социологии, в курс антропологии включить рассмотрение проблем чтения? Это не должно происходить на государственном уровне. Нужно делать это своими силами. Я вижу перспективы именно в том, чтобы на личностном уровне мы искали студентов, преподавателей и продвигали идеи Программы, которая на самом деле гораздо шире, нежели просто программа чтения. И я очень надеюсь, что будет организовано большое совещание по проблемам просвещения.

Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Эльна Александровна, за очень хорошие идеи. Будем стараться.

Сейчас я несколько нарушу привычный порядок панельной дискуссии, и дам слово нашей коллеге и нашему соратнику в другом проекте, который называется «Создание общероссийской сети публичных центров правовой информации». Ирина Иринеевна Миронова, вице-президент Информационно-правового консорциума «Кодекс» – организации, которая собирает по всей стране правовую информацию, аккумулирует, упорядочивает и предоставляет ее в общественное пользование.

И. И. Миронова

Уважаемые коллеги, прежде всего хочу поблагодарить вас за то удовольствие, которое я получаю от сегодняшней встречи. Здесь, как, впрочем, всегда, идет разговор о культуре, о ду-

ховном, о высоком, а мне приходится говорить о каких-то очень прагматичных и сухих вещах. Правда, вчера меня несколько успокоило сообщение о том, что только 10% изданий – это художественная литература, а остальное – это все прочие виды и жанры, в том числе те, с которыми имеем дело мы, производители и распространители электронных систем правовой, нормативной, технической, технологической информации.

Итак, кто такие пользователи создаваемых нами электронных систем («Кодекс» – правовой информации, «Техэксперт» – нормативно-технической), если рассматривать их с точки зрения чтения?

Прежде всего их великое множество. Все они профессионалы, каждый в своей сфере деятельности. Это юристы, бухгалтеры, экономисты, финансисты, медики, энергетики, строители, связисты, нефтяники, газовики и прочие, и прочие. По сути дела, это все активно работающее население нашей страны.

Что их объединяет? Совершенно четкая цель чтения электронных коллекций документов, комментариев, статей, справочной информации. Все они читают для того, чтобы принимать решения, каждый на своем уровне. Причем эти решения зачастую приходится принимать очень быстро, в считанные часы. От этих решений может зависеть судьба предприятия, собственного дела.

Как читают наши пользователи? Вот здесь они существенно разнятся. Если юрист читает документы, он их изучает очень внимательно и досконально. Бухгалтер читает исключительно прагматично – ему нужен ответ на вопрос в конкретной ситуации, причем ответ сегодня, сейчас. Инженеры, что-то проектирующие или выбирающие материалы для создания некоего сооружения (здания, дороги, моста), нуждаются в поиске наилучших, апробированных технических и технологических решений. О том, как читают студенты, я говорить не буду, это в большей степени ваша аудитория, хотя и студенты активно пользуются нашими системами.

В чем особенности и сложности того, что мы предлагаем? Во-первых, это огромные коллекции документов, написанных очень специфическим языком. Сколько ни бьется европейское сообщество над тем, чтобы законодательные документы были написаны доступным людям языком, сдвига здесь нет, и маловероятно, что он произойдет. Во-вторых, можно отметить универсальность правовой информации, которая происходит из того, что ей необходимо следовать каждому: и гражданину, и предпринимателю. Есть проблема сложности восприятия правовой информации в силу того, что читать и действовать в соответствии с законом должны не только юристы — решения принимаются и в области работы с персоналом, и в налоговой сфере, и т.д. Степень связанности правовых документов — высочайшая. Налоговый кодекс, например, имеет больше тысячи перекрестных ссылок. К тому же наше законодательство противоречиво, и в законодательных актах масса неопределенностей.

Что мы делаем для того, чтобы читатель мог работать с такими массивами информации? В каком-то смысле мы нашего пользователя-читателя развращаем. С одной стороны, мы даем богатейший пользовательский сервис, который абсолютно необходим при работе с такими объемами сложной информации. И это, конечно, замечательно и пользователем ценится. С другой стороны, наши пользователи, боюсь, меньше думают, анализируют, а подсознательно ожидают (а зачастую и вслух говорят об этом нам): «Вот сейчас кликну, и система выдаст мне все, что меня интересует в данный момент». В этом смысле есть некоторая двойственность нашей деятельности. Но в силу того, что мир все ускоряется, решения должны приниматься быстро и каждый предприниматель хочет уменьшить степень риска, мы обязаны давать пользователю возможность работать в более комфортных условиях.

Что еще очень важно? Наши пользователи-профессионалы имеют дело с информацией, обновляющейся не только ежедневно, но и ежечасно. Неделю не обновлял информацию — и можешь принять неправильное решение.

Остановлюсь коротко на нормативной информации, информации в области нормирования, технического регулирования и стандартизации, которая сегодня вновь становится востребованной. Все вы, несомненно, слышали речь нашего Президента о том, что мы должны модернизировать экономику, уменьшить зависимость от ее сырьевой составляющей и т.п. Думаю, что вы лучше меня знаете, каково состояние фондов нормативной информации в библиотеках. Мягко говоря, она фрагментарна, неактуальна, давно морально устарела. Кроме того, в основном она всегда была сосредоточена в библиотеках и отделах научно-технической информации наших крупных предприятий и проектных институтов. И именно эти библиотеки и ОНТИ в первую очередь пострадали в эпоху перестройки. Где теперь вся эта информация, куда она разошлась? В связи с принятием в декабре 2002 года закона о техническом регулировании эта информация «вдруг» понадобилась. Кроме того, мы привыкли к тому, что нормативная информация действует столетиями, и у нас сегодня в ходу нормативы и стандарты 70—80-х годов (это я к вопросу о развитии страны и внедрении новых технологий, об инновационной экономике). Поэтому сегодня как никогда ценной является информация о новых технологиях, материалах, процессах, которую мы стараемся искать, если требуется, покупать и включать в наши электронные системы.

Отмечу также, что, если в Москве и Санкт-Петербурге наше инженерное сообщество о реформе технического регулирования еще хоть как-то информировано, то в регионах вообще не знают о том, что и как действует, что принято, что отменено и т.д. Поэтому мы в некотором роде ведем и просветительскую деятельность в этой сфере.

Мне еще хотелось бы в заключение сказать Татьяне Яковлевне, что мы столкнулись с похожей ситуацией: начали учить новым технологиям (сбыта, работы с пользователями и пр.) сотрудников, а потом оказалось, что начинать обучение следует с директоров. Пока у директора в голове все, что мы хотим донести до его подчиненных, не уложится, обучать его сотрудников неэффективно.

Итак, коллеги, я полагаю, что такие структуры, как наш Консорциум, который занимается распространением огромных массивов информации, необходимой всему активному работающему населению, в электронном виде, — это одна из частей структуры Программы чтения. Мы готовы работать в Программе именно в этом направлении — информация для профессионалов, чтение профессионалов, изучение того, что и как они читают, в какой информации они нуждаются.

Еще раз спасибо за приглашение к участию в этом мероприятии. Надеюсь, что мы с вами будем встречаться и впредь.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Ирина Иринеевна. Я думаю, что сейчас все присутствующие в зале еще более глубоко прочувствовали проблемы чтения в части профессиональной литературы. Собственно, на всех наших конференциях никогда не заходила речь о чтении важнейшего пласта юридической литературы с хотя бы предварительным анализом того, как разные категории людей, для которых это все написано, по-разному читают и воспринимают. И как сделать, чтобы в нынешних условиях у нас было правовое общество (хотя правовое общество — это тонны законов, подзаконных актов и огромная бюрократия, которая отслеживает их выполнение). Это очень малоизученный сегмент.

Сейчас я предоставляю слово Валерии Дмитриевне, которая является, с одной стороны, нашим учителем, с другой — участником процесса, с третьей — несколько сторонним наблюдателем.

В. Д. Стельмах

Должна заметить, когда вы сказали о том, что я была одним из зачинателей этих программ, я почувствовала себя той

самой белой вороной. Справедливости ради скажу, что я была не одна — всегда были рядом группы единомышленников.

Выступить последней, с одной стороны, легко, потому что в зале остались те, кто понимает, о чем речь, кто вовлечен в проблему и по-настоящему ею заинтересован. Так бывает всегда. С другой стороны, за эти два дня было очень много интересных мыслей и интересных людей — мне кажется, что конференция удалась. Поэтому очень хочется с чем-то поспорить, на что-то откликнуться, что, возможно, определит некоторую нестрогость моего выступления.

Во-первых, два вывода, которые каждый из нас может сделать по итогам этих двух дней. С моей точки зрения, прорыв очевиден — это не только конференция показывает, но и весь опыт нашей работы последних лет. Я не в курсе, кто что отвечал в мониторинге, но не знаю ни одной публичной библиотеки, которая бы в той или иной мере — плохо ли, хорошо ли, удачно или нет — не занималась какими-то программами и проектами в области чтения. Вы посмотрите, как много сегодня делают издатели и книжные магазины! Сегодня продвижение книги, продвижение чтения и воспитание вкусов — это обязательный пункт в программах книгоиздателей и книготорговцев, в частности по выходу из кризиса. Посмотрите, какие акции проводят наши общественные организации, в том числе Книжный союз. Я не могу сказать, что проблема чтения переместилась в центр общественного внимания, до этого нам еще далеко. Но общественное внимание к ней привлечено — это факт. Это, я бы сказала, плюс, это предмет нашей большой гордости.

Второй мотив, который все время звучал в выступлениях: «Как же так, мы столько делаем, и тем не менее все показатели чтения продолжают падать?» Действительно, и читательская активность снижается, и сфера охвата населения библиотечным обслуживанием сужается, и книговыдача в библиотеках падает, и время, уделяемое чтению в разных группах населения, сегодня сокращается. И даже рост посещаемости — тот библиотечный показатель, которым мы так

долго гордились и за которым скрывались, — остановился и уже стал отрицательной величиной. Посмотрите статистику.

Как же так? К чему же все наши усилия, старания, призывы? Такая печаль звучала в выступлениях многих наших коллег. Послушайте, но мы вообще чего ждали? Вы понимаете сложность задачи, за которую мы взялись? Евгений Иванович мне говорит, что на подготовку программы «ЛИБ-НЕТ» ушло где-то 10 лет. Но ведь это несравнимые по сложности программы. В одном случае идет речь, примитивно говоря, о том, чтобы обеспечить библиотеки техникой, научить людей с ней работать и создать новые информационные стандарты и модели.

Е. И. Кузьмин

Совсем упрощать не стоит. Просто там нужно было создать критическую массу из 50–70 специалистов — и процесс пошел.

В. Д. Стельмах

Тем более. А здесь речь идет об изменении и восстановлении культурной нормы. За этим падением показателей стоят — и мы должны это понимать — серьезнейшие экономические и социальные процессы. Процессы деструктивные. Можно ли с помощью одной Национальной программы на них воздействовать? Нельзя, потому что это сложная цепь, это опосредованное влияние. Вот с помощью постоянной работы в этом направлении — да, конечно. И потом, мы потеряли 20 лет — и каких! Это обрыв культурной традиции, разрушение культурных норм, это потеря целого поколения. Если эти люди не прочли в свое время Жюль Верна, значит, они своим детям эти книги не рекомендовали и не читали. А дети, в свою очередь, своим детям их не порекомендуют и не прочтут. Таким образом происходит деформация литературной культуры. Ни одно цивилизованное общество себе таких культурных обры-

вов не позволяет. Но ничего не поделаешь, такова наша история. И об этом необходимо помнить, анализируя ситуацию, в которой мы сегодня все оказались.

Естественно, часто мы ссылаемся на зарубежный опыт: мол, англичане или американцы провели крупную кампанию, Год чтения, и у них на столько-то возросли показатели чтения, показатели читательской активности, читательского охвата населения и т.д. Я вас уверяю, что если бы за этим Годом чтения, за «Big Read» или любой другой блистательной кампанией не последовала бы следующая, столь же блистательная («Писатели в школах», «Прочти об этом больше»), не прошли какие-то крупнейшие телевизионные проекты, то показатели моментально вернулись бы на прежний уровень. Выход только в одном: колесо должно вертеться, причем со все большей скоростью. С учетом этого двадцатилетнего простоя мы должны работать на опережение. Присоединяюсь к Сергею Волкову: надо жить и продолжать делать свое дело. Другой альтернативы, если мы хотим быть страной модернизированной, страной цивилизованной, у нас практически нет.

Вчера говорилось много горьких слов о телевидении, о СМИ вообще и их роли в Программе. Знаете, там тоже есть подвижки. Они минимальны и потому пока не заметны глазу, но они уже появляются.

Это итог моих размышлений по поводу выслушанных выступлений. Теперь тема, к которой я всегда возвращаюсь, выступая не в профессиональной социологической, а в книжной и библиотечной аудитории. Это проблема того культурного пространства, того фона, в который мы встраиваемся с нашими сюжетами, нашими идеями и задачами. То пространство, в котором размещается наша культурная ниша, сегодня фрагментарно, осколочно. Эти осколки никак не соединены друг с другом. Пространство это иногда дружелюбно к нам, иногда нейтрально по отношению к нашим целям и задачам, а иногда просто враждебно.

Не знаю, многие ли из вас были на выставке постмодернистского искусства, которая проходила недавно в выставочном зале «Гараж». Там было громадное панно во всю стену, очень красочное. Пройти мимо него было невозможно, народ останавливался в совершеннейшем остолбенении. Оно было составлено в основном из мусора, а на 10% из каких-то интересных и полезных вещей. Все это вместе являло собой невероятно красочную картину, которая находилась за пределами как классического, так и прикладного искусства. Вот я бы сравнила сегодняшнее наше культурное пространство с этим панно — там есть все. И вчера на секции СМИ этот разговор начался, причем начался чрезвычайно интересно. Да, есть Вольф Мессинг, Кашпировский, гадания, гороскопы, сюжеты, которые можно отнести только к социальной шизофрении, кулинарные рецепты, Ксюша Собчак... Но на этом же пространстве — просто на других уровнях — есть и ярмарка «Non/fiction», которая скоро будет проходить, есть международные книжные ярмарки, есть Улицкая, Маканин и многие другие совершенно замечательные писатели. И это все никак друг с другом не соединено.

Еще один пример из моей недавней практики. Я обедала в ресторане. Ресторан носит элегантно-французское название «Дежа вю». Так вот там подавались котлеты «Залп Авроры» — по ценам, которые соответствуют сегодняшней российской рыночной ситуации. Я могу полностью спроектировать эту ситуацию на то, что происходит в сегодняшней культуре. Говорят, культуру не выбирают. Вот она такова, и мы не можем это не учитывать.

Все эти противоречия, противоположности проявляются в деятельности нашего любимого книжного сообщества. Иногда, если не быть профессионалом, создается впечатление сумасшедшего дома, где одна рука просто не знает, что делает другая. Мы говорили на многих конференциях и писали о необходимости книжной аранжировки жизненного пространства человека. Знаками литературности должно быть размечено все, где человек проводит большую часть своей жизни, — транспорт, улица, дом, быт. Эти знаки не

должны быть навязчивыми или раздражать. Они должны усваиваться на уровне подкорки. Обратите внимание, дело сдвинулось с мертвой точки. На улицах Москвы вы можете увидеть плакаты с бесхитростными призывами: «Читайте классику!» Пусть они будут. Правда, рядом будет висеть плакат: «Осенняя пора, вещей очарованье», но ладно, и с такой трактовкой Пушкина можно примириться. Чудесно, когда наши замечательные писатели – Улицкая, Успенский – такими незатертыми, хорошими словами рекламируют по-настоящему стоящее произведение, выпущенное тем или иным издательством. Такие плакаты можно увидеть в метро, но рядом на уровне глаза будет висеть плакат: «Юлия Шилова. Книга № 1 в России». Или какой-то автор, никому не известный, выпустил первый в своей жизни детектив. Крупными буквами на глянце будет написано: «Настоящая литература». С пятью восклицательными знаками. «Если вы хотите обогатить свою душу, свой разум, читайте эту книгу!» Вот, пожалуйста, это действия самого книжного сообщества. У нас единые цели, мы все клянемся в верности им. Но у нас нет культуры сплочения. Мы постулируем общность целей только на уровне нашего обсуждения, нашего понимания. А потом мы это общее от себя отодвигаем и даем на откуп государству.

Когда дело касается эмпирической практики, мы все прячемся за свои собственные профессиональные барьеры, уходим в собственные профессиональные ниши. И в этом на сегодняшний день заключается большая проблема. Если вы спросите, как ее решить, я, наверное, на ваш вопрос не отвечу. Я могу только указать направление движения, каким мне оно видится. Я вижу выход из этой ситуации в создании принципиально иного, инновационного институционального фона. Это не только государственные структуры, но это и создание институтов, и поддержка гражданского общества, которое в нашей стране только начинает формироваться. Это фонды, это ассоциации, различного рода общества, литературные премии. Кстати, о премиях. На сегодняшний день это единственная форма разметки литературного

пространства. Ни библиотеки, ни книжные магазины этим заниматься не должны. Да, библиотеки рекомендуют книги. Но вообще-то это не их социальная функция. Выбрать из 120 тысяч названий то, что сегодня мы хотим ввести в оборот, то, что сегодня по-настоящему воспитывает читательский вкус, — это должны делать другие люди, другие инстанции. Кроме литературных премий, где само литературное сообщество отбирает книги, у нас пока никакого другого инструмента нет. Но когда само же литературное сообщество, погрязшее в разборках и тусовках, дискредитирует собственный выбор и выносит свои несогласия, споры по поводу авторов и выбранных книг, в регионы, на читательскую аудиторию, на аудиторию библиотек, — это и есть отсутствие культуры сплочения.

Мы говорим о воспитании художественного и литературного вкуса, о том, что наши дети не умеют читать и т.д., но на рынок выходит модернизированная «Анна Каренина», где перед Анной на столе лежат конфеты «Коркунов», под окнами у нее проносятся «мерседесы» и «бентли», а живет она в доме лужковской архитектуры в престижном районе и сообщения от Вронского получает на автоответчик. Это такой текст-конструкт, на обложке стоит фамилия не Толстого, а некоего Николаева, но сюжет и общий текст сохранены толстовские. И когда выходит такой трансформ, что же говорить об охране символического капитала нации и об охране символических ценностей, которые в первую очередь должны лежать в основе литературной культуры?

Решение наших проблем не может быть сформулировано в двух-трех пунктах, потому что существуют разные уровни решения. От государства мы должны ждать решения тех проблем, которые никто другой решить не может. Мы не можем создать сеть книжных магазинов и книжной торговли на уровне деревень, сел и отдаленных районов — это нерентабельно, туда бизнес не придет. Это — к государству. Когда библиотекари кричат: «Освободите нас от удушающего влияния государственных законов, блокирующих развитие библиотек (о чем Татьяна Львовна Манилова уже говорила), это то-

же дело государства. Новые культурные продукты, инновационные решения создаются сегодня, в том числе в рамках нашей Программы. Это факт, и он зафиксирован общественными организациями, то есть институтами гражданского общества (что тоже свидетельствует об общественном осознании проблемы). Это и Фонд «Пушкинская библиотека», и Российский книжный союз, который выступил инициатором целого ряда крупнейших и очень интересных акций типа «Литературного экспресса», и Русская ассоциация чтения, и МЦБС. Они получают поддержку государства, что вполне естественно — это и есть единственный нормальный алгоритм культурного развития.

Вот, пожалуй, и все. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Валерия Дмитриевна. После ваших слов я сделал несколько выводов. Первое: реальность такова, какова она есть. Второе. У нас сегодня постмодерн, который предвосхитил великий Иван Андреевич Крылов: лебедь, рак и щука. Он же сказал: «Когда в товарищах согласья нет...»

Как модератор этой заключительной панели я должен коротко высказать свое мнение. Я согласен с тем, что существует колоссальный прорыв. Все пришло в движение, зашевелилось, взволновалось. Разные сферы находятся в разной степени «взволнованности». Некоторые из глубокого сна выходят в тревожную полудрему, как сфера образования. Девиз и тайная цель предыдущей панели — как вовлечь сферу образования в круг всех этих размышлений, в орбиту наших серьезных тревог, озабоченности, боли, если угодно, негодования. Я бы сказал, что мы были хороши. Кто-то что-то услышал. Вообще говоря, совершенно верно заметила Наталья Николаевна, когда мы разговаривали перед началом дискуссии: «Обязательно нужно кого-то из заместителей министров или заместителей руководителей РАО, ну хотя бы из руководителей Агентства привлечь, чтобы они все это услышали и нача-

ли об этом думать». В этом смысле мы сегодня, увы, не добились оглушительной победы. Но будем надеяться, что это временная неудача.

Вторая проблема – это очень слабая вовлеченность в обсуждение серьезнейшей национальной проблемы средств массовой информации. Пока идет по периферии более-менее растущее обсуждение в профессиональной печати – слава богу, сейчас и небиблотечная печать этим озабочена. Здесь много книгоиздателей, книготорговцев, и, по крайней мере, внутри книжного сообщества это перестает восприниматься как исключительно библиотечная проблема. Как мне кажется, все намного больше понимают проблемы, существующие внутри сообществ, которые усугубляются давлением внешней среды и на издателей, и на книготорговцев, и на библиотеки, и на СМИ, и на образование. Но тем не менее вовлеченность СМИ мала. Я помню, на прошлой конференции Валерия Дмитриевна сказала, что мы сами пока еще мало что можем предложить журналистам. И журналисты вчера сказали: «Если вы будете делать что-то интересное и интересно об этом рассказывать, мы будем печатать. Но мы не можем за вас это рассказать. Есть интересы читателей, которые мы обязаны учитывать».

Относительно поддержки всех этих процессов государством. У нас есть полная солидарность и полная политическая поддержка двух профильных структур – Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры. Другое дело, что внутри Министерства культуры идет борьба за ресурсы, и структурно Министерство устроено так, что отдел библиотек небольшой, он находится внутри Департамента культурного наследия и изобразительного искусства. Конечно, на фоне огромного вала писем со стороны, поручений сверху по поводу музеев, искусства и т.д. библиотеки демонстрируют интеллектуальный подъем. Что-то делается по поводу информатизации, по поводу сохранности, и сплоченность есть. Этот островок кажется благополучным.

Внутри Агентства по печати — в силу большей локальности задач — понимания этих проблем и поддержки больше (при существенно меньших ресурсах). И с этой точки зрения вроде бы грех жаловаться. Есть задача адекватного и лучшего понимания внутри профессиональных сред.

Как бы мы ни относились к результатам социологических исследований и к результатам мониторинга, видно, что впереди огромная площадка для рационализации деятельности, которая сейчас осуществляется. У библиотек есть программа сохранности библиотечных фондов, и их взгляд на сохранность резко отличается от музейного подхода. Музейщики в основном считают, что сохранение музейных объектов — это их реставрация. А библиотечные люди считают — и в Программе это отмечено, — что нужно создать действующую систему, при которой все заняты какой-то деятельностью по сохранению фондов: чтобы поддерживался температурно-влажностный режим, чтобы обеспечивалось восстановительное комплектование, чтобы состояние книг не ухудшалось. Создать систему, которая бы постоянно сама себя воспроизводила. То есть в этой области происходит изменение структуры и функций библиотек. Точно так же с чтением. Для того чтобы все начали работать лучше, нужны структурные функциональные изменения. В библиотеках должны выделяться люди, которые думают только про это, которым это вменено в обязанности. Для начала — директора библиотек. Пока такая работа идет на энтузиазме, это хорошо и правильно. Но потом может возникнуть вопрос: а почему библиотеки занимаются этим на добровольных началах? Давайте их обяжем и снабдим соответствующими полномочиями и ресурсами.

Все это кажется мне очень важным. И несмотря на то, что конференций как будто бы проходит много, хорошо бы нам инициировать не только конференцию по проблемам просвещения, но и какие-то журналистские симпозиумы, на которых проблемы чтения могли бы всерьез обсуждаться.

Сейчас я хотел бы дать слово Зое Алексеевне Нефедовой.

З. А. Нефедова

Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я сейчас говорю от имени АНО «Диалог культур». В сентябре и октябре мы в два этапа провели форум «Чтение в молодежной среде: информационные технологии популяризации». Были предложены новые интересные технологии, нам прислали материалы, мы делаем большой каталог, который будем потом рассылать в библиотеки. На Форуме было принято обращение ко всем структурам, которые решают вопросы развития и популяризации чтения. Было предложено 2011 год – последний год Декады грамотности ООН – опять сделать годом чтения. И была принята резолюция, в которой говорится о необходимости создания подростково-молодежной социальной сети популяризации чтения. Будет создан портал, на котором дети сами – в виде игры, форума, просто совета – будут общаться и говорить, кто что прочел. Концепция сейчас разрабатывается. И я надеюсь, что и Национальная программа поможет развитию общения на темы чтения. Если кто-то желает принять участие в этой работе, можете нам сообщать. Мы принимаем все предложения. Спасибо.

Е. И. Кузьмин

Спасибо, Зоя Алексеевна.

И, пожалуйста, Александр Николаевич Воропаев.

А. Н. Воропаев

Дорогие коллеги, здесь многие уже подводили итоги нашей работы. Я не буду начинать новую дискуссию, мне просто хочется отметить два момента.

В некоторых выступлениях использовалось такое понятие, как «электронное чтение». Да, появилось совершенно новое поколение юных граждан, совершенно новое поколе-

ние читателей. Мы порой работаем с этим поколением методами XX века. Однако для него эти методы непривычны, оно зачастую не готово их воспринимать. В Национальной программе поддержки и развития чтения об этом говорится, но мы, зная об этом, почему-то возвращаемся к старым принципам. Мне кажется, стоит всерьез подумать о том, что с новым читателем нужно работать по-новому. Если мы его упустим, то получим еще одно нечитающее поколение.

И второй момент – синергия наших ведомств. Говорилось о Министерстве культуры, о Федеральном агентстве по печати, но если не будет в нашем стане Министерства образования, мы так и будем в какой-то степени стоять на месте или двигаться не так, как хотелось бы. Давайте пожелаем, чтобы здесь, через год, подводя итоги первого этапа реализации Программы чтения, мы завершали его уже в триединам сотрудничестве, чтобы все представители сферы культуры, науки, образования были здесь единомышленниками. Большое спасибо МЦБС за организацию этой конференции. Я думаю, что дальше мы будем двигаться только по нарастающей.

Е. И. Кузьмин

Спасибо вам, Александр Николаевич. Спасибо всем присутствующим за ваш огромный интеллектуальный вклад и вашу заинтересованность. Объявляю конференцию закрытой. Всего доброго.

Участники дискуссий

Бак Дмитрий Петрович, проректор Российского государственного гуманитарного университета

Бейлина Елена Николаевна, главный редактор журнала «Университетская книга»

Березовская Татьяна Юрьевна, заведующая лабораторией новых методов, адаптивных методик и технологий Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования

Волков Сергей Владимирович, главный редактор газеты «Литература», учитель литературы Московской государственной Пятидесят седьмой школы

Воропаев Александр Николаевич, начальник отдела книжных выставок и пропаганды чтения Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Гаврилов Александр Феликсович, главный редактор газеты «Книжное обозрение»

Галактионова Татьяна Гелиевна, председатель Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации чтения

Григорьев Владимир Викторович, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Громова Ольга Константиновна, главный редактор газеты «Библиотека в школе»

Дворкин Борис Григорьевич, член Союза кинематографистов России, член Гильдии неигрового кино

Дзялошинский Иосиф Михайлович, профессор Государственного университета Высшей школы экономики, председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики

Добрынина Ирина Александровна, директор Национальной библиотеки Республики Карелия

Дудова Людмила Васильевна, заведующая кафедрой филологического образования Московского института открытого образования

Дунаева Наталья Владичевна, директор Центральной научной библиотеки Государственной академии сельского хозяйства имени К. А. Тимирязева

Елин Лев Николаевич, генеральный директор издательства «Эгмонт-Россия», вице-президент компании «Эгмонт Интернэшнл»

Зайцев Владимир Николаевич, президент Российской библиотечной ассоциации, генеральный директор Российской национальной библиотеки

Илюхин Вячеслав Евгеньевич, заместитель председателя правления группы компаний «Инфра-М»

Казаченкова Любовь Александровна, главный редактор журнала «Современная библиотека»

Кисловская Галина Александровна, директор Российской государственной детской библиотеки

Кузнецов Олег Леонидович, президент Российской академии естественных наук, сопредседатель Национального комитета

«Интеллектуальные ресурсы России», президент Международного университета природы, общества и человека (Университет «Дубна»)

Кузнецова Татьяна Яковлевна, *заведующая кафедрой библиотекovedения и информатики Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма*

Кузьмин Евгений Иванович, *президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества, председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»*

Лемуткина Марина Алексеевна, *обозреватель газеты «Московский комсомолец»*

Линдеман Елена Владиславовна, *заместитель генерального директора Государственной публичной научно-технической библиотеки России*

Литвинец Нина Сергеевна, *исполнительный вице-президент Российского книжного союза*

Лысенко Александр Иванович, *директор издательства «Вешние воды»*

Манилова Татьяна Львовна, *заместитель начальника Департамента культуры – начальник отдела библиотек и архивов Министерства культуры РФ*

Маркарова Тамара Сергеевна, *директор Научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского*

Миронова Ирина Иринеевна, *вице-президент Информационно-правового консорциума «Кодекс»*

Михайлова Надежда Ивановна, *генеральный директор сети магазинов «Московский дом книги», президент Ассоциации книгораспространителей независимых государств, вице-президент Российского книжного союза*

Москвин Виктор Александрович, директор Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына

Невзорова Марина Анатольевна, руководитель Центра поддержки и развития чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки

Нефедова Зоя Алексеевна, главный редактор АНО «Диалог культур»

Николаева Анастасия Владимировна, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета

Новикова Марина Владимировна, заместитель генерального директора Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека»

Орлова Эльна Александровна, директор Института культурной антропологии Государственной академии славянской культуры

Пастернак Борис Натанович, генеральный директор издательства «Время»

Саразетдинов Рифат Гаясович, генеральный директор издательской группы «ГРАНД-ФАИР»

Сметанникова Наталья Николаевна, президент Русской ассоциации чтения

Сомова Наталья Александровна, начальник Управления культуры Брянской области

Стельмах Валерия Дмитриевна, эксперт Некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека»

Урмина Ирина Александровна, научный сотрудник Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры

Усачева Ирина Владимировна, *председатель секции психологии и педагогики чтения Российского психологического общества*

Чуковская Екатерина Эдуардовна, *статс-секретарь — заместитель министра культуры Российской Федерации*

Юферова Ядвига Брониславовна, *заместитель главного редактора «Российской газеты»*

Межрегиональный центр
библиотечного сотрудничества

**Межрегиональная общественная организация
«Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества» (МЦБС)
Основана в 1995 году**

Основные направления и виды деятельности:

- Участие в формировании и реализации национальной политики в области продвижения чтения, в том числе Национальной программы поддержки и развития чтения.
- Участие в формировании и реализации государственной библиотечной политики.
- Участие в реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов.
- Участие в реализации программы «Создание общероссийской сети публичных центров правовой информации на базе общедоступных библиотек».
- Участие в реализации Программы ЮНЕСКО «Информация для всех».
- Формирование и реализация проектов по развитию языкового и культурного разнообразия в киберпространстве.
- Создание и развитие информационно-образовательного интернет-портала «Культура и искусство».
- Создание информационно-образовательных медиацентров для детей и юношества на базе детских и детско-юношеских публичных библиотек России.
- Подготовка, издание и распространение публикаций по проблемам развития библиотечного дела, культурной и информационной политики.
- Подготовка аналитических докладов по проблемам в сфере культуры, коммуникации и информации.
- Организация и проведение международных и всероссийских конференций, семинаров и круглых столов.
- Организация и проведение стажировок и тренингов работников российских и зарубежных библиотек.

МЦБС выполняет функции рабочего органа Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»

Адрес: Россия, 105066, Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр.1

Телефон: + 7 (499) 267-33-34

Факс: +7 (499) 263-26-61

Электронная почта: mcbs@mcbs.ru

<http://www.mcbs.ru>

Национальная программа поддержки и развития чтения: год третий

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ:
влияние на круг чтения» (Москва, 19 ноября 2009 г.)
и III Всероссийской научно-практической конференции
«Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги
и перспективы» (Москва, 20 ноября 2009 г.)

Редакторы-составители: Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова
Корректор: Е. Г. Сербина
Компьютерная верстка: А. А. Баучкин
Ответственный за выпуск: С. Д. Бакейкин

Издатель:

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС)
105066, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр. 1
Тел./факс: (499) 267-33-34, 263-26-61
E-mail: mcbs@mcbs.ru
www.mcbs.ru

Формат 60x90/16
Печ. л. 13,5
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО "Нанотехнопрайд"
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1